

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МАТЕРИАЛЫ К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(София, август 1989 г.)

/история, этнография/

МОСКВА 1989

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

МАТЕРИАЛЫ К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(София, август 1989 г.)

/история, этнография/

МОСКВА 1989

РЕДКОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА:

В.Н.Виноградов, Н.Д.Смирнова, Е.П.Наумов,
М.Д.Ерещенко, О.В.Медведева

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И БОЛГАРИИ В УШ – НАЧАЛЕ XI в.

/сходство и отличия/

Само наименование Международной ассоциации по изучению европейского юго-востока, как и формулировка темы, которой посвящено данное заседание, заключает в себе идею, согласно которой рассматриваемый регион является не только географическим понятием, но и типологически определенным, социально-экономическим и культурно-историческим единством.

Выделение юго-востока Европы в особую общность среди других регионов континента явилось результатом длительных сравнительно-исторических исследований, отличавшихся особой интенсивностью в течение последних двух-трех десятилетий. Следует специально подчеркнуть, что при типологизационных изысканиях ученые, как правило, понимали под юго-востоком Европы лишь Балканский полуостров, т.е. земли, расположенные к югу от Дуная и его правого притока Дравы, населенные по преимуществу южными славянами и греками. Так обстоит дело по крайней мере в исследованиях историков-медиевистов, византинистов и славистов. Причины такого подхода вполне понятны: проблема моделирования и типологии применительно к раннему средневековью теснейшим образом связана с начальной историей государств, сформировавшихся на бывших территориях Римской империи, с проблемой синтеза, континуитета и дисконтинуитета.

Поскольку же остатки имперских общественных институтов (посленатиска варваров), с которыми могли взаимодействовать учреждения варваров, поселившихся на землях империи, предположительно сохранялись только к югу от указанного рубежа, постольку "внесинтезные" территории к северу от линии Дунай-Драва не включаются большинством медиевистов в регион "Юго-Восточная Европа".

Наиболее характерной, общей чертой этого региона признается умеренный синтез элементов разлагающегося родо-племенного строя варваров, прежде всего славян с новыми, зарождающимися и отмирающими общественными нормами и порядками позднеримского (ранневизантийского) общества. Соответственно разной

структурообразующей роли в этом синтезе элементов того и другого из взаимодействующих обществ ^{два} балканский (юго-восточноевропейской) регион подразделяют на субрегиона: на византийский, где, как полагают, синтез совершался при ясном преобладании позднеантичных институтов (а следовательно вполне правомерно говорить о континуитете), и южнославянский, в котором доминировали общественные структуры варварского (славянского) социума¹.

Дальнейшие наблюдения привели исследователей к выводу, что граница между указанными двумя регионами не может быть определена с достаточной четкостью: интенсивность синтеза была различной в разных районах полуострова — она убывала постепенно в направлении с юга на север и с юго-востока на северо-запад, а также в направлении от эгейского, черноморского, ионического и адриатического побережий к высокогорным районам Балкан².

Принципиальное значение имеет высказанный учеными, выделившими балканский регион в качестве зоны умеренного синтеза, тезис о том, что в числе критериев, которые использовались при типологизации раннесредневековых общественных структур, не был принят во внимание такой критерий, как различие типов государственности, так как значение этого фактора в исследовании указанной проблемы остается в науке невыясненным³.

Наконец, авторы вышедшего около четырех лет назад труда, специально поставившие вопросы об этапах социально-экономического и политического развития стран Балканского полуострова в эпоху раннего средневековья, в том числе и вопрос о континуитете и дисконтинуитете, пришли к выводу, что из состава южнославянского субрегиона должны быть во всяком случае исключены словенские земли, которые типологически принадлежали не к Балканам, а к центральноевропейскому региону; что из прочих земель субрегиона наиболее заметные следы синтеза характерны для Болгарии, наименьшие — для Хорватии, а сербские территории занимали в этом отношении промежуточное положение; что далматинские города, в которых синтез нашел наиболее яркое проявление, представляли собой специфическую для Балкан общественную систему, не составлявшую в то время органическое единство ни с хорватской, ни с сербской⁴.

Приведенные выше концепции можно, по нашему мнению, расце-

нивать лишь в качестве предварительных рабочих гипотез. Во-первых, граница региона "юго-восток Европы" (к югу от Дуная - Дравы) не представляется обоснованной достаточно убедительно: севернее этого рубежа существовали римские провинции Дакия, Паннония, Норик, что не могло пройти абсолютно бесследно и для тех варварских народов, которые впоследствии проживали на территории названных провинций. Отнюдь не случайно В.Д.^Корольк счел возможным определить эти земли специальным понятием "контактная зона", для которой были характерны особые формы ослабленного, опосредованного синтеза ⁵.

Во-вторых, государственно-политический фактор, тип системы управления в центре и на местах должен методологически рассматриваться, по нашему мнению, в качестве одного из важнейших критериев при типологизации общественных структур, в особенности для раннего средневековья, когда государство играло крупную, если не решающую, роль в оформлении социальной структуры общества.

В-третьих, необходимо поставить и изучить на конкретном материале вопрос о том, всегда или не всегда вся территория одного раннесредневекового государства может рассматриваться как составная часть одного и того же региона или субрегиона, в частности - территория Византии. Иначе говоря, при любых ли условиях (учитывая специфику места, времени и обстоятельств) только что названный фактор (роль государственной власти) имел структурообразующее значение при формировании той или иной модели средневекового общества.

В-четвертых, наконец, исследователям предстоит, на наш взгляд, еще раз вернуться к основательному и объективному изучению давно существовавшей в историографии проблемы о том, в какой мере одна из сформировавшихся моделей общественного развития служила образцом для становления другой, соседней, при условии сознательной и целенаправленной деятельности социально и политически господствующих слоев находящейся в процессе формирования общественной системы (государства).

Разумеется, перечисленные нами сложные и трудоемкие проблемы не могут служить темой данного доклада. Ниже мы остановимся только на одном вопросе, имеющем, однако, к этим проблемам непосредственное отношение, - на вопросе о сходстве и отличиях социальных и политических структур Византии VIII-XI вв. и Пер-

вого Болгарского царства вплоть до его падения в 1018 г.

Для удобства изложения целесообразно разделить предстоящую рассмотрению эпоху на два периода, имея в виду прежде всего историю Болгарии: дохристианский период и христианский, вплоть до гибели Первого царства.

Нам уже приходилось говорить о том, что наиболее основательно на Балканах в результате варварских нашествий, в особенности протоболгар и славян, были ликвидированы экономические, социальные и политические институты Восточноримской империи именно на той территории, на которой впоследствии возникло Болгарское государство. И тем не менее земли Болгарии входили на Балканах в ту зону, в пределах которой наиболее заметно ощущалось благотворное влияние империи в социально-экономической сфере, а также сложились особо благоприятные условия для становления раннесредневековой государственности⁶. Археология свидетельствует, что и на болгарских и на византийских землях в VIII-IX вв. возделывались одни и те же злаки, огородные и садовые культуры (разумеется, с учетом сходных климатических поясов), разводились одни и те же домашние животные, употреблялись в процессе сельскохозяйственных занятий одни и те же орудия труда⁷.

Существенным было сходство и социальной структуры деревни на землях Болгарии и Византии. Основной фигурой на селе и там и тут являлся свободный крестьянин, самостоятельно вместе с членами своей семьи ведущий хозяйство. Данные археологии дают основание для заключения, что главной структурообразующей ячейкой в деревнях Болгарии, как и в империи, являлась община, которая в VI-VIII вв. находилась в стадии перехода от земледельческой (пахотные участки в ней еще не перешли в частную собственность каждого из членов общины) к соседской, широко распространенной в империи в это время (пахотные земли в соседской общине в Византии уже были аллодами - частной собственностью общинников, которые пользовались сообща лишь угодьями, как об этом позволяет судить созданный на рубеже VI-VIII вв. "Земледельческий закон")⁸. Особенно значительными черты сходства между славянским селом в Болгарии и византийской деревней были в тех имперских провинциях (Северная Фракия, часть Южной Македонии), которые с конца VI в. в

течение полувека или столетия находились под властью Византии и лишь в первой половине IX в. были включены в пределы Болгарского государства.

Значительными были, однако, и отличия, прежде всего в сфере социальной. Во-первых, в византийском селе в целом была более глубокой, чем в славянской, имущественная дифференциация среди общинников. Часть их обеднела и служила в качестве поденщиков у богатых соседей или арендовала у них землю. Во-вторых, уже в это время византийская община была общиной податной, обязанной в порядке солидарной ответственности уплачивать в императорскую казну налоги (для данной эпохи по преимуществу натурой), отбывать определенные повинности (отработки) в пользу казны и нести воинскую повинность. Именно в этот период начал оформляться и постепенно набирать силу процесс формирования новой военно-административной (фемной) системы управления провинциями империи, который по отношению к деревне означал в первую очередь ее полное подчинение интересам государства. Что же касается деревни в Болгарии, то она в VIII в. еще, по-видимому, не знала столь же регулярно организованной централизованной эксплуатации. Некоторые косвенные свидетельства оправдывают предположение, что в VIII в. подданные хана Болгарии, земледельцы и скотоводы, должны были — самое большее — вносить в казну натуральные дани, генетически восходившие к традиционным племенным общественным взносам, употреблявшимся ранее на общеплеменные нужды (постройка и содержание святилищ, выкуп пленных, строительство оборонительных сооружений и т.п.). Постепенно эти взносы приобрели регулярный характер, а право распоряжения ими переходило в руки формирующегося высшего социального слоя.

В-третьих, в аграрной структуре Византии податная община была главным, но не единственным структурообразующим элементом. Помимо деревни-общины, в империи имелись зажиточные хуторяне и богатые землевладельцы. Имелись здесь в VIII-IX вв. имения с организованным хозяйством, принадлежащие императорской семье, духовенству, крупному гражданскому чиновничеству и военной знати. Часть этих имений уцелела от прошлого, пережив кризис VI-VII вв. и бурю варварских нашествий, а часть возникла заново в результате дарений императора и вопреки его воле⁹.

Соответственно этому среди социально господствующих кругов империи VIII–IX вв., в особенности в среде духовенства и фемной военной знати, уже конституировалась значительная прослойка, извлекающая доходы из принадлежавших им недвижимостей через эксплуатацию зависимых людей. К началу X в. категория зависимых крестьян-париков была уже хорошо известна византийскому обществу, а стремительный рост ее численности, ведущий к сокращению налоговых поступлений в казну и ослаблению фемного войска, вызовет, начиная с 20-х годов X в. целую систему мер со стороны правительства в защиту мелкого свободного землевладения от натиска знатных и богатых лиц.

Ни о чем подобном в Болгарии сохранившиеся источники того времени не сообщают. Лишь по отдельным косвенным свидетельствам IX в. и используемым ретроспективно источникам X в. можно заключить, что на болгарских землях в этот период утверждалась в качестве всеобщей системы регулярная централизованная эксплуатация. Крупные сооружения той эпохи (прежде всего столица Болгарии Плиска и оборонительные валы и рвы на севере и востоке Болгарии) дают представление о широком привлечении государством масс населения к отработочным повинностям. Византийско-болгарские договоры VIII–IX вв. свидетельствуют о значительных поступлениях в казну натуральных налоговых взносов. Как впоследствии князья и бояре на Руси, высшая знать Болгарии во главе с ханом вела активную торговлю в Константинополе, сбывая там собираемые с населения скот, меха, лен, мед, кожи и др.

Сложные процессы преобразования социальной структуры болгарского общества в дохристианский период известны крайне мало. Ясно, однако, что они совершались параллельно и в славянской, и в протоболгарской среде. Ведущую роль играли при этом изменения, происходившие в среде большинства подданных хана, т.е. славянского, оседлого населения, в ряды которого постепенно вливались, теряя свою первоначальную этническую специфику, протоболгары, занимавшиеся поначалу преимущественно скотоводством. Иначе говоря, одновременно с изживанием этно-культурного дуализма происходил процесс изживания хозяйственного дуализма.

Строго говоря, у нас нет никаких данных, которые позволили бы с полной определенностью утверждать, что до середины IX в. в Болгарии сложились крупные частновладельческие имения, хотя

источники не оставляют сомнений в том, что уже были налицо низшие, средние и высшие слои знати (боилы, багаины, тарканы, князья, жупаны, старейшины). Лишь в законодательстве хана Крума (803–814), носящем легендарный характер, содержатся намеки на то, что "богатые" имели возможность снабдить "бедняков" всем необходимым для жизни так, что им впредь уже не приходилось просить милостыню (возможно, бедняков снабжали средствами производства, в том числе участком земли).

Самого серьезного внимания, с нашей точки зрения, заслуживает тот факт, что в первой половине IX в. в пределы Болгарии были включены значительные районы на юге и юго-западе от ее границ, принадлежавшие до этого Византийской империи. Именно в это время, как упоминалось, в империи совершался процесс формирования зависимого крестьянства-париков. Уровень эксплуатации париков был в 2–3 раза более высоким, чем совокупные (налоговые и отработочные) повинности крестьян-налогоплательщиков казны. Маловероятно, чтобы с присоединением имений с париками к территории Болгарии болгарские государи и представители болгарской знати, становясь обладателями новых земель, разрушали сложившуюся в империи аграрную структуру и довольствовались менее высокими доходами с захваченных у империи деревень и городов. Скорее всего аграрноправовые отношения не претерпевали при этом глубоких перемен, и новоприобретенные земли, сохраняя свою структуру, стимулировали социально-экономическое развитие по примеру византийского.

Тем не менее, как и в империи в течение этого периода, в Болгарии, соответственно основному (государственному) способу накопления изъятых у непосредственных производителей прибавочного продукта, социальные градации между привилегированными слоями общества определялись не сугубо имущественными или личностными отношениями друг к другу, а их связями с верховной (центральной) властью. Само имущественное положение представителей разных социальных групп знати зависело прежде всего от рода его службы у государя, от того места в служебной иерархии, на которое он попадал по воле главы государства. Централизованная система управления, отсутствие иерархической структуры земельной собственности, подобной той, которая существовала на феодальном Западе, обуславливала и в Византии и в Болгарии действие принципа вертикальной подвижности при

комплектовании приближенного к государю гражданского и военного чиновничества. Правда, в Болгарии, в отличие от империи, была выше сплоченность знатных родов, оформившихся еще в догосударственный период¹⁰. С ликвидацией административного дуализма к началу 2-й трети IX в. и с исчезновением славяний как специфически славянских полуавтономных объединений, находящихся под контролем славянской родо-племенной знати, глубокие перемены коснулись прежде всего славянской части господствующего класса. Бывшие князья и старейшины славян оказались в более тесной зависимости от главы государства. По нашему мнению, именно славянская знать составила к середине IX в. большую часть служилой знати и оказалась накануне крещения Болгарии (как и в ходе самого крещения) главной социальной опорой Бориса, тогда как уцелевшие протоболгарские роды сохраняли традиционную сплоченность и большую независимость от центральной власти. Отнюдь не случайно оба мятежа знати против утверждения христианства в качестве государственной религии (в 865 и 893 гг.) были организованы именно протоболгарскими боилами¹¹ багаианами. Разгром этих мятежей ускорил слияние славянской и протоболгарской по происхождению знати в единый господствующий класс. С ликвидацией оппозиции со стороны протоболгарской аристократии централизаторскому курсу монарха навсегда ушел в прошлое и такой пережиток племенного строя, как "народное собрание", неведомое политическому сознанию византийцев ни этой, ни более ранней эпохи.

Особенно заметно отличался по уровню своего развития от византийской модели в VIII-IX вв. болгарский город. Характерно, что обе столицы Болгарии того времени (Плиска и Преслав) не имели преемственности с древними городами, сохранившимися от позднеаримской или ранневизантийской эпохи, — они были отстроены на месте небольших поселений. Сами уцелевшие на черноморском побережье и на Дунае византийские городские центры, переживавшие в конце VII-первой половине IX в. хозяйственный упадок, до первой четверти IX в. не входили в состав Болгарии, и их экономический потенциал и социальные силы непосредственно не участвовали в процессе становления экономического и политического могущества на первых этапах развития Первого Болгарского царства.

О внутренней социально-экономической структуре городов

Болгарии, которые вступили в полосу подъема примерно столетием позже византийских, по-видимому, лишь с X в., известно очень мало. По некоторым косвенным свидетельствам и археологическим данным можно, однако, заключить, что для болгарского (как и вообще для континентального балканского) города характерны некоторые общие черты.

Основное его население составляли ремесленники и мелкие торговцы. Особое сословие купцов-посредников так и не оформилось в эпоху существования Первого Болгарского царства: ремесленник чаще всего сам продавал производимые им изделия. Ничего не известно и о существовании в Болгарии городских ремесленных цехов или корпораций (по типу византийских).

Городам Болгарии, как и Византии и иных балканских стран, было присуще неполное отделение ремесла от сельского хозяйства: большинство ремесленников-горожан не порывало занятий сельским хозяйством.

Приведенная характеристика не вполне применима, по-видимому, лишь к Преславу, отстроенному Симеоном с особой заботой и пышностью. Однако и расцвет Преслава приходится уже на X столетие, когда заметно оживилась хозяйственно-торговая жизнь и других городов Болгарии.

Разумеется, говоря о сходстве и различиях в социально-политических структурах Болгарии и Византии в период до конца IX в., мы отвлекаемся от проблемы различий культур того и другого общества, хотя и убеждены в том, что формы организации государственной власти как в центре, так и в провинциях так или иначе зависят от уровня культуры общества. Конечно, Болгарское государство обладало еще множеством архаических черт, являлось значительно менее развитым сравнительно с Византием, с ее громоздким, тщательно разработанным аппаратом, многочисленными ведомствами, основанном на письменном законе судопроизводством, глубокими государственно-политическими традициями, сложной теорией права, пыльным придворным церемониалом, многоступенчатой иерархией чинов и должностей, с самим ее государственным делопроизводством, совершавшимся в соответствии с четко установленными критериями и формулами.

Что же касается, однако, таких принципиальных положений, как классовая сущность государства той поры, организация

власти и функционирование государственного аппарата, то в этом отношении болгарская и византийская монархии мало отличались друг от друга. Центральный и провинциальный аппараты власти в Византии и Болгарии служили одним и тем же целям и были в равной мере подчинены монарху, верховному законодателю, судье и военачальнику. В Византии фемные стратиги, в Болгарии тарканы, комиты и жупаны были лично назначаемыми государем наместниками провинций, обладавшими на местах всей полнотой гражданской и военной власти. И в Византии, и в Болгарии существовали две социальные группировки служилой знати: центральная (в империи высшее титулованное гражданское чиновничество, в Болгарии - боилы, или "внутренние бояре") и провинциальная (в Византии - фемные стратиги, в Болгарии - багаины, или "внешние бояре").

Принципиальное, по нашей оценке, значение для истории обеих стран имело еще одно отличие в организации высшей власти в Болгарии и в Византии. Мы имеем в виду строгое соблюдение в Болгарии принципа наследственности власти в одной семье, в одном роду (династии). Напрасно было бы, как кажется, искать причину того, что в Болгарии этот принцип в целом выдерживался, по крайней мере с начала IX в. (тогда как в империи он осуществлялся с трудом еще и в XII столетии), в традициях родо-племенного быта именно протоболгарского (тюркского) кочевнического общества^{II}. То же явление (наследственность высшей власти) было характерно и для славянских раннесредневековых государств, в том числе таких, о возможном влиянии на которые кочевников не может быть и речи (Древняя Чехия, Польша).

По всей вероятности, причины этого коренятся в особенностях перехода от догосударственного общественного строя к государственному, когда органы племенного и союзноплеменного управления во главе с их вождем-князем, опиравшимся на свой род, непосредственно превращались в органы власти государства. Исключение в этом отношении представляла не Болгария или иная "варварская" страна, а Византия, представлявшая собой как государство продолжение Римской империи. Именно в связи с отмеченной спецификой империи (отсутствием принципа наследственности власти) ее правители столь часто прибегали к соправительству (коронации при жизни сына, нередко еще ребенка). В Болгарии не знали этого института вплоть до XIV в.

Прежде чем перейти к социальным и политическим институтам двух соседних стран в конце IX – начале XI в., необходимо, на наш взгляд, коротко остановиться на вопросе о значении принятия христианства для поступательного развития социальной, общественной и политической структуры болгарского общества. Мы полагаем, что в марксистской литературе в этом отношении вплоть до недавнего времени имела место недооценка значения акта крещения Болгарии (865 г.), хотя эта проблема тесно связана с другой, гораздо более широкой – с проблемой влияния внешнего фактора на ход внутреннего развития любого человеческого сообщества. Христианство представляло собой не только религиозное вероучение – оно являлось в ту эпоху также концентрированным выражением человеческого общественного опыта, накопленного в течение более чем полутысячелетия цивилизованными народами Римской и Позднеримской империи. Господствующий класс "варварских" государств (а таким нам представляется и Болгарское государство в дохристианский период), принимая христианство, активно и сознательно, как мы думаем, заимствовало если не социальные институты (помимо церковных), то во всяком случае политические идеи более развитого соседнего государства (Византии).

Следы заимствования византийских атрибутов власти и отдельных государственных институтов различимы в Болгарии и для дохристианского периода ее истории. Но подлинно широкое восприятие византийского опыта, общественного и идейного, началось в Болгарии лишь после ее крещения. Христианство – не только религия. Оно также учение о верховной власти, об отношении человека к обществу и к другому человеку, о жизненном распорядке, об основных нравственных правилах и духовных ценностях. Христианские догматы и нормы поведения воспринимались как цельная система, во всей их совокупности. Если в дохристианский период процесс восприятия византийских порядков сдерживался не только различиями в вере, но и длительной, нередко ожесточенной конфронтацией (все византийское вызывало в сознании болгар образ врага), то теперь после утверждения христианства, ничто, казалось бы, не мешало введению в Болгарии социальных и политических институтов византийского происхождения.

Дело обстояло, однако, гораздо сложнее. Возникали и новые институты и в социальной, и в политической сферах, но большую их часть вряд ли можно приписать византийскому влиянию.

Имеются вполне определенные свидетельства, что в Болгарии X—XI вв. складывалось крупное землевладение, базировавшееся на эксплуатации труда зависимого крестьянства, что привилегии знати, как и рост их владений, были поставлены под контроль центральной власти, подобно тому как это еще ранее было сделано в Византии.

По-видимому, существенно — и возможно по византийскому образцу — была упорядочена налоговая система, составлялись описи крестьянских хозяйств, регистры лиц, обязанных отбывать воинскую повинность.

Среди центральных и провинциальных ведомств появились новые учреждения, новые должности и титулы, сохранявшие, однако, протоболгарские или славянские (но не византийские) наименования. Принципиально новым явлением было увеличение во второй половине X — начале XI в. полномочий провинциальных наместников, а также превращение ряда высших государственных должностей в наследственные. В резком противоречии с положением дел в Византии того же времени некоронованные члены правящей династии стали получать крупные должности не только в центральном, но и в провинциальном аппарате власти. В несомненной связи с этим явлением находится неведомые Византии X—XI в. междоусобия между членами правящего дома.

Однако все эти перемены трудно увязать с принятием христианства или вообще с византийским влиянием. Болгарское государство стало, несомненно, в течение полувека вслед за крещением развитой раннефеодальной монархией.

Впрочем, невозможно с достоверностью утверждать, сколь существенной перестройке были при этом подвергнуты сами государственные учреждения. Следует во всяком случае думать, что серьезные преобразования произошли в сфере организации судопроизводства. Насколько позволяют судить "Ответы папы Николая на вопросы болгар" (866 г.), лишь после крещения стали активно изживаться нормы обычного права, восходившие к родо-племенному строю; суд стал совершаться на основе письменных законов. Происходила рецепция византийского права; был официально введен в практику византийский сборник церковно-канонического права "Номоканон" ("Кормчая книга"). Полагают, что в конце IX — начале X в. в Болгарии в качестве судебного руководства использовался

и "Закон судный людем" – первый памятник славянского права, составленный под сильным влиянием византийской "Эклоги" (в науке ведутся споры о его великоморавском или болгарском происхождении) ¹².

В целом же, насколько позволяют судить сохранившиеся источники, сам аппарат государственной власти в Болгарии в центре и на местах не подвергся после крещения кардинальной перестройке в соответствии с некоей "византийской" моделью. Сохранились в основном институты и учреждения, развивавшиеся независимо от империи и вполне отвечавшие местной специфике.

Влияние Византии (христианства) наиболее полно отразилось скорее всего на регалиях государя и придворной символике, а в особенности – на теории верховной государственной власти, на положении главы государства, его юридическом, политическом и общественном значении как внутри страны, так и на международной арене ¹³. Как полномочный христианский монарх, высший судья и законодатель, верховный военачальник, власть которого в качестве "наместника божия" была освящена "свыше", он считал себя вправе добиваться для себя почестей, равных тем, которые полагались византийскому (римскому) императору.

Соответственно представлениям, свойственным прежде всего византийской государственно-политической доктрине, подверглись перестройке весь распорядок и быт при дворе монарха, был введен пышный церемониал, высоко вознесший государя над его подданными.

Таким образом, признавая, что Первое Болгарское царство по своей структуре представляло собой типологически модель раннесредневекового государства, более близкую к византийской, чем к западно- или центральноевропейской модели, мы считаем, что наиболее явственно черты сходства Болгарии с Византией обнаружались только в социально-экономической сфере. И, напротив, сравнительно слабыми черты сходства с Византией оказались в государственно-политической области.

Однако вряд ли можно считать решенным вопрос о причинах отмеченных черт сходства. Можно ли их уверенно отнести только на счет византийского влияния? Они могут быть в ряде случаев констатированы также и при сравнении социальных и политических институтов Византии и Древнегерманского государства. По-видимому, следует быть весьма осторожным при определении причин аналогий

в институтах даже соседних стран. Их подлинно глубокое усвоение возможно, по-видимому, лишь в тех случаях, когда одна из систем попадает под власть другой. Действительно, болгары, свергнув византийское господство в IІ86 г., через I70 лет после падения Первого Болгарского царства, сохранили во множестве институты власти, установленные их врагами и недавними господами. Эти иноземные по происхождению учреждения, вырванные из рук неприятеля, стали восприниматься как свои собственные.

- ¹ Удальцова З.В., Гутнова Е.В. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 12-23; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа /Типологические наблюдения/. — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 107-123; Удальцова З.В., Осипова К.А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии /Постановка проблемы/. — В кн. Византийский временник. 1974, т. 36, с. 3-30; Курбатов Г.Л. К проблеме перехода от античности к феодализму. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, вып. 3, с. 3-21.
- ² Бромлей Ю.В., Королик В.Д., Литаврин Г.Г. Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах /до конца XII в./ — В кн.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985, т. 1, с. 350-367.
- ³ Удальцова З.В., Гутнова Е.В. К вопросу о типологии..., с. 13
- ⁴ Раннефеодальные государства на Балканах. УІ-ХІ вв. М., 1985 /здесь и библиография/.
- ⁵ Королик В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975, с. 159-182.
- ⁶ Литаврин Г.Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства. — В кн.: Раннефеодальные государства..., с. 132 сл.; Он же. Заключение. — Там же, с. 314-333.
- ⁷ Иванова О.В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия. — Там же, 34-98; ср. Малингулис Ф. Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии. — В кн.: Визант. врем., 1987, т. 48, с. 44-52.
- ⁸ Ангелов Д. Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства. — В кн.: Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987, с. 7-10; Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах /УІ-УІІ вв./ — Там же, с. 33-44.
- ⁹ Литаврин Г.Г. Особенности социальной структуры византийского крестьянства в ІХ-ХІІ вв. — классы и сословия средневекового общества. М., 1988, с. 54-58.

- I0 Койчева Е. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах - В кн.: Этносоциальная и политическая структура..., с. 151-164.
- I1 Ср. Наумов Е.П. К истории общественно-политической мысли южнославянского средневековья /структура власти и концепции раннефеодальной эпохи/. - В кн.: Typologie raně feudálních slovanských států.Praha, 1987,s. 201-216.
- I2 Шапов Я.Н. Закон судный людем и Славянская эклога.- Ву- zantinoslavica, 1985, № 46 (1), p. 136-139.
- I3 Тышкова-Займова В. Формы власти в Византии и в балканских государствах (до X в.). - В кн.: Этносоциальная и политическая структура..., с. 116-124; ср. Она же. Византийская и болгарская государственная идеология в эсхатологической литературе и пророчествах. - В кн.: Typologie..., с. 147-173.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИИ И СЛАВЯН
 /Изборник Симеона-Изборник Святослава и его греческие прототипы/

Как известно, Изборник 1073 г. — второй по древности /после Остромирова евангелия/ датированный памятник древнерусской книжности — восходит к древнеболгарскому протографу — несохранившемуся Изборнику царя Симеона, который, в свою очередь, представлял собой перевод, созданный на рубеже IX—X вв., с византийского греческого прототипа памятника. Основной его объем занимают так называемые "Вопросы и ответы", дошедшие под именем автора УП-начала УШ вв. Анастасия Синаита, хотя по своему составу сборник, содержащий и выдержки из сочинений патриарха Никифора, Михаила Синкелла и др., обрел свой дошедший до нас облик, очевидно, в IX в. В начале и конце Изборника добавлены фрагменты патристических сочинений, произведений философского, естественно-математического, филологического и исторического содержания.

Уже давно в науке предпринимались попытки определить византийский "источник" славянского текста Изборника. Если в прошлом веке А. В. Горский, К. И. Невоструев, О. М. Бодянский, говоря о "греческом оригинале" памятника подразумевали список X в. Coisl.gr. 120, то сравнительно недавно Б. Пейчев предложил считать протографом Изборника Симеона-Святослава другой список X в. — Vat.gr. 423, текст которого, якобы, практически полностью совпадает с текстом Изборника 1073 г.

Произведенная нами, однако, коллация текстов сохранившихся греческих списков с текстом, аналогичным Изборнику Святослава, не позволяет поддержать ни одно из этих категорических заключений. Картина взаимоотношений славянского текста с прототипом вырисовывается значительно более сложной.

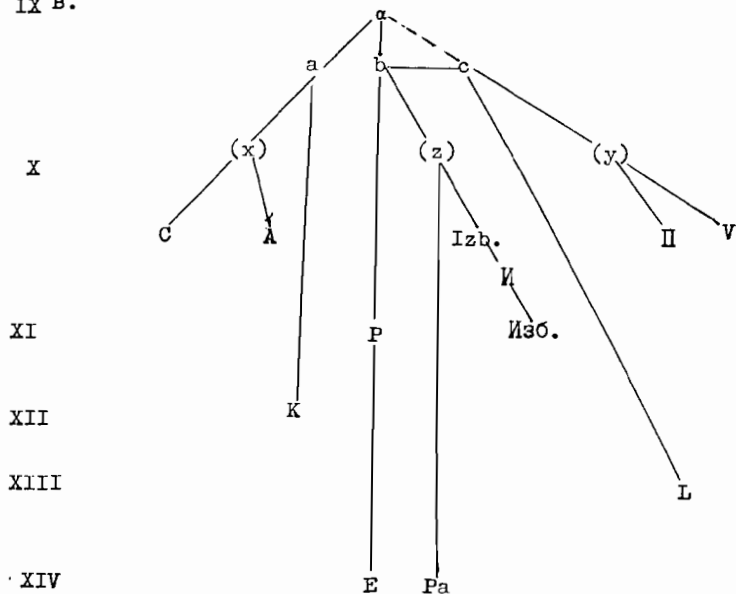
Первым этапом исследования было определение рукописной традиции текста греческого прототипа памятника. К настоящему времени известно девять его списков: четыре — X в. (Coisl.gr. 120; Vat.gr. 423; Patm. 109; Ambr. I. 88 sup.), один — XI (Paris.gr. 922) один — XII (Coisl.gr. 258), один — XIII в. (Athos. Laur. Ath. I 115) и

два - XIV в. (Paris.gr.1259 A ; Escor.R.III.2).

Наши дальнейшие розыскания привели к выводу о несомненном существовании в мире различных рукописных сборников, повторяющих частично содержание Изборника Святослава : в окружении самого различного текстового конвоя в эти своды попадали части, разделы, отдельные статьи прототипа Изборника. Помимо списков различных редакций собственно "Вопросов и ответов" Анастасия Синаита, например, Москва, ГИМ Син.гр.265/197 Вл. - IX/X в., известны и сборники, содержащие и другие статьи Изборника Святослава /например, Meteor.Metamorph.28, Athos.Iber.382, Athos.Dionys.215/.

Предлагаемая стемма, полученная в результате наших текстологических исследований микрофильмов указанных выше списков /чему посвящается самостоятельная большая работа/, включает в себя и гипотетически реконструированный протограф славянского перевода памятника.

IX в.

α - архетип, а, б, с - прототипы групп списков, x, y, z - факультативные протографы старших списков, C - Coisl.gr.120, V - Vat.gr. 423, II - Patm.109, A - Ambr.L 88 sup., P - Paris.gr.922, K - Coisl.gr.258, L - Athos.Laur.Ath.Г 115, Pa - Paris.gr.1259 A, E - Escor.R.III.2, Izb. - греческий прототип Изборника, И - Изборник Симеона,

Изб.- Изборник Святослава.

Анализ греческих списков позволяет внести уточнения в хронологию возникновения греческого оригинала Изборника и, даже шире, поставить вопрос о путях развития текста прототипа Изборника.

Старший Парижский список /Р/ XI в. содержит на лл.4 и 5 об. надпись в квадрате и акростих с фразой $\epsilon\upsilon\delta\omicron\kappa\iota\alpha\varsigma \eta \delta\epsilon\lambda\tau\omicron\varsigma \alpha\delta\upsilon\omicron\upsilon\beta\omicron\varsigma \tau\eta\varsigma \pi\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota$. Упоминание имени императрицы как создательницы /или заказчицы/ книги заставляет рассмотреть возможные идентификации упомянутой августы. Надписание может относиться к создательнице сборника в его ~~сводном~~ виде, т.е. дополненном различными статьями к его основному ядру "Вопросам и ответам" Анастасия Синаита. В этом случае следует сделать выбор среди трех императриц IX в.

Хронологически первой среди них является Евдокия Декаполитисса - жена императора Михаила III /842 - 867/¹. Она была представлена Михаилу во время смотра извест и стала женой, вероятно, незадолго до 20 ноября 855 г. При этом была отвергнута другая Евдокия - Ингерина², бывшая уже к тому времени любовницей Михаила (Leo Gramm.229.22-230.3; Ps.-Sym.658.2-5; Георг.Амарт 8.31-33). Скучность исторических сведений о Евдокии Декаполитиссе позволяет сделать вывод о малозначительности ее роли при дворе. Она была императрицей между 856 г., когда Михаил III был объявлен единоличным правителем, и 867 г., когда после убийства мужа она отправляется к своим родителям, вероятно, в Декаполь.

Значительно большее место в жизни константинопольского двора заняла другая, уже упомянутая, Евдокия - Ингерина, которая уже к моменту "конкурса невест" для Михаила пользовалась определенным влиянием при дворе³. 24 сентября 867 г. Михаил III, напоенный во время трапезы, был убит, и на византийский трон взошел бывший паракимомен Василий (Leo Gramm.250.11-251.21; Theodos. Melit.175.3-176.3; Georg.Cont.836.12-837.22; Ps.-Sym.684.9-685.11; Георг.Амарт. 16.7-35; Theoph.Cont.210.7-13), назначенный еще в мае 866 г. соправителем императора⁴, ставший теперь вассалом Василием I (Leo Gramm.245.17-247.3; Ps.-Sym.679.15-680.3; Георг.Амарт. 13.31-14.20; Theoph.Cont.207.15-17; Vita Basil.239.20-240.4; Genes.79.65-66; Vita Ignat.537 A) - основателем новой Македонской династии⁵. Евдокия Ингерина и была за него сосватана еще около 865 г. Таким образом 24 сентября 867 г. она стала августой. Но еще раньше - в сентябре /или декабре/ 866 г. она родила сына - будущего императора Льва VI Мудрого⁶ (Leo Gramm.249.3-5; Theodos.Melit.174.7-9; Georg.Cont.835.4-6; Георг.Амарт.15.18.

Роль Евдокии Ингерины во дворце была значительной вплоть до самой ее смерти в 882/883 г.⁷ Эта женщина, бывшая августой с 867 по 882/883 г., прожившая полную взлетов и падений жизнь, характеризуется как внешне привлекательная, пронзительная, приспособляемая и выдержанная, прагматичная и авантюристичная, то решительно вмешивавшаяся в события, то терпеливо выжидавшая.⁸

Наконец, третьей императрицей Евдокией в рассматриваемый период была третья жена Льва VI /886–912/. Ее кратковременное пребывание в качестве первой дамы государства едва могло превысить несколько лет. Вторая жена Льва – Зоя Заутсена умерла через полгода после смерти отца – Стилиана Заутцы в 899 г. Лев вступил в третий брак с фригийкой Евдокией Байаной летом 900 г. (Theoph. Cont. 364.14–19; cf. Scyl. 180.11–13; Zon. III.445.9–13). Однако 12 апреля 901 г. она умирает при родах (Leo Gramm. 274.5–8).

Исследования роли императрицы в византийской придворной и политической жизни привели к выводу о том, что в Византии отнюдь не всякая императорская жена /"василисса"/могла стать "августой"; чье особое положение было отражено в специальном обряде венчания – *στέφανον*: Константин Багрянородный при описании церемоний византийского двора различал обряды венчания василиссы и августы¹⁰. "Августой" становилась лишь та императрица, которая одаривала императора ребенком, прежде всего, наследником: в ранне- и средневизантийскую эпохи это было условием "возвышения" василиссы в августу¹¹.

В таком случае из рассмотренных выше трех кандидатур августой могла быть только Евдокия Ингерина. К ней могли иметь отношение и фигурная надпись, и акrostих старшего Парижского списка византийского прототипа Изборника Симеона-Святослава, если эти надписания отражают и воспроизводят титульный лист протографа сборника IX/X вв.

Действительно, при дворе Василия и Евдокии Ингерины вошли в моду и стали затем популярными сочинения-игры из начальных букв слов – занимательный жанр словесности. Так, хорошо известен акrostих, объединяющий 66 разделов "Учительных глав" Василия I, воспроизводящий посвящение: "Василлий во Христе император ромеев – Льву, любезному сыну и соправителю"¹². Посвящение Василия I будущему Льву VI датируется около конца 879 г.

В то же время, если верить легендам о Фотии¹³, в Константинополе получила распространение сочиненная генеалогия Василия, в которой из вымышленного имени его отца – **Веклаа** выводились

по начальным буквам имена его потомков — Василия, Евдокии, Константина, Льва, Александра и Стефана¹⁴. Своеобразные поэтические игры со словом, буквами, фигурная поэзия — черта, характерная для литературных вкусов рассматриваемого периода¹⁵. Даже военная "Тактика" Льва VI в виде 200 с лишним глав могла быть представлена в форме акростиха, содержащего имя императорского брата — Константина¹⁶.

Однако надписание об августе Евдокии в Парижском списке XI в. может относиться и к заказчице /владелице/ непосредственно данного кодекса, т.е. Парижского манускрипта. В этом случае может иметься в виду Евдокия Макремволитисса — жена императора Константина X Дуки /1059 — 1067/, правившая после его смерти 21 мая 1067 г. самостоятельно /в качестве регента над сыновьями — будущим императором Михаилом VI Парапинаком и Константином/, а затем ставшая женой Романа IV Диогена /1068 — 1071/.

Она играла значительную роль в византийской политике 60-х гг. XI в. — красавица, знатного рода и благородного духа, по характеристике Михаила Пселла. Период 1059 — 1067 гг. был временем фактически совместного правления Константина и Евдокии. После смерти василевса Евдокия, принимая власть, поклялась не вступать в новый брак. Однако "в интересах государства" патриарх освободил августу от клятвы, после чего и состоялось ее бракосочетание с Романом Диогеном, ставшим императором¹⁷. После поражения Романа при Манцикерте и провозглашения 24 октября 1071 г. императором Михаила VI Дуки, Евдокия была пострижена в Пиперудский монастырь на Босфоре.

В любом случае из возможных идентификаций для нас важно свидетельство того, что данный сборник находился в придворных императорских кругах.

Для уточнения хронологии создания греческого сборника — прототипа Изборника Святослава могут помочь имеющиеся в конце старшего Куаленовского /С/ и Лаврского /Л/ кодексов списки патриархов, на которые, как и на императорский каталог, сохранившийся в конце Лаврского списка, пока не было обращено внимания.

Перечень римских пап с указанием числа лет правления каждого оканчивается Гонорием I, который занимал престол с 27 октября 625 г. по 12 октября 638 г. Последний упоминаемый иерусалимский патриарх — Модест: год его пребывания у власти приходился на 632 — конец 633 или начало 634 гг. Список александрийских патриархов также обрывается в VI в. — последним назван Петр, т.е. мельхитский патриарх Петр III, стоявший во главе патриархата с 643/

Хронологически VI веком заканчивается и каталог антиохийских патриархов, хотя последнее упоминание патриарха в нем создает определенные просопографические проблемы идентификации. Вслед за Анастасием, срок патриаршества которого исчислен II годами, т.е. Анастасия I, первый срок патриаршества которого продолжался с 559 по 570 г., и Григорием, правившим с 570 по 593 гг., последним назван "Анастасий Синаит" с указанием двух лет правления. В истории антиохийской церкви после Григория с 25 марта 593 г. до 598 г. вновь на троне был Анастасий I, а с конца 598/599 г. до 609 — Анастасий II¹⁸. Таким образом, наш патриарший каталог может иметь в виду первые два года повторного правления Анастасия I, указывая тем самым на дату составления данного списка. Но допустимо, что автор каталога, не учитывая этого периода, называет следующего после Григория патриарха, т.е. Анастасия II, идентифицируя его с Анастасием Синаитом. На возможность подобного отождествления указывает заглавие статьи *περί προνοίας*, относимой патриарху Анастасию Антиохийскому /Анастасию II/¹⁹ в Cod.Reims.375 : этот текст идентичен 96-му вопросу и ответу свода Анастасия Синаита.

Так или иначе, рассматриваемый каталог антиохийских патриархов следует отнести к рубежу VI/VII вв. Лаврский список во всех рассмотренных случаях идентичен старшему Куаленовскому, за исключением опускаемых писцом слов "год" или "лет": в списках непосредственно вслед за именем иерарха следует число /лет/.

В качестве рабочей гипотезы попробуем предположить, что указанные хронологические грани отражают этапы эволюции текста греческого прототипа Изборника. Как сказано выше, "Вопросы и ответы" Анастасия Синаита стали ядром сборника, причем, в редакции, восходящей к "оригинальной" — анастасиевой. Этот этап формирования сборника — на основе авторской редакции Анастасия Синаита — относится к анастасиеву периоду — до конца VII в., что и отражают перечни пап и патриархов, датируемые между 600 /антиохийский каталог/ и 651 /александрийский/ гг.

На следующий этап в истории памятника указывает краткая патриаршая хроника Лаврского списка, оканчивающаяся на л.157. указанием на период второго патриаршества Фотия, длившегося с 26 октября 877 по 29/30 сентября 886 г. Причем, в отличие от сведений, предшествующих второму сроку правления Фотия, в тексте рукописи не указано число лет этого срока, что позволит предположить, что эта хроника, входившая в состав свода-прототипа

Изборника Святослава, была составлена в период второго патриаршества Фотия, но до его окончания.

Если верна идентификация августы Евдокии Парижского /Р/ списка - "создательницы" /заказчицы/ книги, с Евдокией Ингериной, то хронология этого этапа истории свода может быть еще уточнена : свод в своем определенном виде был сформирован между концом 877 г. /начало второго правления константинопольского патриарха Фотия/ и 882/883 г. /смерть августы Евдокии Ингерини/. Возможность такого оборота дел обуславливается как близостью Фотия именно в последние годы к кругу Василия I /под именем Фотия сохранился стихотворный энкомий в честь Василия ; под руководством этого патриарха воспитывался и царский наследник - будущий император Лев VI/, так и общим характером развития культуры в Византии этой поры, характеризовавшейся как раз составлением различного рода сводов, компендиумов, энциклопедий, обобщавших знания предшествующих веков и служивших при этом материалом для ведения именно в фотианский период острых церковно-политических дискуссий²⁰. Именно таков - догматико-полемический и энциклопедический - характер греческого сборника, ставшего оригиналом славянского перевода, сохранившегося в Изборнике Святослава.

На время составления непосредственно греческого оригинала Изборника могут указывать как дата последнего упоминаемого в Лаврском императорском каталоге василевса Александра /912 - 913/, так и последний из упомянутых в Куаленовском списке /С/ на л.227 об. константинопольский патриарх : "Николай снова". Это - Николай I Мистик, вторичное патриаршество которого приходится на период между 15 мая 912 и 15 мая 925 гг. Примечательно, что Николай Мистик был очень близок к патриарху Фотию, являясь, судя по Житию патриарха Евфимия /"Псаммафийской хронике"/, "домочадцем Фотия". Хорошо известны и связи Николая Мистика со славянским миром²¹; он переписывался с болгарским царем Симеоном, активно вмешиваясь в политическую жизнь Болгарии²².

В X в. рассмотренные греческие сборники находятся в пределах царских кругов : они создаются, как показывает кодикологический анализ, писцами императорских скрипториев. Возникнув на основе догматико-полемического компендиума Анастасия Синаита, сборник в виде "Книги спасительной" /βιβλος σωτήριος /, как он озаглавлен в старшем Куаленовском списке /С/, "душеполезных повествований" /ψυχοφελῶν διηγήσεων /, - как в Лаврском и отчасти в младшем Парижском /Ра/ списках, мог сформироваться в фотианской среде,

преобретя энциклопедические черты, и получив затем распространение в императорском скриптории /на что указывает анализ почерков списков X в./, в непосредственном окружении василевса, где создавались в X в. многочисленные известные сборники эксцерптов под патронатом Константина Багрянородного по самым различным областям знания²³. Книга получает название "Параллелей" - как в старшем Парижском кодексе /P/ (παροιῶσα Δέλτος ... λέγεται Παράλληλα), отвечая на вопросы как догматического и историко-церковного содержания, так и светского - естественно-научного, астрономического, эстетического, исторического. Соответственно расширяется и состав текстов, "добавляемых" в дошедших до нас списках к статьям, известным по Изборнику Святослава. Это - и заключительная часть философского содержания старшего Куаленовского списка, и агиографические тексты, как в младших Куаленовском и Парижском списках, и нравоучительные главы, и толкования патристики.

Состав сборника-прототипа, как и его характер, изменялся, расширяясь тематически и жанрово.

I

Bury J.B. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p.156; Huxley G. The Emperor Michael III and the Battle of Bishop's Meadow (A.D. 863).- Greek, Roman and Byzantine Studies, v.16, 1975, p.443-450.

- 2 Mango C. Eudocia Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty.- Сборник радова Византолошког института, 1973, кн. 14-15, p.17-27; Tul Ch. περὶ τῆς νοσογενείας τοῦ λέοντος τοῦ σοφοῦ, -IN Parnassos, 1979, T.21, p.15-35; Kislinger E. Eudokia Ingerina, Basileios I. und Michael III.- Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1983, Bd.33, S.119-136.
- 3 Vogt A. La jeunesse de Léon VI le Sage.- Revue Historique, 1934, t.174, p.412; Mango C. Eudocia Ingerina, p.18; Tul Ch. Op.cit., p.24-25; Kislinger E. Eudokia, S.119 ff.
- 4 Tobias N. Basil (867 - 886), the Founder of the Macedonian Dynasty: A Study of the Political and Military History of the Byzantine Empire in the Ninth Century. New Brunswick, New Jersey, 1969, p.155-156; Bury J.B. A History, p.177-178; Panagiotakes I.H. Φύλλα χειρογράφου τῆς χρονογραφίας τοῦ λογοθέτου ('Ελλ. κώδιξ Σεράγγινου αρ.37) ἐν τοῖς καταλογοῖς Β.Μυστακίδου.- Ἐπιτηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 1966/1967, T.35, σ.274-278.
- 5 Christophilopulu A. Ἐκλογή, ἀναγόμευσι καὶ στέφει τοῦ βυζαντινοῦ αυτοκράτορος.- Πράγματα Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, 1956, T.22/2, σ. 90-91.
- 6 Grumel V. La date de naissance de Léon VI le Sage.- Echos d'Orient, 1936, v.35, p.332; Kislinger E. Eudokia, S.128.
- 7 Jenkins R. The Chronological Accuracy of the "Logothete"

for the Years A.D.867-913.- Dumbarton Oaks Papers, 1969, t.19, p.101; Grumel V. Chronologie des événements du règne de Léon VI.- Echos d'Orient, 1936, v.35, p.27-28; Grierson Ph. The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337-1042).- Dumbarton Oaks Papers, 1962, t.16, p. 22-23.

8. Kislinger E. Eudokia, S.135 f.
9. Missiou D. Über die Institutionelle Rolle der Byzantinischen Kaiserin.- Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1982, Bd.32/2, S.489 ff.; idem, 'Η Ελεόνη και τὸ "παράδειξ" τοῦ Θεοφάνη. Συμβολὴ εἰς τὴν "ἑστυριατικὴν" θέσιν τῆς βυζαντινῆς αὐτοῦστας.- BYZANTINA, t. 10, 1980, σ.171 ; cf. Bensammar E. L'imperatrice à Byzance du VIIIe au XIIe siècle. Paris, 1972, p.61-62; Maslev St. Die staatsrechtliche Stellung der byzantinischen Kaiserinnen.- Byzantinoslavica, 1966, t.27, S.309.
10. Const.Porph. De cerem., 196.18 ff.(Bonn) = II.6.1 ff. Vogt (Paris, 1939) ; 202.5 ff. = II.11.1 ff.; 207.14 ff. = II.16.1 ff. S.: Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches. Chronologische und verfassungsgeschichtliche Bemerkungen.- Byzantion, 1932, T.7, S.200 ff.
11. Ibid., S.220; Missiou D. Über die institutionelle Rolle, S.489.
12. PG, t.107, XXI, p.665.
13. Ps.-Sym. 689.5 - 690.3 ; Vita Ignat. 565 D - 568 B; Moravcsik Gy. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I.- Dumbarton Oaks Papers, 1961, t.15, p.67-68.
14. Jenkins R. Accuracy, p.98-99; Adontz N. La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage.- Byzantion, 1933, T.8, p.505; Kislinger E. Eudokia, S.134.
15. O фигурных стихах в Ленинградском кодексе IX в. см.: Follieri E. Tommaso di Damasco e l'antica minuscola libraria greca.- Rendiconti Acc. Linc., Cl.Sc.mor., stor., filol. VIII 29, 1974, p.145-163; Sevdenco I. Poems on the Death of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes.- Dumbarton Oaks Papers, 1969-1970, t.23-24, p.185-228.
16. Grosdidier de Matons J. Trois études sur Léon VI.- Traux et Mémoires, 1973, T.5, p.229-242.
17. Mich. Attal.92.
18. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1977, S.380-381, 401; Sakkos St.N. Ἐπεὶ Ἀναστασίον τῶν Εἰσακτῶν Thessalonike, 1964; Weiß G. Studia Anastasiana (MBM 4). München, 1965.
19. Beck H.-G. Kirche, S.445 ff.; cf. Grumel V. Le jeûne de l'Assomption dans l'église grecque.- Echos d'Orient, 1933, v.32, p.162-194.
20. Hergenröther J. Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und die griechische Schisma. Bd.1-3. Ratisbonae, 1867-1869 (Repr.: Darmstadt, 1966); Dvornik F. The Photian Schism. History and Le-

gend. Cambridge, 1948 (Repr.: 1970).

- 21 Konstantinides I.Chr. Νικόλαος Α', ὁ Μυστικός (α. 852 - 925 μ.Χ.), Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως (901 - 907, 912 - 925). Συμβολὴ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν καὶ πολιτικὴν ἱστορίαν τοῦ α' τετάρτου ἰ.μ.Χ. αἰῶνος. Ἀθῆναι, 1967.
- 22 Nicolas I Patriarch of Constantinople. Letters, ed. by R.J.H.Jenkins, L.G.Westerink. Washington, 1973; cf.: Stauridu-Zaphraka A. Ἡ Συνάντησις Συμεῶν καὶ Νικολάου Μυστικοῦ (Ἀβγούσι. 913).
- 23 Rambaud A. L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870 (Repr.: New York, 1962) ; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his World. London, New York, Toronto, 1973 ; Lemerle P. L'encyclopédisme à Byzance à l'apogée de l'Empire et particulièrement sous Constantin VII Porphyrogénète.- Cahiers d'histoire mondiale, 1966, v.IX, N 3, p.596-616; idem, Le première humanisme byzantine. Paris, 1973 ;

Д у б р о в н и ц к и й   к у п е ц   н а   Б а л к а н а х ; с т и л ь   п о в е д е н и я .

Архивный материал всё чаще вводится в изучение дубровницкой торговли. В югославской литературе это особенно интенсивно делает Б.Храбак, характеризуя купечество XV-XVII вв., его проникновение на балканский и венгерский рынки, в горное дело и т. д.¹ Сейчас есть возможность по-новому оценить роль этого слоя, о котором, казалось бы, уже столько написано.² Действительно уже ясно, что во всех сферах дубровницкой жизни, особенно во взаимосвязях с внешним миром, ведущая роль принадлежит именно деятельному, предприимчивому и повсюду проникающему купцу. Для современного исследователя, в том числе и для советского, эта социальная фигура и её облик интересны уже потому, что предприимчивость ныне прочно осознается в качестве одной из движущих сил хозяйственного прогресса — и в прошлом, и в наши дни.

Однако, коль скоро мы ставим задачу характеристики ведущих мотивов деятельности средневекового человека, в данном случае — купца, возникает необходимость анализа и других обстоятельств подобного рода. Задача полной реконструкции духовного облика купца сейчас, может быть, и неисполнима, но характеристика его п о в е д е н и я исследователю вполне под силу. Ведь анализ духовного мира личности требует особого исследовательского инструментария, в то время как поведенческая характеристика может опираться на уже добытые наукой результаты (хотя бы из истории торговли), надо только их соответствующим образом интерпретировать. Итак, стиль поведения купца — так представляет себе автор задачу этой работы. Для её решения имеет смысл использовать как уже сделанные в литературе наблюдения, так и материал источников, введенный в оборот, как в публикациях, так и в пересказе.

Сделаем лишь две-три оговорки. — Мы избираем для рассмотрения не всю дубровницкую историю, а только годы расцвета её балканской торговли — XVI и первые годы XVII в. Для нас не будет играть роли, о какой сословной прослойке торгующих дубровчан, о ноблях или простолюдинах, пойдет речь — османскому чиновни-

ку или продающему кожи крестьянину было всё равно, кто перед ним: аристократ или плебей. Наконец, мы сознательно обособляем купца, промышляющего именно сухопутной торговлей. Морское дело ("поморство" по югославской терминологии) требовало от людей совершенно иных качеств, формировало иной человеческий тип. Морские купцы были лишены сознания своей исключительности, своего монопольного положения на просторах полуострова, как, впрочем, свободны и от чувства приниженности перед везирами, санджаками или эминами.

У иностранного историка нет тех возможностей для работы в архиве, которыми располагают югославские. На помощь тут должны прийти публикации. Мы располагали третьим томом серии "Дубровникские архивные материалы о Белграде", которая в свое время была начата ещё акад. Й.Тадичем,⁴ — для постановки проблемы этого достаточно.

Особенности поведения купца можно было наблюдать, и не выезжая за пределы городских стен. Так, одним из самых своеобразных людей в Дубровнике XVI в. был Миха Працат (Працатович), завещавший городу все свое огромное состояние и за это, единственный в истории города, удостоившийся памятника. Он прославился также тем, что будучи одним из первых богачей города, всегда вел "мужицкий" образ жизни, предельно скромно одеваясь и питаясь.⁵ Было бы заманчиво увидеть в нем некий общий символ поведения, но сделать этого не удастся. Образ М.Працата потому и врезался в сознание современников и потомков, что совершенно выпал из общего норматива. Дубровницкому купечеству была свойственна как раз склонность к роскоши — дошедшие до нас загородные дворцы городской знати молчаливо свидетельствуют об этом.⁶

Одним из первых приемов, практикуемых дубровницкими купцами, торгующими в балканской "глубинке", было умение следовать за турецким войском и пользоваться плодами его побед. Когда турки вступили в Венгрию, после захвата Белграда в 1521 г., за ними буквально по пятам последовало множество дубровчан, спешивших поживиться военной добычей. Перспектива дешевой скупки скота, имущества, людского полона погнала сюда массу торговцев. Все они умели спать под открытым небом, пренебрегать удобствами, двигаться в лодках — это были энергичные, неприхотливые и жадные до прибыли люди. Разумеется, такой стиль поведения был свойствен не самым солидным фигурам коммерческого мира,

он отличал преимущественно молодежь, которой ещё предстояло выйти в люди, именно для неё динамизм и умение действовать в любой обстановке были естественной нормой поведения.

Но даже когда военные действия прекращались, дубровчанин не переставал чувствовать себя в неустойчивой, постоянно меняющейся стихии. Это был мир турецкой администрации, зыбкий, ненадежный, часто меняющий действующих лиц и всегда зависящий от неуверенной дворцовой обстановки в Стамбуле. Отношения с этим миром требовали от купца нескольких качеств. Прежде всего способности к быстрой, даже мгновенной реакции, хотя не всегда можно было предугадать последствия такого быстрого поступка. Так, в 1602 г. турецкий военный комендант в Белграде (сердар) потребовал от дубровницкой колонии в городе внести ему часть харача, который вообще полагалось вносить не частным лицам, а всей Республике. Купцы не устояли, деньги внесли и были жестоко наказаны: власти Республики постановили посадить в тюрьму одного из инициаторов этого взноса, а всю колонию оштрафовали на 600 цехинов (№ 391, 393, 394). И было ещё умение пустить в ход средство, которое безотказно работает в любом бюрократическом государстве, а тем более в восточной деспотии — подкуп. Взятка, "пешкеш", была узаконена в отношениях со всеми звеньями османского аппарата. И когда белградскому сердару не дали положенных даров, на дубровчан немедленно обрушилась немилость — от них потребовали поставлять челны, "шайки" для моста на Дунае (№ 413).

Впрочем турецкий мир состоял не из одних служилых людей. Не меньшее значение в жизни дубровницких купцов имели и их контакты с рядовыми горожанами, в среде которых формировалось будущее балканское купечество. В нашем распоряжении есть уникальный документ, долговая книга дубровницкого купца Николая Спинолы 1597 г. (№ 136). Книга содержит имена всех, кто хоть сколько-нибудь задолжал Спиноле (на общую сумму 238 тыс. акче). Про этих людей можно собрать информацию либо об конфессиональной принадлежности (турок, христианин), о профессиональной характеристике (стамаро, т.е. торговец; кожевник, портной), о его должности в системе турецкой администрации (эмин, чауш, кадий, "воевода", янычар), о месте, откуда он родом, наконец, о том, оформлена ли его ссуда документом (scrittura, тескера). Аналогичные данные уже обращали на себя внимание исследователей,⁸ но не послужили основанием для выводов. А их можно сделать.

Нетрудно заметить, что среди контрагентов Спинолы христиан значительно меньше, чем турок. Круг этих контрагентов носит примерно тот же облик, что и он сам, это - пять "крамаров", не - сколько ремесленников, хотя есть и люди из окрестных сел, и даже из Буди и Смедерева. Христианские должники Спинолы редко берут в долг крупные суммы, лишь один итальянец задолжал 41 300 акче, обычно берут около 2-3 тыс., большинство кредитуются очень умеренными суммами (500, 162, 104 акче), ремесленники же вообще должны мизерные деньги - 30-40 акче.

Турок в числе должников гораздо больше, с ними дубровчанин связан много прочнее. Среди них выделяются чиновники в должностях "кехайя" (10 чел.), чауши (6 чел.), судьи - "кадии" (3 чел.), "Спахюглан" (6 чел.), "челеби" и "ага - 5 чел., есть ещё налоговый чиновник (дефтердар), эмины, янычары. Трудно установить какую-либо закономерность в суммах, которые они берут в долг, да важно и не это, а то, что диапазон в турецком обществе, вступающем в контакт с богатым дубровчанином, велик. Дубровницкий купец, таким образом, "открыт" для таких контактов, он не ограничивается одной какой-либо прослойкой в своей деятельности, его знакомства в турецкой среде широки и многообразны. Как это не отнеси к стилю его поведения?

Потребность во взаимодействии с турецким миром заставляла дубровчан осваивать его язык. Конечно, правильно говорить и писать по-турецки умели только профессиональные переводчики, драгоманы, но обиходные выражения знали многие. Документы пестрят терминами *musata/a/*, *ghemegi*, *tersia*, *cazzapin*, *iasigia*, *spaxioglan*, *solufar*. Однако самым удивительным в языковой картине тогдашнего дубровницкого общества было прочное сохранение сербскохорватского говора. Архивные тексты, опубликованные Т. Поповичем, знают три языка - латинский для самых шаблонных формул, общепринятый язык тогдашнего торгового мира - итальянский и сербскохорватский. При этом если славянская речь была сравнительно редкой в официальной обстановке, то она господствовала в самых сложных житейских ситуациях - в срочных письмах, при сборе важных свидетельств, на смертном одре. Это были минуты, когда заброшенный на чужбину дубровчанин осознавал важность момента, собирался с мыслями, старался ничего не забыть, вкладывал душу в свою слабеющую речь. Поэтому акты, написанные по-славянски, и отличаются такой непосредственностью.

" Например, умирающий завещает свои рубахи слуге за то, что обслуживал меня в моей болезни" (№ 129). Составитель (или писарь, изготовляющий акт под его диктовку) не придерживается строгой последовательности, а излагает бесхитростно, со многими повторами, возвращаясь к сказанному вновь и вновь. Характерно в этом отношении завещание Ивана Валентиновича (№ 238). Он распорядился оставить по несколько талеров родным и близким, дубровницким церквам и монастырям, не забыв врача "за труды и расходы", вспомнив и церкви в боснийских городах Олове и Високом, где, видимо, подолгу жил, как вдруг вспомнил монахиню Марию, дочь Орсата, а заодно и францисканцев в родном городе, добавив им шесть талеров. В письмах, написанных по-славянски, "сербскими буквами" (*caractere slavo seu serviano*), нередко возникают красочные детали. Так, в одном из них выясняется, каким тавром помечаются принадлежащие купцу кожи — посредине ставятся буквы *v.m*, а ближе к голове *P.N.* (№ 460). Исследователя не покидает ощущение, что употребление родного языка в тогдашних обстоятельствах — тоже одна из важных составных черт купеческого поведения.

На соотношение "своего" и "чужого" может пролить свет и практика найма слуг, торговых помощников, *famuli*. Дело это было распространенным и в самом Дубровнике, это был традиционный канал пополнения как торговли, так и ремесла. В изучаемое нами время, т.е. в конце XVI—начале XVII в. нанимали обычно на 4–7 лет, платили в год от 6 до 10 дукатов, позднее такой слуга мог стать компаньоном, участником торговой компании. Самое же характерное, что этих парней (их так и называли "момки")

наши белградские купцы нанимали только из Дубровника или его ближайшего сельского окружения (например, из Полова), из города меньше, из села больше — это легко объяснимо избытком постоянно голодной рабочей силы в деревне. Но как бы то ни было постоянно брали не из Белграда, не чужих, брали своих, на чью преданность можно было спокойно положиться (№ 46, 68, 101, 118, 128, 129, 133, 143, 185, 249 и др.). Из этих, повидимому, соображений и оказавшийся в среде белградских дубровчан француз нанимает в услужение не славянского юношу, а молодого итальянца из Бергамо (№ 436).

Наблюдения над деятельностью дубровчан в Косово, в горном деле позволили установить, что и здесь приток молодежи совершался преимущественно из родных краев, за счёт молодых католи-

ков (хотя встречались и православные и мусульмане).¹⁰ Важно было, чтобы в этой среде царил бы свой, родной диалект и это в самом деле было так. Этот славянский диалект однажды прорвался на страницы актов, когда возник конфликт между хозяином и его бывшим фамулом. Выяснилось, что в свое время, нанимая фамула, купец должен был составить не только официальный акт найма по-латыни, но и подлюбное соглашение по-сербски. Такое соглашение было составлено, фамул его сохранил и, когда по истечении нескольких лет, он так и недополучил своего жалования, он его предъявил в суде (№ 414). Так мы получаем ещё одно доказательство особой линии поведения дубровницких купцов на балканских рынках.

Отношения со своими молодыми помощниками, нанятыми в родных краях, у дубровницких купцов были вполне органичными. Впрочем, дубровчане стремились создать и иного рода связи. Акты сохранили множество свидетельств, когда один контрагент нотариальным путем назначал другого своим "прокуратором", т.е. уполномоченным в делах. В тогдашних условиях это было вполне естественным. Каждый из дубровчан жил в одном месте, а всеми интересами был привязан к другому или третьему, и прежде всего к родному городу. Кто-то должен был эти интересы представлять. Процедуру превращения в прокуратора совершали обычно в его отсутствие, человек был "отсутствующим, но как бы присутствующим" (*absente na some presentis*), ему поручали продать дом, лавку, участок, получить деньги, принять товары. Оказывалось, таким образом, что дубровницкий купец редко выступал только от своего имени (или от имени своих компаньонов), чаще он действовал, представляя тех, кто его уполномочил, нередко многочисленных, целого круга людей. Разумеется он вознаграждался за это, но возрастало и его чувство ответственности в отношениях с окружающими. Как конкретно это могло отразиться на его поведении?

Одним из самых хлопотных поручений был сбор оставленного по завещанию имущества. Эта обязанность обычно возлагалась на душеприказчиков, "хранителей" завещания. Имущество же чаще всего заключалось не в земле, строениях и даже не в "живых" деньгах, а в банковских вкладах или в долговых обязательствах. Например, после смерти Марина Храбровича осталось 2 200 дукатов в неаполитанской монете, 5 тыс., хранившихся в неаполитанских банках, а остальные ещё следовало получить по шести долговым распискам (№ 51). Иногда, впрочем, завещание составлялось не

перед смертью, а "на всякий случай", например, перед длительной отлучкой по торговым делам. Тогда завещателя занимали вполне земные заботы, например, необходимость поручить кому-либо действовать от его имени на рынке (см.: "от моего имени на турецком рынке" - № 61), уполномоченному нужно было выполнить и это. Но особого труда стоило собрать розданные в кредит деньги, тут следовало проявить завидную активность и осведомленность, а тяжбы, которые в таких случаях возникали, нередко тянулись годами (так было, кстати, с имуществом Н.Спинолы). Поэтому дубровчане поневоле становились отличными знатоками юридических тонкостей, причем не только европейского права. Пока ещё не исследованы сиджиды османских судов, мы не знаем, в какой степени были втянуты дубровницкие купцы на Балканах в тяжбы с турками. Но в том, что такие тяжбы велись, сомневаться не приходится.

Вот почему дубровчане в своих исках так хорошо знают дело - производственную практику своих канцелярий. В многочисленных исках и мужчины и женщины всегда точно называют дату и номер нужного им документа, составленного вчера, месяц или пять лет назад. Это было проявлением деловой хватки купеческого мира и одновременно проявлением осведомленности. Подобная осведомленность действительно была велика, она даже была товаром, которым дубровчане успешно торговали. Они знали не только коммерческую конъюнктуру на ближних и дальних рынках, в маленьких мирах своих колоний они знали друг о друге решительно всё, недаром свои торговые соглашения они прячут в тайне, придают им секретный характер.

Так произошло, например, когда в 1595 г. десять белградских купцов-дубровчан договорились между собой о создании общества по закупке кож (так наз. "лиги" или "колонны"). Соглашение предусматривало, что за пределами Белграда каждый волен покупать кожи по любой цене и в любом количестве, но на городском рынке они не должны отбивать покупателей друг у друга, а обязаны строго соблюдать уговоренную квоту (№ 48).

Поведение дубровчанина на далеком рынке определялось ещё одним обстоятельством, которое не всегда оценивается должным образом, это повседневная связь с родным городом. Конечно, дубровчанин связан прежде всего с колонией, в которой он живет. Облик этих колоний - сербских, боснийских и болгарских изучен в литературе основательно. За ними даже закрепилось образное наименование "Дубровники в миниатюре", которое употреблял и автор этих

строк. Однако, как известно, сам Дубровник располагал высокой степенью независимости во всех своих делах. Были ли колонии в этом отношении похожи на него? Наш материал заставляет усомниться в этом. Колонии оказываются тысячами нитей привязанными к метрополии и примеров этому — множество. Живущие в Белграде дубровницкие купцы выступают в качестве приставов дубровницкого суда, исполняя его постановления (№ 390), они вступают от имени Республики в самые разнообразные отношения с турецкими властями, например, за свое правительство они уплачивают этим властям часть джумрука (№ 406), а один из них от имени Республики поставляет бумагу белградскому сердару (№ 75), они из собственных средств оплачивают в белградской канцелярии хужум о вывозе зерна (№ 236). С белградскими купцами (правда, не со всеми, а лишь с самыми крупными) правительство состоит в особо доверительных отношениях — передает через них важные политические новости, извещает о международных событиях, о приезде послов (№ 343), возмещает им расходы по вылате джумрука (№ 418, 422). Малый совет даже следит за тем, чтобы правильно соблюдалось соглашение о разделе рынка между купцами (№ 47). Создается уверенное представление о том, что дубровницкая колония в Белграде всё время чувствует себя частью метрополии, что её автономия призрачна, а колонистам постоянно приходится ощущать себя под пристальным контролем властей Республики.

Мы бы могли назвать под конец и такие черты в поведении дубровчан, как редкостные корыстолюбие и жестокость в обращении с должниками. Так, турки из Герцег-Нови в 1576 г. жаловались в Порту, что дубровчане "чинят туркам много несправедливостей... , в город их пускают после сорока и пятидесяти дней ожидания..., оставляя их с товарами в дождь под открытым небом..., ставят [их] к позорному столбу..."¹¹ Правда, эти жалобы относятся к поведению купцов-дубровчан у самых стен родного города. Чуть поотдаля приходилось опасаться того, что население взбунтуется, как это было в Требинье в 1581 г., где "весь народ восстал против [дубровчан, ибо]... наши люди отнимают их скот и деньги и самовольно присваивают их дома и земли", явно за долги.¹² Ещё дальше вглубь полуострова дубровчанам, видимо, приходилось сдерживаться ещё больше, но свою потенциальную жестокость в финансовых делах дубровчане сохраняли неизменно.

Результаты нашего рассмотрения подводят нас к мысли о том, что источники XVI в. вполне позволяют приступить к разработке такой темы, как поведенческая характеристика дубровчанина.

Не отдельного исторического персонажа, как это было до сих пор, а целого социального слоя. И не отдельные портреты, а обобщенная типологическая характеристика может явиться итогом такого подхода.

Примечания

- 1 См. Храбак Б. Дубровачки трговци у Београду под Турцима 1521-1551. - Годишњ ак града Београда. Књ .XIII. Београд, 1966, с.29-47; Он же. Дубровачки трговци у османлиском делу Паноније до 1570.године. - Зборник Матице српске за историју. Бр. 30. Београд, 1984, с.1-42; Списаревска И. Дубровничката колонија во Софија през XV+XVI в. според новооткрети документи. - Из историјата на трговијата во Българските земи през XV-XIX в. Софија, 1978; Она же. Търговската книга (1590-1605) на дубровничкият търговец во Софија Бенедето Марино ди Рести и някои проблеми на стопанската историја на Българските земи. - Личните документи како исторически извор. Софија, 1987, с.259-272 и др.
- 2 См. новейшая работа: Креќиќ В. Developed Autonomy: The Patriarchs in Dubrovnik and Dalmatian Cities. - Urban Society of Eastern Europe in Premodern Times. Los Angeles, Lond, 1987.
- 3 Фрејденберг М.М. Дубровник и Османска империја. М., 1984, с. 138-169.
- 4 Дубровачка архивска граѓа о Београду. Књ .III. /Изд. Т.Поповиќ/ Београд, 1986(первиот том серије изаше во 1950 г.)
- 5 Ѓадиќ Ј. Miho Pracatović-Pracat. Dubrovnik, 1933.
- 6 См.напр Ѓисковиќ С. kultura dubrovačkog ladanja (Sorkočevićev letnikovac na Zraru). Split, 1966.
- 7 Храбак Б. Дубровачки трговци у османлијском делу Паноније, с 10-12.
- 8 Вечева Е. Търговията на Дубровник с българските земи (XVI-XVIII в.). Софија, 1982, с.93-94.
- 9 А вот при анализе "имущественной книги" дубровничкого купца во Софији Бенедетто Рести, относящейся к тому же времени, выяснилось, что соотношение было обратным - сотни болгар и лишь несколько десятков турок и других этнических групп (Списаревска И. Търговската книга, с.270)
- 10 Храбак Б. Дубровчани и у рударству и увозно-извозној трговини Косова 1455-1700. - Врањски гласник, књ .XVII/ Врање, 1984, с.131.
- 11 Поповиќ Т. Турска и Дубровник у XVI в. Београд, 1974, с. 317-318.
- 12 Фрејденберг М.М. Дубровник..., с.172.

КУЛЬТУРА СЕРЕБСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОССИЯ

Сербское Просвещение как стадия в развитии национальной культуры, обусловленная формированием капитализма и нации в недрах феодального строя, охватывает период с начала 80-х гг. XVIII в., когда в печати выступил Досифей Обрадович, до Первого сербского восстания 1804–1813 гг., открывшего новую эпоху в истории Сербии.¹ При многочисленности исследований, посвященных русско-сербским связям во второй половине XVIII в.², контакты сербского Просвещения с Россией специально не освещались. В докладе ставится задача дать общую характеристику нового типа отношений в области культуры

Сербь истари имели культурные связи с Россией, которые опирались на единоверие, родство и языковую близость южных и восточных славян.

Во второй половине XVIII в. новые исторические задачи, вставшие перед русским и сербским народами, изменение международной обстановки на Балканах определили существенные перемены в русско-сербских отношениях. С 60-х годов активизировалась балканская политика России, которая, преследуя свои интересы, вместе с тем добивалась на международной арене ограничения власти Порты над угнетенными народами как важного условия ослабления султанской Турции. Успешные войны России против нее, заступничество петербургского правительства за христиан перед лицом Порты и закрепление в мирных договорах его права "покровительства" Молдавии и Валахии – все это означало усиление влияния России на Балканах и создавало особую психологическую атмосферу в этом регионе. Эффективность балканской политики России была особенно заметной на фоне неудачных войн Австрии против Турции, следствием которых неизменно были массовые расправы османов над райей. В рассматриваемое время особенно отчетливо выявилась общность интересов сербов и России в борьбе против султанской Турции.

Российское правительство рассматривало христианские народы Балкан как надежных союзников в русско-турецких войнах. Россия

проявляла также интерес к расширению торговых связей с югославянскими землями. Официальные круги поддерживали и переселенческое движение югославян в Россию, рассчитывая использовать их для решения хозяйственных и военных задач.

В свою очередь в русском обществе под влиянием русско-турецких войн, с одной стороны, и развития национального самосознания, с другой, — пробуждался интерес к жизни, культуре и борьбе родственных, в том числе сербского, народов. Так во второй половине XVIII в. вступили в действие новые факторы, расширившие и углубившие предпосылки российско-сербских связей.

В основе отношения сербов к России лежала потребность решить в опоре на нее жгучие вопросы жизни. Сербь под властью Порты постоянно связывали с ней надежды на защиту от османского гнета и на освобождение, сербское население в Австрийской монархии рассчитывало на ее поддержку в борьбе за сохранение самобытности и улучшение условий жизни в обстановке постоянного давления со стороны австрийского правительства, венгерского дворянства и католической церкви. Все это определяло стремление сербов при всем различии интересов в их среде к укреплению всевозможных контактов с Россией. В глубине взаимного тяготения заключалось существенное отличие русско-сербских связей от контактов сербов с западным миром.

Однако реально русско-сербские взаимоотношения выступали не изолированно, но складывались в сложном комплексе международной обстановки на Балканах. Существенное влияние на них оказывала позиция Габсбургов. Несмотря на союзнические отношения с петербургским правительством, особенно во время войн с османской Турцией, венский двор, соперничая с Россией на Балканах, направлял усилия на ослабление российско-сербских контактов. Франц II особенно ограничил связи с ней своих подданных. Потребности сербского и русского народов в сближении и взаимодействии корректировались политическими интересами австрийского правительства.

Русско-сербские культурные взаимоотношения испытывали влияние процессов, протекавших в разных сферах жизни. В результате интенсивной эмиграции югославян с середины XVIII в. в Россию здесь сложились многолюдные колонии переселенцев из Австрийской монархии и с Балкан. Сербь-эмигранты хранили самобытные черты бытовой культуры, наиболее образованные среди них участвовали в раз-

витии национальной литературы. В то же время протекал процесс включения переселенцев в российскую культурную жизнь. Некоторые из них стали видными деятелями культурного строительства в России. Переселенцы выступали живым воплощением русско-сербских культурных связей.

К концу столетия существенно изменилась литературно-языковая ситуация как у русских, так и у сербов, что в свою очередь наложило отпечаток на культурные отношения между ними. Ломоносов, Радищев, Карамзин заложили основы современного русского литературного языка. У сербов отчетливо обозначился процесс перевода литературного языка на народно-речевую основу. Эти обстоятельства углубили перестройку русско-сербских литературных отношений, которые ранее опирались на православную религию, на церковнославянский язык русской редакции и архаичный русский язык. Отныне общая былая основа утрачивала свое значение, хотя у сербов продолжали издаваться произведения на церковнославянском и русском языках. Литературные связи в языковом отношении получали облик, соответствовавший задачам национального развития. Сербский культурный фонд на церковнославянском и русском языках, столь сближавших ранее письменность сербов и русских, в лучшей своей части становился наследием новой сербской культуры. Он заключал в себе протянувшуюся сквозь века нить тесного русско-сербского культурного взаимодействия.

В последних десятилетиях XVIII в. в славянском мире в связи с формированием отдельных наций, тем более в условиях угнетения, ожило и обрело новое звучание исконное сознание славянской общности. У сербов мысль об их родстве с другими славянами выражалась в литературе и историографии в понятиях "славяносербский народ", "славяносербская нация", "славяносербский язык". Началось теоретическое осмысление славяинства и места в нем сербов в мировоззренческом комплексе, не связанном конфессиональными рамками и заключавшем в себе возможность продвижения в познании славянского мира на основе языкового родства.

Все указанные обстоятельства, отражавшие переходный характер эпохи, создавали сложный фон культурного взаимодействия сербов с Россией. Просвещение представляло наиболее прогрессивную линию этого сотрудничества, но полностью его не покрывало.

В последних десятилетиях XVIII в. важную роль в контактах сербов с Россией в области культуры продолжала играть право-

славная церковь, которая рассматривала единоверную Россию как опору православия и своих позиций. Но в условиях жизни сербов церковь как организация по ряду аспектов жизни отражала общесербские интересы. Формы церковных связей были многообразны: получение сербскими монастырями и церквями денежной помощи, книг, утвари из России, перевод и перепечатка российской церковно-проповеднической литературы, поездки духовных лиц с разными целями в Россию, обучение сербской молодежи в семинариях и духовных академиях Петербурга, Москвы и Киева и т.д. Церковные связи в условиях подавления сербов сохраняли значение в защите ими своей этнической индивидуальности. Они имели и политический смысл, позволяя России под знаком единоверия защищать сербов от притеснений чужеземных угнетателей. Но историческая роль церковных отношений снижалась.

С 60-х гг. XVIII в. на передний план культурной жизни сербов начала выдвигаться национальная интеллигенция, которая выразила и реализовала в области культурных отношений запросы противостоявших феодализму и национальному угнетению общественных сил. Большой вклад в развитие русско-сербских творческих контактов внес З.Орфелин, зрелое творчество которого было отмечено критическим восприятием сербской действительности и рационалистическими чертами.

В условиях разноязычия сербской литературы Орфелин, ощущая несоответствие языковой ситуации у сербов требованиям времени, в выборе языка для своих произведений по существу следовал теории трех стилей М.В.Ломоносова. Опираясь на русский опыт, он первым у сербов стал переходить от церковного к гражданскому шрифту в печати. Орфелин-поэт черпал из русских источников новые темы и художественные приемы, пролагая тем самым путь идейно-художественному обновлению сербской литературы. Закладывая основы сербского журнального дела, он выпустил в 1768 г. в Венеции единственный номер журнала "Славно-сербский магазин", который был сделан по образцу русских периодических изданий.³ Орфелин, следуя традиции, брал из арсенала русской культуры готовый материал и формы для обогащения духовного развития сербов. Но принципиальное отличие его практики состояло в том, что он обращался к новым явлениям русской умственной и художественной жизни.

Со всей отчетливостью позиция Орфелина в отношении России проявилась в его двухтомном труде "Житие и славныя дела...Пет-

ра Великаго" (Венеция, 1772). Это сочинение явилось отражением культа Петра I среди югославян.⁴ Однако Орфелин предпринял попытку нового осмысления России, ее места в европейском мире и значения ее опыта. Сербский автор представил современникам, не только соотечественникам, но и самим русским, исторический путь России как путь ее обновления на основе знаний и использования европейских достижений. В центре труда была личность Петра I, который в отличие от устной и письменной югославянской традиции с ее трактовкой Петра как военного героя, благотворителя и покровителя православных, выступал гениальным преобразователем великой славянской державы. Новое понимание России имело значения не только в плане развития сербского общественного сознания, но и для ориентации русско-сербских отношений в направлении решения актуальных вопросов сербской жизни.

На русском материале сербская историография впервые заявила о себе на уровне науки. Она становилась фактором углубленно-го взаимопознания сербского и русского народов.

Орфелин был выдающимся мастером резцовой гравюры на меди. Его иллюстрации на русские темы к историческому труду стали вершиной сербского графического искусства в XVIII в.

Творческие контакты сербов с Россией получили новый импульс благодаря деятельности главы сербского Просвещения Д. Обрадовича и его круга. Мыслитель, писатель, педагог, он был связан с Россией в разных формах на протяжении всей жизни. Но если в 50-е годы Обрадович воспринимал ее сквозь призму церковно-проповеднической литературы, то с начала 80-х годов — под углом зрения идеалов Просвещения.

Закладывая основы глубокого преобразования духовного мира сербов, которое Обрадович рассматривал как главное условие и путь обновления сербского общества, он поставил и наметил решение принципиальных вопросов культурного развития, которые так или иначе касались духовных отношений с Россией. Потребность использования инонационального опыта в свою очередь побуждала к осмыслению практики русского народа, принадлежавшего к той же, что и сербы, православной культурной сфере и переживавшего схожие процессы. Россия представляла как наиболее близкая и понятная сербам модель преобразования общества.

Обрадович не писал специальных работ о России, но в своих основных сочинениях многократно высказывался по вопросам истории и современной ему жизни страны. Сербский мыслитель целена-

правленно подчинял русский материал задаче преобразования массового сознания сербов в духе новых общественных идеалов.

На формирование рационалистической философии Обрадовича, особенно его критических взглядов по церковно-религиозному вопросу, оказал влияние "Духовный регламент", составленный церковным сановником, писателем, сторонником петровских нововведений Феофаном Прокоповичем по повелению Петра I в 1721 г.⁵

Уже в начале писательской деятельности в духе Просвещения Обрадович ссылался на русские и западноевропейские примеры в качестве аргументации в пользу литературно-языковой реформы у сербов.⁶ Сам писатель на практике прокладывал путь созданию единого сербского литературного языка на народно-речевой основе, подобный тому, каким шло развитие русского национального литературного языка.

Чрезвычайно важным обстоятельством, наложившим печать на творчество, а затем и на политическую деятельность Обрадовича, было понимание им положительных результатов для подвластных Турции народов политики России на Балканах при особых интересах Екатерины II.⁷ Он прославлял в поэтической форме победы русского и австрийского оружия над османами. В годы Первого сербского восстания, освободившись от иллюзий относительно освободительной миссии Австрийской монархии на Балканах, Обрадович утвердился в мысли о том, что только Россия является подлинным союзником сербов в их борьбе за национальное освобождение. Свои чувства он выразил в стихотворениях, посвященных Александру I и русскому дипломатическому представителю в повстанческой Сербии К.К.Родофиникину по случаю Нового 1808 года.

Неослабный интерес сербов к русской воинской славе получил отражение также в аллегорической поэме Й.Раича, архимандрита по положению, церковного писателя и историографа, "Бой змея с орлами" (Вена, 1791). И.Лазаревич перевел с немецкого языка книгу о жизни А.В.Суворова.

Д.Обрадовича привлекали эпоха и личность Петра I. Вслед за Орфелиным он уделил основное внимание его преобразовательной деятельности, убеждал на ее примере соотечественников в необходимости освобождения от устаревших взглядов, обычаев, институций.⁸ Русская историческая практика рассматривалась писателем под углом зрения потребностей сербского общественного развития. Сама трактовка реформ Петра I получила в творчестве Обрадовича глубокий философский смысл как конкретизированное проявление

движущей силы просвещенного разума в развитии человечества.

В сочинениях Обрадовича Петр I представлял не только как реальный государственный деятель, но, в сочетании с Екатериной II и Иосифом II, как обобщенный тип просвещенного монарха, призванного перестроить общество на принципах совершенного разума. Преимущественно на русском материале сложилась политическая утопия сербского Просвещения. При всей своей идеалистичности и слабости, выраженной в восхвалении монархии, она по существу заключала в себе политическую тенденцию, противостоявшую нормам и традициям феодализма.

Но все же представления главы сербского Просвещения о современной ему России были ограниченными. Передовая русская литература 70—90-х гг. не получила отзвука в его произведениях.

К российскому опыту обращался также Й. Мушкатирович, выступая за церковные реформы.⁹ Он издал первое у сербов фольклорное собрание и включил в него наряду с сербскими и русские пословицы. Сербская классицистская поэзия испытала влияние поэтики русского классицизма.¹⁰

Важным событием в культурной жизни сербов стал выход четырехтомного труда Й. Райча "История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов" (Вена, 1794—1795). Автор воссоздал историю сербов в связи с прошлым России и южных славян. Труд Райча сыграл огромную роль в формировании национального самосознания сербов в сочетании с чувством их сопричастности к историческим судьбам русского и других славянских народов.

Обращение деятелей сербской культуры к прошлому и настоящему России прежде всего способствовало более глубокому пониманию самой сербской жизни, задач национального развития и путей их решения. Освоение представителями Просвещения духовных достижений русского народа поднимало сербскую культуру в соответствии с требованиями времени. Д. Обрадович и его последователи, включая в свои сочинения русский материал, знакомили сербов с Россией с прогрессивных позиций. Это имело особое значение в плане формирования образа России в сознании сербского общества.

В 1788 г. Д. Обрадович в течение полугода жил в Шклове, имени генерала Зорича, серба по происхождению, и преподавал в местном военном училище. Сербского писателя привела сюда заветная мечта просвещения "милого" рода с помощью национальной типографии. Ее намеревался основать Зорич. Но эти расчеты оказались напрасными. Пребывание в Шклове способствовало расширению знаний

Обрадовича о России. Не случайно, что русского материала особенно много в его "Баснях" (Лейпциг, 1788), вышедших вскоре по возвращении писателя из России на деньги, полученные от Зорича.

Одной из форм русско-сербских культурных связей была традиционная книготорговля, но в рассматриваемое время существенно вырос объем и изменился репертуар поступающих из России книг. В конце столетия на сербском книжном рынке обращались тысячи **экземпляров**. Известный книготорговец Д.Каулици в Нови-Саде предлагал читателям собрание сочинений М.В.Ломоносова, журналы Н.И.Новикова, разнообразную западную литературу в русском переводе, в том числе работы Дж.Локка и других авторов. В библиотеке свободомыслящего темешварского епископа П.Петровича имелось полное собрание сочинений А.П.Сумарокова, книги, характерные для издательской деятельности Российской Академии наук, Московского университета, Новикова. Петрович располагал также русскими изданиями сочинений А.Ф.Прево, К.М.Виланда, Ж.Ж.Руссо и т.д. Среди книг были составленные М.М.Херасковым извлечения из знаменитой "Энциклопедии" Д.Дидро с включением статей Ф.Вольтера, П.А.Гольбаха, Ж.Ж.Руссо. ^{II}

Сербы получали из России разнообразную литературу, отражавшую российскую жизнь второй половины столетия. Русские переводы сохраняли значение в знакомстве сербов с западным миром. Существенный сдвиг в этой области произошел в сторону прогрессивных изданий и познания посредством них российских и европейских проблем. Но значение русской книги для сербов познавательной функцией, хотя само по себе это было важно, не исчерпывалось. Русская книга была средством противостояния ассимиляции, проводившейся угнетателями, она участвовала в формировании сербской читательской публики, ее литературных интересов и вкусов. Движение русской книги в общем потоке литературной продукции способствовало развитию сербского книжного рынка.

Связи культуры сербского Просвещения с русской культурой носили характер взаимного обогащения. В 1774 г. с некоторой языковой правкой в Петербурге вышел труд Орфелина о Петре I. К нему обращался А.С.Пушкин в процессе работы над романом о Петровском времени. В 1795 г. в России увидел свет первый том "Истории" Раича. В 1806 г. в связи с повышением интереса к сербам, поднявшимся на борьбу против власти Порты, в Петербурге были изданы анонимно стихотворение Обрадовича под названием "Песна о избавлении Сербие, сочинено в Белеграде" и анонимный эпический поэмный

перевод его на русский язык.

На протяжении XVIII в. российское правительство приглашало в страну специалистов разных профилей. Во второй половине столетия наряду с офицерскими кадрами отправились в Россию представители сербской интеллигенции, разделявшие прогрессивные идеи. Они сыграли особую и неоднозначную роль в процессе взаимообогащения сербской и русской культур. Среди них был Т. (Ф.И.) Янкович Мириевский, занимавший в 70-х гг. пост генерального инспектора сербских школ и принимавший участие в осуществлении реформы образования в Австрийской монархии. В России он сыграл видную роль в разработке плана школьных реформ 1782–86 гг. Член Российской Академии наук, он в своей деятельности руководствовался передовыми принципами педагогики.¹²

Ряд сербов преподавали в высших учебных заведениях страны. Переехавший в конце XVIII в. в Россию Г.Терлаич (Трлаич) был профессором всеобщей истории Педагогического института в Петербурге и одновременно оставался видным сербским писателем, переводчиком на церковнославянский язык русской редакции романа М.М. Хераскова "Нума Помпилий, или Прцветающий Рим", проникнутый рационалистическими идеями. Терлаич был сторонником тесного сближения сербов с Россией, но его позиция в пользу церковнославянского языка сербской литературы не отвечала потребностям ее развития и начавшейся перестройке русско-сербских литературных связей в соответствии с национальными процессами. В начале XIX в., когда был основан Харьковский университет, в нем работали А.Стойкович, единомышленник Обрадовича, видный сербский поэт и прозаик, автор трудов по физике, член Общества естествоиспытателей в Иене и Чешского ученого общества, а также Г.Терлаич, переехавший сюда из Петербурга, и другие сербы.

Одним из проявлений пробуждавшегося в России общественного интереса к родственным славянским народам, связанного с развитием русского национального самосознания, явилось путешествие А.С.Кайсарова и А.И.Тургенева с научно-познавательными целями по славянским землям. В то время студенты Геттингенского университета, они в дальнейшем стали известными в России людьми: Кайсаров – профессором Дерптского университета, А.Тургенев – брат декабриста И.Тургенева – крупным общественным деятелем.

В 1804 г. Кайсаров и Тургенев были в Сремски-Карловцах, где общались с митрополитом Ст.Стратимировичем, его секретарем, поэтом Л.Мушицким и другими образованными сербами. В Три-

есте они посетили Д.Обрадовича. Свое впечатление от встречи с ним Кайсаров по возвращении в Геттинген выразил в письме Л.Мушицкому следующими словами: "Кажется, я не сказал, что в Триесте мы были у нашего Обрадовича, он подарил нам некоторые из своих книг и был очень рад, что мы его посетили. Это не ординарный человек"¹³. Несколько ранее Кайсаров в письме Мушицкому цитировал рефрен из известного стихотворения Обрадовича "Песна на инсурекицию сербиянов", написанного в связи с началом сербского восстания (Венеция, 1804): "Возстани Сербие! Давно се заспа-ла!".¹⁴ Назвав сербского писателя "наш Обрадович", Кайсаров признал тем самым значимость его деятельности для всего славянского мира.

При всей кратковременности эта встреча была знаменательной в плане перспективы русско-сербских культурных связей. Кайсаров и Тургенев принадлежали к той новой русской общественной среде, из которой в скором времени вырос декабризм. Посещение ими Обрадовича было не только признанием заслуг сербского писателя перед своим народом и славянами в целом. Оно было предвестником подъема прогрессивного направления в русско-сербских культурных отношениях на новую ступень, открывая перспективу культурных контактов, связанных с потребностями освободительных движений и служащих их интересам.

Благодаря связям России с культурой сербского Просвещения расширялись возможности развития исторического сознания русского общества, роста объема его интересов и знаний. Контакты способствовали прогрессу педагогики, обеспечению кадрами образовательных учреждений в стране.

Мощным завершением взаимосвязей сербского Просвещения и России стала деятельность Д.Обрадовича в годы Первого сербского восстания. В 1807 г. писатель переехал в Белград. Здесь российские контакты Обрадовича получили политический характер, подкрепляясь взаимным личным расположением его и русских официальных лиц. В то время, когда в руководстве восстанием шла борьба по вопросу внешнеполитической ориентации Сербии, Обрадович, твердо придерживавшийся курса "а союз с Россией, своим авторитетом ^{этом} воздействовал в направлении на вождя повстанцев Карагеоргия и членом Правительствующего совета. Глава сербского Просвещения поддерживал тесные контакты с К.К.Родофипкиным, который в свою очередь с глубоким уважением отзывался о нем в своих донесениях в Россию. Русский дипломат писал, что Обрадович - "человек уче-

ный и известный своими сочинениями между австрийскими сербами, пришедший сюда из любви к соотечичам своим дабы посвятить им познания свои.¹⁵

Как человек высокообразованный и притом искренне заинтересованный в укреплении связей Сербии и России, Обрадович нередко выполнял посредническую роль в отношениях между Карагеоргием и сербскими воеводами, с одной стороны, и русским дипломатическим представителем, с другой. В свою очередь, русский дипломат, питая глубокое доверие к Обрадовичу, прибегал к его помощи для разъяснения повстанцам политики России.

Обрадович был человеком скромного достатка. В Сербии он практически не имел средств к существованию, пока не стал в 1810 году членом Правительствующего совета. В такой ситуации Родофиникин иногда оказывал материальную поддержку Обрадовичу, которая имела для него существенное значение. Сербский писатель вместе с сыном Карагеоргия, которого воспитывал, некоторое время жили в доме русского дипломата. Здесь Обрадович мог общаться и с Т. Недобой, секретарем русского представительства. Личные контакты способствовали лучшему взаимопониманию этих деятелей.

Еще в 1806 г. Д. Обрадович в качестве представителя повстанческой Сербии входил в прямые контакты с русским военным командованием. В 1810 г. он вновь в составе сербской делегации участвовал в переговорах с главнокомандующим Молдавской армии П. М. Каменским. Российское правительство высоко оценило деятельность Д. Обрадовича на благо "соотечичей своих славяно-сербов", наградив его в 1807 г. золотым крестом.¹⁶

Включение ведущего представителя сербского Просвещения в революцию, которая развернулась в Сербии, и в результате этого — теснейшее сплетение разных форм и уровней его российских контактов открывали характерное для XIX века, века интенсивного формирования национальных культур и роста освободительных движений славян, сращивание культурных и политических взаимоотношений передовых представителей еврославянской интеллигенции и в их лице идеологов и руководителей национально-освободительной борьбы с Россией.

Взаимосвязи культуры сербского Просвещения и России были отмечены чертами, которые возвещали о зарождении нового типа культурных взаимоотношений, свойственных капиталистическому обществу с его особенностями на территории расселения сербов и в России. На начальной стадии этот тип культурных связей был еще

незрелым, на него налагались традиционные формы, что усложняло панораму культурных контактов, но тенденция развития русско-сербских взаимоотношений в сфере культуры проявилась достаточно определенно. Новый тип контактов характеризовался социальным содержанием, отражавшим запросы прогрессивных общественных сил, национальной основой и вхождением двухсторонних связей в многоликую общеевропейскую сферу расширявшегося и углублявшегося взаимобогащения народов.

- 1 О критериях определения хронологических рамок Просвещения см.: Лейшловская И.И. Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // Вопросы истории, 1985, №1.
- 2 Наиболее крупные работы последних лет: Достап И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радичева до декабристов. М., 1980; Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984; Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII-XIX вв. Балканские исследования. Вып. 10. М., 1987; Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986; Историја српског народа. У 6 књ. Књ. 4. Т. 2. Београд, 1986.
- 3 См. Бошков М. Захарија Орфелин и книжевност руског просветитељства // Зборник за славистику. 7. Нови Сад, 1974.
- 4 Костић М. Култ Петра Великог међу Русима, Србима и Хрватима у XVIII веку // Историски часопис. Књ. VIII. 1958. Београд, 1959.
- 5 Костић М. Духовни регуламент Петра Великог и Срби. Прилог историји нашег рационализма // Зборник радова за проучавање книжевности и језика САН. Књ. II. Београд, 1952; Он же. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952. С. 18, 20, 23.
- 6 Обрадовић Д. Сабрана дела. Т. I-III. Београд, 1961. Т. I. С. 65.
- 7 Там же. С. 613.
- 8 Там же. С. II 6, II 7, 574 и др.
- 9 Мушкатинович И. Краткое размышление о праздники. У Бечу, I 1786. С. 22, 25, 26.
- 10 Павић М. Историја српске книжевности класицизма и предромантизма. Класицизам. Београд, 1979. С. 17, 62.
- 11 Бошков М. Руска штампана књига у нашем XVIII веку // Годишњак Филозофског факултета. Књ. XVI/2. Нови Сад, 1973. С. 562, 563.
- 12 Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 424.
- 13 Ягич И.В. Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян // Сборник ОРАС АН. Т. 62. СПб, 1897. С. 697.
- 14 Там же. С. 695.
- 15 Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. Кн. 2. 1808-1813. М., 1983. С. 8.
- 16 Там же. Кн. I. 1804-1807. М., 1980. С. 315. См. также: Лейшловская И.И. Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания // Балканские исследования. Вып. 10.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАВИСИМОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. БАЛКАНСКИЕ
ТЕРРИТОРИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Настоящая работа представляет собой часть исследования автором экономической истории той части Юго-Восточной Европы, которая в эпоху промышленного капитализма входила в состав Османской империи. Обобщающее исследование должно восполнить недостаток конкретно-исторических работ на стыке балканистики и востоковедения и выполняется в рамках перспективной темы "Внешние займы, долги и экономическое развитие в XIX—XX вв.", рекомендованное к углубленному изучению Международной Ассоциацией экономической истории.

Значение экономической истории балканского региона Османской империи для понимания сущности масштабных исторических закономерностей Европы и Азии оценено недостаточно. Так, учение об общественных формациях базируется главным образом на материалах Западной Европы, но это влечет ряд вольных допущений при анализе Юго-Восточной Европы и сопредельных районов Ближнего Востока, с другой стороны, в полемике об азиатском способе производства опускался специфика балканских земель в составе Османской империи, что повлекло определенную некорректность и механический перенос имманентных западноевропейскому капитализму законов воспроизводства, либо застойных "азиатских" форм экономической жизни на Балканах. Очевидно, однако, что османские политические владения в Юго-Восточной Европе имели генетически отличный и от Западной Европы, и от сопредельного Востока тип развития¹.

Если не исследовать во взаимосвязи отношения между капиталистической Европой и запаздывавшим по пути в капитализм восточноевропейским регионом Османской империи и не изучать параллельно взаимодействия двух главных — капиталистического и докапиталистического — укладов данного региона, то окажутся размыто очерченными общие закономерности перехода от феодализма к капитализму в бывших

балканских, восточноевропейских землях Османской империи. Как, впрочем, не будет корректной критика (И.Валлерштейн, Р.Касаба, Р.Оуэн и др.) имитационного и замедленного, зависимого характера развития тех стран Юго-Восточной Европы, которые входили в Османскую империю в качестве своего рода внутренних колоний и в которых переходный период от феодализма к капитализму совпадал с освобождением в ходе национально-освободительных революционных движений².

Также известные исследователи истории Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья, как Б. и Ч.Йелавичи, П.Шугар, Т.Стоянович, И.Бельдечману-Штаймер, Ст.Розенталь, Ч.Иссави, Б.Макгодуэн и др. постоянно оперируют данными балканских провинций Османской империи. Фундированность работ этих авторов общеизвестна. Вместе с тем критический анализ ряда положений, например, о роли осmano-турецкого "центра власти" в развитии балканской периферии (проблема "командной экономики"), о биполярности хозяйственного развития отдельных земель в период интенсивного торгового проникновения держав в Юго-Восточную Европу и Турцию в эпоху расцвета промышленного капитализма может носить более конструктивный характер при учете двух условий. Во-первых: соотносительности внутренних и внешних факторов зависимого развития. Во-вторых, определение степени и темпов вовлечения Юго-Восточной Европы в международное разделение труда. Следуя далее логике исследования, мы должны признать принципиальную важность изучения внешнеэкономических (до периода до 1870-х годов преимущественно торговых) отношений между двумя группами участников обмена.

1. Между Высокой Портой в качестве своего рода "метрополии", вовлекавшей подчиненные земли в торговлю с Западом на условиях, выгодных для нее как политического центра обширной Османской империи. На этом уровне Портой искусственно вносились в обмен элементы принудительной активизации торгового оборота балканских торговцев в интересах прежде всего осmano-турецкого фиска.

2. Торговля европейских держав напрямую с отдельными торговцами или группами торговцев из числа наиболее влиятельных, т.е. богатых и огражденных капитуляционными иммунитетами балканских подданных Высокой Порты. В этом случае балканские региональные интересы удовлетворялись существенно полнее. Отрыв балканских владений от османского центра был тем выше, чем больше был объем прямого торгового обмена "балканская периферия - Запад" и выше - уровень организованности балканского торгового партнера.

Такой комплексный подход позволит достоверно обобщить специфические стороны отношений между балканскими землями, западно-европейскими державами и Высокой Портой, осветив характер производства как на этих территориях, так и в империи в целом, равно как и конкретно-исторические условия обмена в обширной балканской контактной зоне.

С учетом этих обстоятельств полагаем, что исследования зависимого генотипа развития европейских провинций Османской империи должны включать изучение формирования и развития международного разделения труда (МРТ) в регионе.

Степень и глубина вовлечения в МРТ европейских владений Порты может рассматриваться как наиболее обобщенный показатель их положения в рамках Османской империи, а также взаимодействия внутренних и внешних факторов зависимого развития региона. Особое значение МРТ для определения содержания и характера как типа отношений промышленных держав и стран, отстававших в социально-политическом развитии, отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс в "Немецкой идеологии" (1844 г.), затем возвращались к этому вопросу неоднократно³. Первыми их историко-экономистов XIX в. они подчеркнули решающую роль МРТ для того или иного типа межгосударственных отношений. Формирование и развитие МРТ в эпоху промышленного капитализма определяло как этапы экономических отношений между державами — объектами международной среды, так и постепенное складывание зависимого типа отношений в рамках таковой среды, где отстававшие страны (в частности, Османская империя и ее интенсивно вовлекавшиеся в МРТ восточноевропейские территории) становились субъектами международной среды. Поскольку формирование среды межгосударственных политических отношений с выделением группы лидировавших великих держав совпало по времени и общей направленности (передовые, хозяйственно развитые и наоборот, отстававшие все более страны) со складыванием МРТ как определяющей части международных экономических отношений, то обе стороны единого процесса прослеживаются в картине зависимого развития восточноевропейского региона Османской империи.

Формирование, складывание МРТ проходило длительный период — с конца XVII в. до второй половины XIX в. — постепенно, неравномерно. Поэтому и эволюция зависимого развития балканских стран в связи с МРТ требует дальнейшего углубленного изучения с учетом их долговременности пребывания под властью одной из "образцовых" деспотий Востока — Османской Турции.

Юго-Восточная Европа конца XVIII – середины XIX в. была главной контактной зоной взаимодействия столь различных формационно-структур, как Западная Европа и Ближний Восток. По существу, различных стадий капиталистической и феодальной формаций. Диспропорциональность в развитии европейских провинций Османской империи отражала как свойственную самому капитализму закономерность, так и особенности тех специфических укладов социально-экономической жизни, которые формировались в этой контактной зоне под влиянием столкновения османского феодализма и европейского капитализма.

Известно, что страны Востока, потерявшие в XVIII–XIX вв. политическую независимость и ставшие классическими колониями, были наследственно включены в МРТ с последствиями, известными как "открытая" схема расширенного воспроизводства". Социально-экономические сдвиги происходили в первую очередь под воздействием внешнего фактора – вооруженного вторжения неокOLONIZаторов, а затем включения колоний в разделение общественного труда как составляющей части системы метрополия – колония, и лишь затем в МРТ. Наиболее полно эти процессы исследованы на примере воздействия авангарда МРТ – капиталистической Англии и ее колоний в Индии и Африке.

В привычной форме эти тенденции не прослеживались ни в сохранявшей политическую независимость Османской империи, ни, тем более, на ее землях в Юго-Восточной Европе⁴. Их вовлечение в складывавшееся МРТ нарастало со второй трети XIX в. темпами, которые определялись рядом факторов. Из них наиболее важными были: завершение промышленного переворота в Западной Европе, развитие капиталистических отношений на Балканах, активизация политической и экономической экспансии великих держав в зоне Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья. К середине XIX в., когда выявились основные черты переходного периода для большинства балканских земель, относится, на наш взгляд, и становление их зависимого этапа развития. Проявлением этого процесса стали: экономическое воздействие держав, выразившееся прежде всего в серии договоров о торговле и судоходстве 1838–1854 гг., в которых капиталистические принципы свободной торговли сочетались с обновленными средневековыми капитуляциями; усовершенствование западноевропейскими державами коллективного контроля над соблюдением Высокой Портой капитуляционного режима в целом, особенно в европейских районах интенсивного экономического развития;

распространение, под воздействием великих держав, различных капиталистических империализмов, главным образом для лиц из местного населения на Балканах и в приморских городах Западной Анатолии, представлявших торгово-политические интересы держав. Это влекло за собой, во-первых, выпадение большой части немусульманских подданных в контактной зоне, там, где шел наиболее активный экономический и социо-культурный обмен, из-под полной юрисдикции Высокой Порты; во-вторых, использовалось для реализации проектов дифференцированного влияния держав на положение отдельных групп населения в составе Османской империи; нарастание финансово-таможенной и валютной обособленности многочисленных, особенно на Балканах, представителей капиталистических держав и связанных с ними покровительствуемых лиц — подданных Османской империи; наконец, неравноправные военно-политические соглашения периода Крымской войны и последовавшее финансово-политическое подчинение.

Восточноевропейские, наиболее развитые провинции Османской империи быстро втягивались в капиталистический внешнеторговый обмен, что имело объективно прогрессивный характер для ускорения темпов перехода от феодализма к капитализму. Прежде всего потому, что в ходе этого процесса могло осуществляться объективное перенесение первичных производственных отношений, присущих передовым в экономическом отношении капиталистическим странам, в складывающуюся систему межгосударственных отношений, по определению Маркса, как вторичных, третичных производных, причем двойко. Во-первых, опосредованно через политику Англии, Франции, Австрии (других стран Западной Европы в меньшей степени) как через собственно внешнюю, так и через торговую политику в европейском регионе Османской империи. Во-вторых, еще более длительно и многократно опосредованно из других процессов — отношений западноевропейских держав и метрополии — Османской империи, например, с Россией, с Грецией, с малыми государствами Центральной и Западной Европы.

Два (только из числа основных) обстоятельства не позволили в полной мере реализоваться этому позитивному процессу в середине XIX в. Нерешенность (либо незавершенность) ряда задач революционно-освободительного движения народов Европейской Турции в 1830-1850-х гг., а также фактически закрепленная на Парижском мирном конгрессе неравноправность Османской империи в экономических и политических связях с державами, что особенно отрицательно сказывалось на еще подвластных ей европейских землях. Зависимый экономический генотип развития, сложившийся в период осман-

ского владычества, оказался заложенным в структуру развития бывших османских владений в Юго-Восточной Европе, добившихся независимости во второй половине XIX в. Османская империя постепенно превращалась из субъекта в объект формировавшейся системы межгосударственных связей. Процесс протекал под мощным давлением капиталистических держав, которые стремились закрепить воспроизведение одного системного качества межгосударственных отношений на рубеже капитализма и империализма – предотвращение появления на международной арене новых государств как равноправных членов. С учетом этой тенденции вполне очевидно, что распространение зависимого развития на восточноевропейские провинции Османской империи вполне отвечало интересам капиталистических держав, поддерживалось ими политическими и экономическими мерами. Единственным способом прорыва зависимого развития метрополии – Высокой Порты и предпосылкой преодоления негативных элементов как османского владычества, так и деформировавшего национально-государственное возрождение Балкан влияние капиталистических держав, явились национально-революционные освободительные движения.

---

¹ Wallerstein I. et Kasaba R. Incorporation into the World Economy: Change in the Structure of Ottoman Empire 1750-1839. – In: *Economie et sociétés dans l'empire Ottoman*. Paris, 1983, p. 336-354.

² Щермет В.И. Внешние факторы перехода от феодализма к капитализму стран Юго-Восточной Европы. Балканские провинции Османской империи. – *Новая и новейшая история*, 1988, № I, с. 115-117.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3, с. 19-20. Там же, т. 27, с. 404 и др.

⁴ Щермет В.И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986.

О ВОЗДЕЙСТВИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА БАЛКАНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ)

Влияние Великой Французской буржуазной революции на Европу, на весь остальной мир огромно и многообразно. Справедливо считается, что весь девятнадцатый век прошел под знаком Французской революции. Идеи ее не утратили своей огромной притягательной силы и на исходе двадцатого столетия. Эти идеи — идейный арсенал для всех сил, борющихся за демократию, за права человека, против произвола и угнетения.

Глубокое воздействие идей Французской революции XVIII в. испытали на себе не только последующие поколения, но уже и ее современники, в том числе и жители такого отсталого в ту эпоху региона как Балканы. Это убедительно показали появившиеся в последние десятилетия исследования¹. Но, как правило, приводимый в них фактический материал относится к 1797—1799 гг.², когда французские республиканцы вели с Ионических островов активную пропаганду на Балканах. Данные же в исторических исследованиях о реакции на Балканах в предшествующие годы на наиболее драматические события великой революции редки и скупы². Их позволяют существенно пополнить донесения дипломатических агентов и тайных осведомителей России, хранящиеся в Архиве внешней политики России (АВПР).

Из этих донесений видно, что каналами проникновения вестей о событиях во Франции, ареной контактов местного населения с представителями и приверженцами Французской республики был ряд городов Европейской Турции и прежде всего Константинополь. В Османской империи в то время не выходила ни одна газета, и большинство ее населения не имело сколько-нибудь систематической информации о происходящем в мире. Но столица империи находилась в этом отношении в исключительном положении. В Константинополе при иностранных посольствах переводчиками служили местные жители, являвшиеся разносчиками полученной ими информации о событиях в зарубежных странах. Если же говорить о событиях Французской революции, являвших-

ся темой номер один тогдашней международной информации, то следует иметь в виду, что в Константинополе существовала в те годы большая французская колония, живо откликнувшаяся на события на родине. Ее радикальные элементы создали в августе 1793 г. народное общество, придерживавшееся якобинской ориентации³. За два месяца до этого в Константинополь прибыл посланник Французской республики М. Декорш, активно занявшийся революционной пропагандой⁴. В общем можно сказать, что столица самодержавной Османской империи была единственной столицей в Европе (кроме Парижа, разумеется), где до поры до времени беспрепятственно проповедывались республиканские и антимонархические идеи. Этот парадоксальный факт следует прежде всего объяснить причинами внешнеполитического характера. Порта, видя в революционной Франции союзника против общих врагов — России и Австрии, — в отличие от других монархических правительств Европы продолжала поддерживать с ней дипломатические отношения. Кроме того, сама Османская империя вступила в эпоху реформ, связанных с именем султана Селима III. Хотя реформы эти преследовали ограниченную цель: упорядочение финансов и создание дисциплинированной армии, что позволило бы упрочить государственный строй Османской империи, некоторые современники усматривали в них прямую связь с событиями Французской революции. В этом отношении весьма любопытно донесение анонимного осведомителя царского правительства в Константинополе от 5 (16) ноября 1793 г.⁵.

Султан, говорилось в донесении, "чтобы предотвратить полный упадок, который угрожает государству", вынужден был отказаться от части своей власти и согласиться на создание совета из 40—50 членов, "скорее являющегося Национальным собранием". "Это собрание, — по образцу недавно происшедшей во Франции революции — проникнуто теми же честолюбивыми стремлениями, которые характеризуют французских депутатов и которые побудили их слепо принять чудовищные принципы якобинства".

В начале 1794 г. в Петербурге было получено еще одно донесение тайного корреспондента из Константинополя, в котором речь также шла о влиянии идей Французской революции на турецкое общество⁶. "Прилежнейшее внимание, — говорилось в донесении, — обращает на себя дух якобинства, оказывающий удивительные успехи в турецком народе. Уже в оном есть клубы, где

проповедуют и возопиют против неограниченного самовластия, под бременем коего народ стонает в угнетении".

Оба донесения тайных осведомителей о влиянии идей Французской революции на турецкое общество близки не только по своей хронологии, но и по своему духу. Их авторами или автором могли быть греки-фанариоты, занимавшие высокое положение в канцеляриях Порты и одновременно бывшие тайными осведомителями российского посольства в Константинополе. Для обоих донесений характерны ненависть к Французской революции, страх в связи с тем, что ее идеи, по мнению авторов, угрожали "потрясением основ" султанской империи. Оба документа говорят о том, что идеи и события Французской революции нашли живой отклик в Константинополе, что и здесь, на краю Европы, у великой революции появились свои друзья и свои недруги. Да и сам факт преувеличения воздействия Французской революции на турецкое общество — свидетельство того, что на берегах Босфора, так же как на берегах Невы, Дуная и Темзы, ретрограды и реакционеры испытывали панический страх перед призраком якобинства.

Но конечно приписывать, как это делают авторы донесений, турецким сановникам план учреждения демократической республики, а простому народу — сознательный протест против султанского деспотизма, — явное преувеличение. Эти утверждения не согласуются с картиной тогдашнего турецкого общества, феодального и теократического. Безраздельное господство ислама в этом обществе, его изоляционистский характер приводили к тому, что даже для турецких просветителей и реформаторов в то время считалось возможным заимствование только технологической культуры Запада, а отнюдь не его идейных течений и политических систем.

Если вряд ли можно говорить о сколько-нибудь серьезном воздействии идей Французской революции на турецкое мусульманское общество конца XVIII в., то иначе обстояло дело с подневольным православным населением Балкан. Следует иметь в виду, что поработанные народы Балканского полуострова сумели достичь более высокой стадии социально-экономического развития, чем их поработители. Особенно это относится к греческому обществу. Греческие купцы держали в своих руках значительную часть внешней торговли Юго-Восточной Европы. Греческие торговые колонии существовали почти во всех крупных балканских

городах, наиболее значительных портах некоторых европейских государств. Колонии эти отнюдь не являлись чисто греческими по своему составу. В определенной мере их структура копировала структуру миллетов-религиозно-этнических общин в османском государстве. Также как греческий миллет, возглавлявшийся константинопольским патриархом, фактически включал в себя все православное население Османской империи, греческие зарубежные колонии, помимо греков, включали в себя болгар, сербов, православных албанцев, представителей других балканских народов. Этот балканский торговый слой был, по своему социальному статусу и мироощущению, наиболее восприимчив к идеям великой буржуазной революции. Причем, греческие и другие балканские купцы и связанная с ними интеллигентская прослойка воспринимала лозунги Французской революции прежде всего как призыв к борьбе за свержение османского ига. Судя по донесениям российских дипломатов, полем для первых непосредственных контактов, между представителями нарождавшейся балканской буржуазии и официальными и неофициальными агентами революционной Франции стали Дунайские княжества.

В этот период Бухарест и Яссы являлись не только важными экономическими и культурными центрами Юго-Восточной Европы, но и дипломатическими аванпостами России и Австрии в балканском регионе. Естественно, что и дипломатия революционной Франции проявляла растущий интерес к княжествам. Еще до появления в Дунайских княжествах официальных представителей Французской Республики проводниками ее политики и пропагандистами ее революционных идей становятся французы, оказавшиеся здесь по торговым и иным делам. За действиями французореспубликанцев в княжествах бдительно следили российские консулы в Яссах и Бухаресте⁷.

30 июня (11 июля) 1793 г. генеральный консул России в Дунайских княжествах И.И.Северин сообщал о прибытии в Бухарест, "для открытия коммерции", французского купца Ортолана. Но на деле, французский купец больше занимался политикой, чем коммерцией. Как отмечалось в донесении Северина, он "старается знать политические дела в самой точности, а особливо о происходящем в Цесарии и Польше". Этот "страшной якобинец", как его охарактеризовал Северин, поддерживал тесные связи с греческими купцами⁸.

Именно среди живших в княжествах купцов из Греции и Албании, приверженцы Французской революции появлялись, по крайней мере, уже в 1793 г. В октябре этого года Ортолан сообщил Декоршу из Бухареста: "Почти все находящиеся здесь купцы из Янины и Албании – санкюлоты. Они перевели "Права человека", все они знают их наизусть"⁹. Сторонники революционной Франции появились одновременно и в Яссах – как среди местных жителей, так и среди окружения господара М.Суццо. Наиболее активным из них был первый секретарь молдавского господара, известный впоследствии греческий ученый и национальный деятель П.Кодрикас. И.И.Северин в марте 1794 г. писал, что "онный секретарь немало привязан к господствующей ныне во Франции партии"¹⁰.

Еще до якобинских эмиссаров, на Балканах, правда, на противоположной их стороне, появился и эмиссар французских контрреволюционеров. В своем донесении от 3(14) мая 1792 г. генеральный консул России в Рагузе А.Гика сообщал о прибытии в этот город иностранца, назвавшего себя Димитром Ольвицом, маршалом на службе графа д'Артуа в сопровождении двух дам и французского офицера¹¹. Несмотря на то, что внешне эта группа не отличалась от других путешественников, посещавших один из самых живописных уголков Адриатики, консул заподозрил, что Ольвиц прибыл на границу Османской империи для набора войск в Черногории и Албании. Подозрение это полностью оправдалось.

Как удалось выяснить российским дипломатам, Димитр Вуич (таково было настоящее имя путешественника), венгерский серб и авантюрист по наклонностям, в феврале 1792 г. заключил в Кобленце с французскими принцами – контрреволюционерами соглашение о формировании для них четырех полков в Черногории, Албании и соседних провинциях.¹² Во время пребывания на побережье Адриатики агент французских контрреволюционеров имел встречу с черногорским митрополитом Петром I Негошем и заручился его согласием на вербовку 1200 черногорцев "на службу его величества короля Франции против его мятежных подданных". Вуич вступил также в контакт с полунезависимым правителем Северной Албании Махмудом – пашой Бушати, который обещал выставить четыре тысячи солдат из числа своих христианских подданных. Следует здесь заметить, что ни албанский паша, ни

черногорский митрополит не имели каких-либо своих причин для враждебности к Французской революции и руководствовались в данном деле различными прогматическими соображениями, в том числе стремлением обеспечить заработком своих "подданных", некоторые из которых практиковали ремесло наемных солдат.

Согласно разработанному принцами-эмигрантами плану контрреволюционного похода, албано-черногорский корпус пред-назначался для операций в гористых районах Южной Франции. Братья французского короля вступили в переговоры сначала с неаполитанским, а затем мадридским двором с целью побудить их взять на себя расходы по формированию подразделений из албанцев и черногорцев. Но и неаполитанский, и испанский монархи, несмотря на их ненависть к Французской революции, уклонились от финансирования этого предприятия, и попытка использовать балканских горцев против революционного народа Франции провалилась.

Если в поле зрения французской контрреволюции западнобалканские страны попали уже в 1792 г., то политическая активность республиканской Франции в этой части Балкан до 1797 г. была ограниченной. Но переход Ионических островов под власть Франции в июне 1797 г. сделал их центром революционной пропаганды в этом регионе. Новым моментом в пропаганде идей Французской революции среди греческого населения, которой интенсивно занимались военные и дипломатические представители Франции, стала освободительная фразеология, воспринимавшаяся как призыв к свержению османского ига. "В пограничных оттоманских провинциях, - сообщал в октябре 1797 г. из Мореи российский консул, - распространяются манифесты на трех языках - греческом, итальянском, и французском. Эти воззвания, напоминая грекам о их подвигах в античную эпоху, побуждают их стряхнуть свои нынешние цепи и восстановить свою свободу, будучи уверенными, что их возьмут под защиту французские войска"¹³.

Такая пропаганда находила живой отклик в Греции. Под непосредственным воздействием идей Французской революции возникло национально-освободительное движение Ригаса Велестинлиса. Русские дипломатические документы свидетельствуют о том, что это движение нашло большой сочувственный отклик

в греческих торговых колониях Австрии и Дунайских княжествах. Российские консулы часто ссылаются в своих донесениях на сведения, полученные греческими купцами Ясс и Бухареста от своих корреспондентов в Вене. В этой переписке живо обсуждались революционные планы Ригаса, перипетии, связанные с арестом и трагической гибелью вождя греческих революционеров.¹⁴ Если иметь в виду, что все греческие торговые колонии Центральной и Восточной Европы были тесно связаны между собой семейными и деловыми узами (так, греческие купцы Ясс и Бухареста имели прочные связи с греческими общинами Нежина и Москвы), то можно утверждать, что известия о Ригасе широко распространились и дошли до самых отдаленных греческих общин.

Несмотря на подавление совместными усилиями венского правительства и Порты движения Ригаса Велестинлиса, в отдельных районах Европейской Турции продолжали появляться очаги революционной активности, связанные с распространением принципов Французской революции. О двух таких, неизвестных ранее очагах содержатся сведения в донесениях русских дипломатических агентов на Балканах.

Один из них действовал в 1798–1799 гг. в Яссах и связан с именем сподвижника Ригаса К.Полизоса. Вокруг Полизоса объединились приверженцы республиканской Франции в Яссах — купцы, учителя, врачи. По национальности это были греки, немцы, поляки. Однако и среди местных жителей — служилых бояр третьего класса, находившихся в непримиримой вражде с боярами первого класса — демократические идеи также нашли отклик. По словам тайного осведомителя российского консульства в Яссах, "чиновники казначества особенно отличаются своей горячей приверженностью к демократической системе". Тот же осведомитель назвал Полизоса "вождем яссских республиканцев"¹⁵.

В июне 1799 г. на яссских демократов обрушились репрессии. Полизос был арестован. Из захваченных при его аресте материалов обнаружилось, что он занимался переводом на греческий язык философских произведений Канта, а также "некоторых французских сочинений, проповедовавших революцию и свержение старой политической системы"¹⁶. После нескольких дней допросов Полизос был выслан в Янину, где жил его отец.

В начале 1799 г. на другом конце Балкан - также дали о себе знать приверженцы республиканской Франции. Произошло это в Северной Албании - там, где семь лет назад эмиссары принцев-эмигрантов пытались найти наемников для похода против революционной Франции. Центром этих событий, которые российский консул в Рагузе А.Гика расценил как попытку диверсии против Порты, предпринятую французскими агентами, стала Шкодра. По сведениям А.Гики, в центре "заговора" стояли купцы - католики Шкодры, которые часто по торговым делам посещали итальянские порты, в частности, Анкону. Следует напомнить, что в ноябре 1798 г. Директория учредила в Анконе "коммерческое агентство", на самом деле являвшееся центром пропаганды, нацеленной на Балканы¹⁷. По сведениям российского консула, уполномоченным "заговорщиков" по связям с французами был Никола Сума, принадлежавший к одной из известных семей Шкодры¹⁸. Однако в апреле 1799 г. австрийский губернатор Каттаро (Котор) Бради задержал Н.Суму на острове Корчула. В руки австрийских властей попали и некоторые другие лица, обвиненные в интригах в интересах Франции в Черногории и Рагузе¹⁹. Таким образом, и здесь габсбургская монархия, как и в случае с движением Ригаса Велестинлиса, выступила в роли жандарма.

Говоря о восприятии широкими слоями населения Юго-Восточной Европы событий Французской революции, следует обратить внимание и на то, что связанные с ней надежды часто воплощались в образе победоносного полководца республики Бонапарта. Так, по данным российского консульства в Яссах, валашские крестьяне Трансильвании распевали в 1798 г. такую песню:

Bounaparte! Nou dy parte,
Vin dy graba, fa dreptate!²⁰
(Бонапарт! Ты от нас не вдали,
Приди скорее и правду установи!).

В заключение можно утверждать, опираясь на новые документы Архива внешней политики России, что воздействие Великой Французской революции на Балканы уже в самом ее ходе было более значительным, чем это предполагалось.

- I См. например: Dascalakis A. Rhigas Velestinlis. La Révolution française et les préludes de l'indépendance hellénique. Paris, 1937; Lewis B. The Impact of the French Revolution on Turkey. - Cahiers d'histoire mondiale, т. 1, N 1; Les Pays Roumains à l'âge des Lumières (1770-1830). - Annales historiques de la Révolution Française, 1976, N 3. Определенное внимание балканским аспектам уделено и в последнем исследовании о революционной экспансии Франции: Godechot J. La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde de 1789 à 1799. Deuxième édition entièrement refondue. Paris, 1983.
- 2 Несколько сведений такого рода из французских источников см: Marcère E., de. Une Ambassade à Constantinople. La politique orientale de la Révolution française, v. 1. Paris, 1927; p. 161; Вайнштейн О.Л. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и турецкий Восток. - Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук, вып. 6, Л., 1940, с. 223.
- 3 См: Вайнштейн О.Л. Указ. соч., с. 222-223.
- 4 Lewis B. The Impact of the French Revolution on Turkey, p. 116.
- 5 АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1744-1798 гг., д. 5629, л. 87-91. Rapport. A Constantinople, le 5 Novembre 1793. Имеющаяся на этом донесении помета "traduction" (перевод), говорит о том, что оригинал был написан на другом языке, вероятнее всего, на греческом или итальянском.
- 6 АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 802. Перевод с донесения из Царя Града от 6-го января 1794-го года.
- 7 Большая часть их донесений, хранящихся в Архиве внешней политики России (Фонд "Генеральное консульство в Яссах"), опубликована. См.: Documente privind istoria României: Colecția Eudoxiu de Hurmuzaki (Ser. nouă). București, 1962-1974. V. 1. Rapoarte consulare ruse (1770-1796) din "Arhiva politica externa a Rusiei". V. 4. Rapoarte diplomatice ruse (1797-1806). Нами использованы также неопубликованные донесения российских консулов в Дунайских княжествах, содержащиеся в фондах "Сношения России с Турцией" и "Константинопольская миссия".
- 8 АВПР, ф. Сношение России с Турцией, д. 1265, л. 42-43; Documente..., v. 1. p. 553.
- 9 Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Românilor, supl. 1, v. II. Bucuresti, 1885. p. 94.
- 10 АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 1267, л. 58. И.И.Северин послу в Польше И.А.Игельструму, 21 марта (1 апреля) 1794 г.
- 11 АВПР, ф. Сношения России с Рагузой, 1792 г., д. II, л. II.
- 12 Помимо донесений А.Гики, важным источником для освещения контрреволюционной акции Вуича на Балканах является донесение генерального консула России в Венеции П.Филли вице-канцлеру И.А.Остерману от 18(29) сентября 1792 г. К нему прило-

- жена и копия соглашения Вуича с принцами-эмигрантами. См.: АВПР, ф. Сношения России с Венецией, 1792 г., д. 293, л. 12-19.
- 13 АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1796-1797 гг., д. 1252, л. 8. Г. Бицилли - посланнику в Константинополе В.П. Кочубею, 30 октября (10 ноября) 1797 г. Патры.
- 14 См.: АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 1308, л. 19, 23-24; д. 1310, л. 42; ф. Константинопольская миссия, д. 1389, л. 33, 36.
- 15 АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1798 г., д. 1483, л. 125. Приложение к донесению генерального консула в Яссах И. Яковлева посланнику В.С. Томаре от 6 (17) сентября 1799 г.
- 16 Там же, 1799 г., д. 1462, л. 48. Записка первого вестника, 8 (19) июня 1799 г. (Приложение к донесению управляющего делами генерального консульства в Яссах Ф. Недобы от 17 (28) июня 1799 г.).
- 17 Подробнее см.: Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798-1800 гг. М., 1983, с. 102-103.
- 18 АВПР, ф. Константинопольская миссия, 1799 г., д. 1438, л. 8-9. А. Гика - В.С. Томаре, 12 (23) марта 1799 г.
- 19 Там же, л. 6, 10. Донесения А. Гики В.С. Томаре от 27 апреля (8 мая) и 28 мая (8 июня) 1799 г.
- 20 АВПР, ф. Константинопольская миссия, д. 1388, л. 41. Записка первого вестника, 1 (12) июня 1798 г. (Приложение к донесению И.И. Северина В.С. Томаре от 15 (26) июня 1798 г.).

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

На конец 90-х годов XVIII века приходится очередное обострение Восточного вопроса. Франция начинает проявлять вполне конкретный интерес к Средиземноморскому региону /1797 г. – захват, а затем и формальное закрепление за собой Ионического архипелага; 1799 г. – оккупация Мальты и Египетский поход/. Подобное изменение расстановки сил в Восточном Средиземноморье привело к далеко идущим последствиям.

Резко изменились отношения Франции с Османской империей.

Из всех стран Западной Европы наиболее стабильными и традиционными были контакты Высокой Порты именно с Францией, что было закреплено в серии капитуляционных соглашений /начиная с 1535 г. и до 1740 г./.

Сама Османская империя находилась в эти годы в неустойчивом состоянии. Реформы низам-и джедда еще не создали крепкой новой основы государственного устройства. У Высокой Порты не было сил самостоятельно отразить агрессию.

Селим III был вынужден искать союзников среди врагов Франции. Высокая Порта оказалась у истоков складывания второй антинаполеоновской коалиции.

Русско-турецкий союзный договор стал беспрецедентным событием в истории дипломатии. Для Великобритании же договор с Высокой Портой стал исходной точкой политики статус-кво, определившей действия сент-джеймского кабинета в регионе на три четверти века вперед. Обе стороны обязывались не вести переговоров с другими странами и не заключать с ними соглашений, которые могут "задевать целостность владений" Великобритании и Османской империи /третья статья договора от 5 января 1799 г./

Военные действия второй антинаполеоновской коалиции принесли фактическую выгоду только Англии. Она закрепилась в Египте, изгнав оттуда Францию; получила Мальту; захватила несколько французских колоний в Индии – в Декане и на Малабарском побережье; не прекращались англо-французские боевые действия

в Канаде и в Карибском бассейне. В эти годы Великобритания активизирует свою деятельность в европейских провинциях Османской империи — в Греции, Эпире, Дунайских княжествах.

Порта фактически восстановила лишь формальный сюзеренитет над Египтом и Сирией, но полтора года мирной передышки после Парижского мира 1802 г. стали периодом внутренней консолидации Османской империи, так как с наиболее опасным и традиционным противником — Россией — был заключен союзный договор. Россия /а позже — и Франция/ посредничала в примирении Порты с Лозванд-оглу. Али-паша Янинский был назначен бейлербеєм Румелии. Хатт-и шерифы по Молдове и Валахии способствовали стабилизации положения в Дунайских княжествах.

Создание Ионической республики стало новым явлением как в русско-турецких отношениях, так и в политике России вообще. Возникает вопрос, не следует ли рассматривать вопрос о создании республики под протекторатом двух империй как своеобразную дань либеральным увлечениям одного монарха и попыткой найти новые формы управления, соответствующие задачам социально-экономических и политических проблем предтанзиматской эпохи — со стороны другого монарха.

Стабилизация положения в Османской империи была неполной. Продолжались беспорядки в Магрибе, в Аравии. На Балканах же дахийский режим в Белградском пашалыке вызвал народное восстание. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. стало пиком национально-освободительных движений христианских народов Османской империи в эпоху наполеоновских войн.

Реформы низам-и джедида были неглубоки, а противодействие им со стороны местной реакции — настолько велико, что они не смогли предотвратить национально-буржуазной революции.

Объективно сербское восстание, особенно на первом его этапе /когда повстанцы выступили лишь против янычар — бунтовщиков против воли султана/, шло в том же русле, что и реформы Селима III, направленные на разрушение старых устоев. Вероятно, этим можно объяснить и тот удивительный факт, что даже при резком увеличении требований повстанцев, ведущих к ограничению сюзеренитета Высокой Порты в Белградском пашалыке, Селим III не только согласился на это, но и фактически признал восставших своих подданных-сербов не бунтовщиками, а воюющей стороной /заключение "Ичкова мира"/. И только после начала русско-турецкой войны, после того, как заключенное соглашение было на-

рушено сербской стороной, османские войска повели активные боевые действия против повстанцев.

Франция продолжала свою активную деятельность в Восточном Средиземноморье, в Восточном вопросе в целом /посольство Брина в Константинополе, А.Ромье - в Ионической республике, пребывание Сен-Сира у Али-паши; непосредственное приближение французских владений к территории Османской империи и результате Пресбургского мирного договора/. Позиция Англии по проблеме Мальты стала для Наполеона прекрасным предлогом для возобновления военных действий: "Мальта или война!"

Активизация восточной политики Франции заставляла Россию активизировать свою антифранцузскую политику вообще, а в частности и на Востоке.

Как любопытный момент следует отметить, что в эти годы активны в Восточном вопросе были в основном Великобритания, Россия, Франция. Австрийская империя, поглощенная борьбой с наполеоновской агрессией, стремилась только к одному - способствовать подавлению /любими путями/ восстания в Белградском пашалыке, чтобы волнения не перекинулись на ее собственные владения, населенные сербами.

Тем временем был возобновлен русско-турецкий договор. Новый союз был построен в основном на тех же принципах, что и система договоров 1798-1799 годов. В частности, было подтверждено закрытие Босфора и Дарданелл для нечерноморских держав. Вообще этот вопрос приобрел большую остроту и неоднократно поднимался в те годы.

Изменение общеевропейской обстановки неизменно влекло перемены в Восточном вопросе.

После поражения войск союзников по третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем влияние Франции на Высокую Порту заметно возросло. В свою очередь в Санкт-Петербурге и Лондоне стали появляться планы о возможном разделе владений Османской империи.

К концу 1806 года назревавший конфликт вылился в денонсацию Портой договоров с Россией и Великобританией /не без приложенных к тому усилий нового французского посла в Константинополе генерала О.Себастиани/ и начало военных действий России и Турции. Правда, совместные действия их не увенчались успехом - эскадрам адмиралов Дакурта и Сенявина не удалось соединиться, экспедиция англичан через Дарданеллы в Мраморное

море провалилась, и Дакуорт отправился осаждать Александрию, а Сеньявину оставалось только блокировать вход в Дарданеллы.

Для Великобритании война с Османской империей оказалась более "неприятной", чем для России: она означала потерю фактически последнего легального выхода на рынки Европы, закрытые для нее континентальной блокадой. Необходимо отметить, что в этот период Англия с ее передовой промышленностью больше нуждалась в рынках сбыта готовой продукции, чем в поставке сырья из других стран.

К серьезным изменениям в расстановке сил на Востоке привел Тильзит.

Позиции Наполеона в Восточном Средиземноморье укрепились еще больше. Республика Семи соединенных островов перешла "в полную собственность и обладание его величества императора Наполеона" /вторая секретная и сепаратная статья мирного договора/. России были обещаны Дунайские княжества. Наполеон открыто использовал Османскую империю как разменную монету в своей игре.

Результатом этого стал постепенный отход Высокой Порты от профранцузской ориентации уже в последние месяцы правления Селима III, а затем на протяжении всего недолгого царствования Мустафы IV. Хотя мирные переговоры в Слободзее шли при участии французского представителя, как и было решено в Тильзите, обе стороны отказались ратифицировать достигнутое соглашение.

Русско-французский союз не был /и не мог быть/ прочным. Взаимное недоверие продолжало накапливаться. Это не могли изменить ни переговоры П.А.Толстого и Ш.Талейрана в Париже, ни Эрфуртская встреча. Не было согласия и по вопросам восточной политики. Выполнять свои тильзитские обещания Наполеон не собирался - присоединение Дунайских княжеств слишком бы укрепило положение России на Балканах и приблизило бы ее к Константинополю.

Тем временем завершились англо-турецкие переговоры о заключении мирного договора. Договор, подписанный в январе 1809 г., содержал в себе чрезвычайно важные моменты, причем не только для двух государств, его подписавших.

С точки зрения международных отношений наиболее важным моментом стал пункт о закрытии Черноморских проливов для военных судов всех государств "по древнему обычаю Османской империи". В историографии принято считать этот вопрос наруше-

нием международного права; утверждается, что этот договор связывал лишь две державы и не был обязателен для всех прочих государств. Но, вероятно, следует учитывать, что Проливы для Османской империи были частью внутреннего моря. Во всяком случае, этот договор фактически определял статус Проливов вплоть до Лондонской конвенции 1841 г.

Тем временем после сравнительно продолжительной мирной передышки возобновились военные действия в Сербии. Этот период характеризуется дальнейшей интернационализацией сербского вопроса. Потеряв уверенность в помощи России, повстанцы обращаются за помощью против военного разгрома и карательных акций к Австрии и Франции. Но великие державы Западной Европы не были заинтересованы в возможном создании на Балканах нового государственного образования, которое в силу религиозной близости к России послужило бы для упрочения ее позиций в Восточном Средиземноморье.

Великобритания тем временем укрепляла свои позиции в Средиземноморье военным путем, постепенно отвоевывая у французов Ионические острова.

Осложнение отношений с Францией заставляло Россию стремиться к ускорению заключения мира с Османской империей. После нескольких побед русских войск под командованием М.И. Кутузова начались мирные переговоры в Шумле, Джурджу и Бехаресте, завершившиеся подписанием 28 мая 1812 года мирного договора между Россией и Высокой Портой.

По этому договору Россия получала Бессарабию.

Согласно статье УШ Сербия получала внутреннюю автономию и обещание полной амнистии участникам восстания.

Однако вскоре правительство султана Махмуда II нарушило взятые на себя обязательства и пользуясь тем, что Россия была занята войной с Наполеоном, начало подготовку к военному разгрому Сербии, что и было совершено в 1813 г.

Россия в это время опять была занята переговорами о заключении системы договоров с Османской империей и Великобританией — по аналогии с договорами 1798—1799 и 1805 годов. В 1814 г. договоры были подготовлены, но и заключение оказалось сорванным возвращением Наполеона с Эльбы и "Ста днями".

Следует особо отметить такое настойчивое стремление России к заключению такой системы договоров. Это могло бы обезопасить южные границы России, обеспечить русскую торговлю в

Черном и Средиземном морях. Стремление к заключению равноправных договоров доказывает, что Россия вовсе не стремилась к разделу владений Османской империи.

Но разгром Наполеона при Ватерлоо и Парижский мир лишили Высокую Порту опоры, которую она надеялась приобрести в возрождавшейся Франции перед лицом назревшей необходимости внутренних преобразований.

Правительством Османской империи была принята решение сосредоточить все силы на преодолении выступлений местных феодалов в Малой Азии и арабских провинциях, в Сербии /Второе сербское восстание 1815 г./, на разграничении с Россией /после Бухарестского мира 1812 г./, на иранской политике /после Гюлистанского мира России и Турции 1813 г./.

Представители Высокой Порты в Вене ожидали, что великие державы, прежде всего Великобритания и Россия, возобновят прежние обязательства по проекту договора 1814 г., но этого не произошло. Высокая Порта присутствовала в Вене в качестве наблюдателя, даже без совещательного голоса, хотя формально, в качестве участника антинаполеоновских коалиций, право на участие в окончательном урегулировании и нее было.

Подводя итоги развития Восточного вопроса в годы наполеоновских войн, можно сделать следующие выводы.

Для Османской империи это был период сложных внутренних и внешних проблем. Махмуд II убедился в ненадежности своих союзников, на последующие годы он стремился урегулировать внутренние вопросы самостоятельно, исподволь готовя новые реформы.

Великобритания получила Ионические острова, наладила тесные связи со многими крупными вассалами Высокой Порты, а главное — сделала серьезный шаг на пути преобразования Средиземного моря в "английское озеро". Благодаря своему выступлению на стороне союзников Австрия смогла значительно расширить свои владения в Далмации и Истре. Франции в ближайшие 15 лет будет не до Балкан.

Россия упрочила свои позиции на побережье Черного моря, после 1815 г. начинается оживленное хозяйственное развитие Новороссийского края. Немало этому способствовало и присоединение Бессарабии.

Петербургский кабинет не будет отказываться и от своей традиционной политики поддержки и покровительства христианским народам Османской империи. 8 статья Бухарестского трактата дала

России право требовать предоставления Сербии автономии, а затем и фактической независимости.

Для народов Балкан, подвластных Высокой Порте, годы наполеоновских войн стали периодом серьезных перемен. Произошла национально-буржуазная революция сербского народа. Восемь лет существования Ионической республики стали возрождением греческого национального государства в новое время. Начинает активно развиваться национальная культура этих народов. До нового подъема национально-освободительного движения на Балканах - Греческой революции - остается всего шесть лет.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(кон. ХУШ - ХІХ век)

Проблема "Юго-Восточная Европа в международных отношениях" по сути своей многокомпонентна. Главное действующее лицо в ней - балканские народы (позднее - государства), переживавшие эпоху своего национального, культурного и государственного возрождения. Последнее предполагало освобождение из-под власти Османской империи, в которую они входили, хотя и с различной степенью зависимости.

Диапазон достижений освободительного движения громаден. В конце ХУШ столетия оно делало первые шаги; освободительная идеология, носителями которой являлись единичные представители интеллектуальной элиты общества, принадлежавшие, как правило, к его социальной верхушке, только оформлялись. За немногими исключениями (самое яркое из них - греческий революционный демократ Ригас Фэрэос) они выступали с умеренных позиций в социальном плане и с реалистических - в оценке возможностей освободительного движения. Из идеологического багажа Французской революции отбирались те ценности, которые могли сослужить службу национальному освобождению (суверенитет нации, просвещение, осуждение деспотизма - причем подразумевался деспотизм Османской империи, а также признание частной собственности священной и неприкосновенной). Во внешнем плане проводилась ориентация на поддержку двух империй, Российской и Австрийской. В 1790 г. балканский курс последней претерпел крутое изменение: она вышла из совместной с Россией войны против Османской империи. Венский двор решил, что Россия превращается в опасного соперника по влиянию на Балканах. С тех пор одна лишь Российская империя проявляла интерес к подрыву турецкого господства на Юго-Восточной Европе и склонность к поддержке здесь освободительного движения.

Первое сербское восстание (1804-1813 гг.) знаменовало новый этап в развитии освободительного движения. Оно выступило не как

вспомогательная сила в конфликте между державами, а как самостоятельная величина, имевшая общевосточное значение. Освободительное движение превратилось в субъект международных отношений на Юго-Востоке Европы.

Греческая революция 20-х годов XIX столетия стала событием европейского масштаба. Впервые балканцы стали инициаторами и основным компонентом Восточного кризиса. С тех пор роль балканского компонента возрастала, и он достиг пика во время Восточного кризиса 1875-79 гг., ознаменовавшегося боснийско-герцеговинским и Апрельским 1876 г. восстанием в Болгарии.

Но было бы столь же односторонне и ошибочно преувеличивать потенции освободительного движения в регионе, как и умалять его роль. Истина заключается в том, что вплоть до конца столетия оно, — даже объединенными балканскими силами, — было не в состоянии одолеть османов. К моменту русско-турецкой войны 1828-1829 гг. греческая революция переживала полосу тяжелых неудач. Апрельское 1876 г. восстание в Болгарии завершилось его поражением. Тогда же сербско-турецкая война принесла победу Высокой Порте. Схватка один на один с Турцией, на которую Греция решилась в 1897 г., обернулась ее стремительным разгромом. Внутрибалканских сил, даже объединенных, не хватало для достижения цели на протяжении всего XIX века. Они нуждались в поддержке мощного внебалканского фактора для постепенного продвижения к независимости. Таким фактором реально могла быть только вооруженная поддержка русской армии, осуществленная в ходе четырех русско-турецких войн, из которых три (1806-1812, 1828-1829, 1877-1878 гг.) были удачными и ознаменовались серьезным укреплением государственно-правового положения балканских народов.

В 1912 г. объединенные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Греции достигли быстрого и решительного успеха над Турцией в ходе первой балканской войны. Это было итогом развития не только освободительного движения, но и других компонентов международных отношений в регионе.

Второй компонент проблемы — Высокая Порта, вступившая в XVIII в. в полосу упадка. Освободительная борьба подвластных народов ставила перед нею вопрос об ином, помимо янычарски-насильственном, способе сохранения своих юго-восточно-европейских владений. Попытка турецких реформаторов разных поколений во главе с

Решидом-пашой и Мидхатом-пашой преобразовать феодальную империю в государство современного типа, приемлемое для всех проживавших в нем народов, успехом не увенчалась. Деятели национального движения решительно отвергли идею единой для всех османской родины. Они не желали превращаться в "османов" в продолжавшем оставаться отсталым государстве с господствующим положением исламского элемента и мусульманской правящей верхушкой. Однако определенную выгоду от реформ в Османской державе они извлекли; социально-экономическое, культурное и политическое развитие христианских районов Балкан шло опережающими по сравнению с этнически-турецкими областями темпами. Высокая Порта, ослабленная войнами с Россией, борьбой с освободительными движениями и подавлением сепаратистских выступлений вассалов, искала выход в обращении за помощью к державам; наибольшую склонность к покровительству и поддержке проявляли Великобритания и Австрия (временами - Франция).

В определенной степени эта политика способствовала сохранению власти Высокой Порты на Балканах. Но следует видеть и ее черную, отрицательную сторону. Так, "друзья" не останавливались перед захватом, под различными предлогами, территорий, входивших в Османскую империю (Алжир, Аден, о-в Кипр, Босния и Герцеговина). Экономическая помощь обернулась неравным партнерством и, в конечном счете, низведением Турции до роли сырьевого придатка западных государств. Заключив в 1838 г. торговую конвенцию с Великобританией, в 1876 г. Турция объявила частичное государственное банкротство, будучи не в силах выплачивать внешние долги. В 1881 г. было учреждено Управление оттоманского государственного долга, установлен иностранный контроль над финансами, а стало быть, и над всей экономической жизнью Турции. В объятиях "покровителей" держава султана рассталась с важными атрибутами государственной самостоятельности, утратила возможность без вмешательства извне определять основы внутри и внешнеполитического курса.

Третий компонент проблемы - соперничество держав на Балканах, - хронологически даже предшествовал решающей стадии выступления балканских народов, падающей на 20 - 70-е гг. XIX столетия. Сотрудничество и соперничество держав пришло из средневековья, со времен войн Священной лиги против османского нашествия. В XVII веке Османская держава перешла к обороне, а главной наступав-

ющей стороной стала Россия, пробивавшая выход к Черному морю, что дало бы стимул хозяйственному освоению обширных южноукраинских степей. Собственно на Балканы русская армия пришла лишь в ходе войны 1768–1774 гг., и это привело к перестановке сил великих держав в общеевропейском масштабе.

Непримиримым противником российского самодержавия на Балканах стал лондонский кабинет. Его политический курс воплотился в формуле поддержания статус кво, сохранения в целостности и сохранности владений султанской державы в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке, которая рассматривалась как страж Черноморских проливов и охранительница британских имперских путей в Средиземном море.

Противницей России на Балканах являлась и австрийская монархия, сама претендовавшая на первую роль в регионе. Однако реакционная солидарность австрийского и русского дворов, нашедшая воплощение в Священном союзе и сменивших его реакционных комбинациях, заставляла Вену маневрировать и в определенные периоды сотрудничать с Петербургом на Балканах.

В западноевропейской исторической литературе принято изображать курс царского правительства как прямолинейно и permanently агрессивный, а в качестве цели ему приписывалось намерение захватить Константинополь и Проливы. Действительность выглядит гораздо сложнее. В российском министерстве иностранных дел встречались экстремисты, мечтавшие о Проливах (К.О.Поццо-ди-Борго, братья Шуваловы, П.А.Сабуров). Много писали о водружении креста на Святую Софию славянофилы. Но никогда в XVIII–XIX веках захват Проливов не фигурировал в программных документах в качестве политической цели дипломатических акций или войн. Существовало ясное понимание того, что это приведет к созданию широкой антирусской военной коалиции.

Барбара Елавич справедливо указывает: "Россия никогда не была в состоянии справиться с подобной угрозой, и ее государственные мужи полностью сознавали этот факт"¹. Практической целью являлось создание благоприятного для России режима проливов. Более того, переживавшее кризис самодержавие оказалось не в состоянии защитить государственные интересы России, подписав в 1841 г. крайне неблагоприятную Лондонскую конвенцию о Проливах, запрещающую проход через них военных кораблей. Русский флот был заперт

в Черном море, британский невозбранно господствовал в Средиземном, и, как показала Крымская война, в кризисных ситуациях получил возможность нападать на российское побережье.

Столкновение с Турцией ставило перед российским правительством вопрос о судьбе ее балканских владений. Следует учитывать наличие древних и прочных культурных связей между народами России и Балкан, где проживала масса этнически и языково-родственного славянского населения, откуда пришла письменность и православная религия, игравшие роль сближающего фактора. Бесспорен факт, что в своей трудной борьбе за свободу балканцы получали помощь только со стороны России. История свидетельствует, как говорилось выше, что вплоть до конца XIX в. балканские народы и государства терпели поражения в столкновении с Османской империей без мощной поддержки извне. Объективно ослабление Высокой Порты в итоге русско-турецких войн положительно сказывалось на разворачивании освободительного движения в регионе. К сотрудничеству с этим движением толкала правящие круги России общественность; это влияние проявилось особо остро в годы Восточного кризиса 1875-1878 гг., когда мощной волной по нашей стране разлилось движение солидарности.

Царское правительство в своей балканской политике руководствовалось экспансионистскими соображениями. Однако от планов прямого подчинения (вроде создания Греческой империи под скипетром отпрыска дома Романовых, что предусматривалось т.н. греческим проектом Екатерины II) отказались уже в начале XIX в. в пользу создания ряда национальных государств, что являлось шагом в процессе отпадения балканских владений от Османской империи и возрождения их государственности. Перед войной 1828-1829 гг. эта позиция трижды фиксировалась в международных актах: Петербургском протоколе от 4 апреля 1826 г., англо-русско-французской конвенции 1827 г., т.н. протоколе о бескорыстии того же года, наконец, в манифесте о войне. Российская дипломатия усвоила даже некоторые демагогические приемы на тему своего бессребреничества. Что стоили, например, декларации вице-канцлера К.В.Нессельроде в 1826 г., будто Россия "жертвует собственными интересами ради общих, она доказывает, что ее политика в отношении Греции исключает ныне всякие подозрения"², и вообще она, Россия, выступает как паладин европейской цивилизации. А замышля-

лось при этом установление политического преобладания самодержавия на Балканах и Ближнем Востоке. Субъективным стремлением царизма являлось подчинение вновь созданных правительств своей воле. История с редкой последовательностью играла злую шутку с этими планами; восстановившие или укрепившие с помощью России свою государственность Греция, Дунайские княжества, Сербия, Болгария сближались с более передовыми западными странами, влияние в них самодержавия не увеличивалось, а падало.

Осознание этого обстоятельства и постоянное опасение столкнуться с общеевропейской коалицией, подобной той, что выступила против России в Крымскую войну, вело к тому, что правящие петербургские сферы далеко не последовательно проводили курс на противоборство с Османской империей (политика "слабого соседа" в 30 - 50-е гг. XIX в.).

В зарубежной, да и порой и в советской историографии последняя рассматривается как разновидность курса на поддержание статус-кво. Российские правители пришли к выводу о преимуществах иметь на границах деградирующее государство, в котором, по их расчетам (обернувшись просчетами) можно будет хозяйничать. Мы не разделяем подобной точки зрения: доктрина статус-кво подразумевала активную дипломатическую, политическую, а в кризисных ситуациях (Крымская война) - военную поддержку Турции; политика "слабого соседа" являлась конъюнктурным тактическим шагом в предвидении распада Османской империи - в чем был уверен царь Николай I, ^{который} пытался договориться о судьбе ее владений (переговоры в Мюнхене в 1833 г., в Лондоне в 1844 г., в Петербурге в 1853 г.). Постоянным было стремление к компромиссу с западными державами.

Однако стереотип политического мышления был так велик, что в умах государственных деятелей Запада перспектива установления в Юго-Восточной Европе преобладающего влияния самодержавия представлялась реальной. То же самое относится к широкой европейской общественности. Отдельные проявления симпатий к национально-освободительному движению балканских народов (например, к Апрельскому 1876 г. восстанию в Болгарии) сводились на нет опасением т.н. "русской угрозы". Реальное воздействие западноевропейской общественности (в отличие от русской) на ход событий в регионе невелико (за исключением движения филэллинов в 1821-1829 гг.).

Подводя баланс проблеме Россия и Балканы, советская историческая наука пришла к выводу, что, несмотря на реакционные за-

мысли самодержавия, Россия сыграла объективно прогрессивную роль в процессе их освобождения. И еще одно замечание: никогда, ни на одном этапе отношений между Россией и Османской империей не ставился вопрос о посягательстве на этнически турецкие территории или о попытке добиться в Турции экономического преобладания. Политика же поддержки статус кво не только пагубно влияла на освободительные процессы в Юго-Восточной Европе, но и обернулась экономическим и политическим подчинением Османской империи западным державам.

Анализ международных отношений в Юго-Восточной Европе будет неполным без характеристики межбалканских отношений. Прогрессивные силы здесь стремились к сотрудничеству в освободительной борьбе, что нашло отражение в различных планах их объединения. Однако по мере укрепления национальной государственности во главе с местной буржуазией все активнее проявляются великодержавные тенденции, тяга к преобладанию на полуострове и стремление добиться этого с помощью той или иной империалистической державы или группировки. С этой тенденцией связано и превращение Балкан в "пороховую бочку Европы".

Мы не разделяем тезиса, высказываемого в многих западных трудах, согласно которому великие державы — Россия, Австрия, Франция, Британия, — играли решающую роль в судьбе балканских народов.

Инициаторами двух великих кризисов XIX столетия в 20-е и 70-е годы выступили греки и южные славяне. Бесспорно, что вмешавшиеся дворы попытались обратить себе на пользу нараставшие катаклизмы. Но сказать, что они продиктовали балканцам свою волю, все же нельзя. Они должны были считаться с требованиями национального движения. Так, в основу греческого урегулирования были положены ^{пожелания,} высказанные его лидерами при встрече с британским послом в Константинополе Ч. Стрэтфордом и зафиксированные, почти дословно, в англо-русском протоколе от 4 апреля 1826 г. Берлинский конгресс 1878 г. жестоко урезал результаты освободительных восстаний 1875-1878 гг. и русско-турецкой войны. Но все же свести их на нет сторонники сохранения статус кво не смогли. Какой из западных кабинетов помышлял до Восточного кризиса о независимости Сербии, Черногории, Румынии? О возрождении болгарской государственности? Этого и во сне не снилось "победителям" на

конгрессе, двум графам - Б. Дизраэли и Д. Андраши, - и одному маркизу Р. Солсбери.

История Балкан, в том числе и международных отношений в регионе, принадлежит народам, его населяющим. Они - ее творцы.

---

¹ Jelavich E. Century of Russian Foreign Policy, Philadelphia-New-York, 1984, p. 57

² АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6959, л. 223

ВЕНГРЫ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В 1848 г.

Революция 1848 г. всколыхнула всю Европу. Это, пожалуй, единственная буржуазная революция, которая одновременно охватила ряд стран: Францию, Бельгию, Австрию, Италию, Германию. Во всех них она ставила различные задачи. Если во Франции, где уже был установлен буржуазный строй, революция ставила перед собой задачи дальнейшей демократизации страны, прежде всего политической системы — провозглашение республики, введение всеобщего избирательного права и т. д., то перед странами Центральной Европы стояли несколько другие задачи. В них еще существовали феодальные отношения и, как правило, абсолютистские монархические режимы. Уничтожение феодальной системы было одним из главных требований восставшего народа этих стран. Вторым, не менее важным требованием революционеров, являлось требование национального равноправия и установления объединенных по национальному признаку государственных формирований. Немецкие революционеры боролись за установление единой Германии, объединявшей все немецкие земли, итальянские революционеры — за единую Италию, польские — за воссоединение польских земель и т. д.

В Австрийской монархии национальный вопрос также был одним из коренных вопросов революции. Австро-немецкие революционеры и либералы выступали за уничтожение Австрийской монархии и включение коронных земель Габсбургов (в которых кроме немцев жили чехи, словенцы) в состав Объединенной Германии; венгры также желали создать свое государство на базе земель короны св. Стефана, куда входили и земли, населенные румынами, словаками, сербами, хорватами. Национальные программы венгерских и австро-немецких революционеров ни в коей мере не устраивали чешских, словацких, словенских, сербских, хорватских и румынских национальных деятелей, которые также выдвинули программы объединения своих национальных территорий. Однако славянские национальные деятели в то время еще не претендовали на самостоятельные государственные образования. Это объяснялось и сравнительной слабостью нацио-

нальных движений этих народов, и боязнь, что маленькие славянские государства не в состоянии будут противостоять таким могущественным соседним державам как Россия и будущая объединенная Германия. Единственное спасение славянские народы видели в создании федерации, включающей в себя автономные национальные образования, полностью равноправные между собой. Так возник австро-славизм — программа превращения Австрии в федерацию равноправных народов.

Уже в марте 1848 г. революционное движение распространилось по всем землям габсбургской монархии. Повсюду проводились собрания, на которых принимались демократические требования. В этом отношении не отставали и земли короны св. Стефана. В Венгрии государственное собрание приняло демократические законы, выражавшие чаяния широких народных масс: свобода печати, равенство граждан перед законом независимо от происхождения и вероисповедания, всеобщее налогообложение, ответственное правительство в Будапеште, безвозмездная ликвидация церковной десятины, отмена феодальных повинностей. Эти решения были с восторгом приняты как сербскими, так и хорватскими национальными деятелями либерального направления. Так 22 марта в Загребе произошло заседание деятелей хорватского национального движения, на котором была принята декларация "Народные требования". Исследовав их, хорватский историк Шидак пришел к выводу, что они являются полным повторением тех требований, которые мадьярские радикалы сформулировали 15 марта¹. "Народные требования" были приняты 25 марта хорватским народным собранием. В марте же Нови Сад и ряд других городов Воеводины составили петиции венгерскому собранию, в которых также повторялись общедемократические, антифеодальные требования, принятые венграми.

Таким образом сербы и хорваты совместно с венграми выступали за ликвидацию феодальных повинностей и демократизацию общественного строя в австрийской монархии. На этой почве между ними не возникло противоречий.

Однако наряду с социально-политическими требованиями сербские и хорватские национальные деятели выдвинули и национальные программы. Им они придавали очень большое значение. 27 марта сербская делегация, состоявшая из либеральных деятелей Д. Стратимировича, А. Костица, М. Полита прибыла в Пожунь (ныне Братислава), где заседало в то время венгерское государственное собрание.

Они передали ему петицию города Нови Сада, в которой, в частности, говорилось, что сербский народ "в своем одушевлении выражает самую горячую приверженность к отечеству, братскому согласию и к самому тесному союзу с милыми соотечественниками, дорогими братьями венграми... и добровольно признают первенство и господство венгерского языка и народа во всех общегосударственных делах". Вместе с тем сербы требовали признания их нации и разрешения свободного употребления их языка в школе, учреждениях, церкви. Все национальные учреждения должны будут управляться сербским сабором². Как можно видеть, национальные требования сербов были весьма умеренны. Однако в личной беседе с делегатами сербов Кошут решительно их отверг, заявив, что нацией в Венгрии могут быть только венгры. Когда Стратимирович пригрозил, что в случае отказа сербы будут искать своих прав в другом месте, венгерский вождь ответил, что их спор рассудит оружие³. Эти слова Кошута исполнились через месяц. В конце апреля сербское население маленького городка Велика Кикинда восстало против городских властей. Повстанцы разгромили магистрат, дома некоторых богатых граждан, убили двух чиновников, сербов по национальности, выпустили из тюрьмы заключенных. Восстание было подавлено венгерскими войсками⁴.

Хорваты также выдвинули свою национальную программу, первым пунктом которой было создание в пределах Венгрии Триединого королевства, включавшего Хорватию, Славонию, Далмацию. 22 марта Кошут признал за хорватами право пользоваться нац. языком. Однако Славония и Приморье оставались частью Венгрии и нац. права, даваемые Хорватии, не распространялись на них. Первые столкновения между хорватами и венграми произошли в середине апреля, когда пештское правительство потребовало, чтобы Й. Елачич, избранный хорватским баном, приехал в Пешт принять присягу. Елачич отказался сделать это. Наоборот 19 апреля он издал циркуляр, запрещающий хорватам до созыва сабора подчиняться венгерским властям. Одновременно Хорватия и Славония перестали платить налоги в венгерскую казну. Однако австрийское правительство встало на сторону венгров. 7 мая император потребовал от Елачича безоговорочного подчинения венгерскому правительству, а 11 мая венгерский папалтин аннулировал все распоряжения Елачича и назначил комиссаром Хорватии, Славонии и Военной Границы гене-

рала Храбовского⁵.

Таким образом, уже в мае 1848 г. отношения между венгерским правительством, с одной стороны, и сербами и хорватами с другой, близки были к разрыву. Угроза со стороны венгров заставила сплотиться все национальные силы сербов и хорватов: либералов, консерваторов, крестьян. Это особо четко проявилось на сербской скупщине в Сремских Карловцах, которая происходила 13-15 мая. На ней либералы и консерваторы выступили единым фронтом. Скупщина избрала сербского воеводу, провозгласила митрополита Й.Раячича патриархом, объявила сербский народ политически свободным. В решении скупщины указывалось о создании автономной Воеводины в союзе с Триединым королевством, но одновременно добавлялось, что она должна находиться в составе Венгерского королевства под властью правящего австрийского дома. Сербские национальные деятели снова протягивали руку венграм, желая придти с ними к соглашению. В ответ пештское правительство объявило сербскую скупщину незаконной, а 10 июня венгры начали военные действия против сербов. Никаких переговоров с сербами венгерские власти не желали вести⁶.

Хорватский сабор открылся 5 июня. На нем Елачич был торжественно возведен в должность бана и провозглашен главнокомандующим хорватскими войсками. Сабор объявил о создании Триединого королевства в союзе с Воеводиной и словенскими землями. Это объединение должно было войти в Австрийскую империю, реорганизованную на принципах федализма. В ответ на это глава венгерского правительства граф Баттяни добился 10 июня от императора подписания манифеста о смещении Елачича с поста бана и лишения его военных чинов. Еще через месяц, 6 июля, королевский комиссар в Хорватии, Славонии и Военной Границе Я.Храбовский получил приказ отстранить Елачича от всех дел и созвать "законный" сабор. 4 июля - вновь вспыхнули бои в Воеводине⁷.

Если венгры вообще не желали разговаривать с сербами, то с хорватами они пытались достичь соглашения. 7 июля хорватский сабор принял условия, на которых могло быть заключено соглашение с пештским правительством. Помимо прав для Триединого королевства хорваты требовали автономии Воеводины, которая будет соединена с Триединым королевством и словенскими землями. Именно эти условия и отстаивал Елачич в переговорах с венграми в 20-ых

числах июня. Идя на предоставление некоторых прав хорватам, венгры решительно отказывались дать их сербам. Елачич, строго следуя наказам сабора, отказался принять условия венгерской стороны и прервал переговоры. Правое крыло хорватского национального движения (барон Кульмер, Ожевич) стояла за заключение соглашения с венграми, на тех условиях, которые они предлагали. Но все хорватские либералы решительно поддерживали поступок Елачича. В либеральном "Славянском юге" в конце августа – начале сентября появилось несколько статей, восхвалявших бана. В них говорилось о Елачиче как о сыне революции и человеке прогресса, истинном патриоте, который "станет щитом и спасителем западного славянства". И.Кукульевич, один из лидеров либералов, писал, что Елачич – за династию, если она признает преимущественное положение славян в Австрии, что бан – за единство государства, если оно обеспечивает равноправие и свободу всех народов, а правительство откажется от немецкого союза⁸.

Итак, к осени 1848 г. положение складывалось следующим образом: австрийское правительство поддерживало венгров в их борьбе против хорватов и сербов. Венгры не шли последним на уступки. Все сербское общество было втянуто в военные столкновения с венграми, желавшими задуть сербское национальное движение. Что касается хорватских национальных деятелей, то либералы и Елачич решительно выступали против мира на условиях, предложенных пештским правительством, а консерваторы считали необходимым заключить с ним соглашение.

Только в конце сентября, когда венгры окончательно порвали с центральной властью, стал складываться союз монархии и южнославянских национальных движений. Но и далее сербские и хорватские национальные деятели предпринимали попытки наладить отношения с венгерскими революционерами. В ноябре 1848 г. безрезультатные разговоры с Кошутом вел Раячич, в марте и июне 1849 г. польские эмигранты пытались выступить посредниками между пештским правительством и сербами. Ответ венгров был однозначен – никаких уступок сербам в национальном вопросе. Хорватские левые либералы, группировавшиеся вокруг газеты "Славенски юг", после принятия Октроированной конституции также стремились договориться с венгерским правительством. В частности редактор "Славенского юга" Д.Кушлан в конце мая 1849 г. встретился в Белграде с

Дьюлой Андраши. Кушлан обещал, что хорваты выступят на стороне венгров, если последние признают их национальную программу. Переговоры закончились ничем. А 10 июня глава венгерского правительства Баттани в согласии с Кошутом отправил инструкцию командирам пограничных отрядов, в которой говорилось, что основой национальной политики правительства являются единство Венгрии и признание венгерского языка государственным⁹.

Для сербских и хорватских национальных деятелей решение национального вопроса было главным. Да и в Австрийской империи после принятия рейхстагом 7 сентября 1848 г. закона о ликвидации феодальных повинностей национальный вопрос вышел на первый план, именно вокруг него началась ожесточенная борьба. Для австро-немцев и венгров решение его было связано с разрушением Габсбургской монархии. Они упрекали сербов и хорватов за их вынужденный союз с Габсбургами, за то, что национальные права они ставят выше свободы. Сербские и хорватские национальные деятели отвечали им в прессе весьма обоснованно. Светозар Милетич, стоявший на левом фланге сербского национального движения, выступил 7 декабря 1848 г. в газете "Напредак" со статьей "Характер движения в Австрии". Немецкие и венгерские демократы, отмечал он, чернят славян за то, что они больше ценят национальность, чем свободу. "Я спрашиваю их, — продолжал Милетич, — а какова та свобода, которую требуют немцы, стремясь к единой свободной Германии, итальянцы — к единой и свободной Италии, поляки — к единой и свободной Польше?... Разве они не могли бы пользоваться гражданской свободой в существующем государстве? И почему нет? Потому что они хотят быть свободными не только как отдельные люди и граждане, но и как нация"¹⁰. Еще более четко определила свою позицию хорватская газета "Славенски юг". 9 января 1849 г. она писала: "Мы... вновь повторяем, что нам свобода так же дорога, как и национальность, что только в крайнем случае, если бы нам пришлось выбирать между первой и второй, мы предпочли бы пожертвовать и свободой ради национальности, зная, что национальность обеспечит нам и свободу; но в любом другом случае мы будем бороться за ту и другую с тем же самым жаром нашего сердца и одинаковым напряжением всех наших сил"¹¹.

Такова схематично картина развития национальной борьбы в землях короны св. Стефана в период революции 1848—49 гг. Как же

рассматривались эти события в марксистской историографии?

К.Маркс и Ф.Энгельс в серии своих публицистических статей оценивали движение южных славян Австрийской империи в 1848—49 годах как контрреволюционные из-за их борьбы против венгров. Помимо прочего, на их оценку повлияла гегелевская концепция, по которой все народы делились на исторические и неисторические, на реакционные и прогрессивные. Хорваты и сербы по этой шкале относились классиками научного социализма к неисторическим народам.

Так или иначе этой концепции придерживались историки-марксисты Югославии, Советского Союза, Венгрии.

Празднование столетнего юбилея революции 1848 г. дало толчок ее документальному исследованию. В Югославии Р.Перович издал сборник материалов о сербском движении в Воеводине в марте-июне 1848 г. В большой вступительной статье он выделил три фазы его развития. Первые две, охватывающие период от марта до конца сентября 1848 г., он считает прогрессивными, последнюю — с конца сентября 1848 г. до начала 1849 г. — объективно контрреволюционной¹². Из работ советских историков, посвященных этой теме, особый интерес представляет статья С.А.Никитина "К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г." В ней он показал развитие революционных событий в сербских областях Габсбургской монархии, подчеркнул классовую неоднородность сербского национального движения, националистическую позицию венгров по отношению к нему. Но вывод был прежним: сербское национальное движение в 1848 г. сыграло реакционную роль¹³. Наконец, в "Истории сербского народа", где соответствующий раздел написан С.Гавриловичем, дается богатый материал по национальному движению сербов, истории их столкновений с венграми в годы революции. Но и Гаврилович пишет о включении сербов в общий поток контрреволюции с конца августа 1848 г.¹⁴ Положение в историографии по хорватскому национальному движению в 1848—49 гг. несколько лучше. Если книга советского историка И.И.Лещиловской "Общественно-политическая борьба в Хорватии 1848—1849 гг." написана в традиционной манере¹⁵, то работа хорватского историка Я.Шидака "Исследования по хорватской истории во время революции 1848—49 гг." отходит от заданного канона. Шидак пишет о попытках хорватов весной 1849 г. пойти на соглашение с венграми, если они гарантируют их

права, о сложности взглядов самого Елачича, который при всей своей верности династии оставался сторонником австрославизма. Он даже считал, что в случае развала Габсбургской монархии (которого он не желал) необходимо создать южнославянское государство¹⁶.

Серьезное исследование революции 1848 г. дается в обобщающем труде "Освободительные движения народов Австрийской империи". Несомненно, книга делает шаг вперед в изучении интересующей нас проблематики. Но и ее авторы идут по проторенному пути. Революционная Венгрия снова стоит вне критики, за борьбу против Вены ей прощается все. Она — центр революции, и тот, кто выступает против нее даже и по ее вине, автоматически скатывается в лагерь реакции¹⁷.

Можно ли считать верной подобную трактовку югославянского национального движения? Нам кажется, что нельзя, если мы не хотим утверждать, что задачей революции в Австрийской империи было решение национального вопроса только для "исторических" народов, таких как немцы, венгры, поляки, итальянцы. Именно так понимали это венгерские (и многие немецкие) революционеры, которые полагали, что революция должна дать национальные права им, но не таким "неисторическим" народам, как словаки, словенцы, сербы, румыны и др.

Сама борьба венгров против Габсбургов особенно с осени 1848 г. носила национальный, а не социальный характер. Выступая против австрийского правительства за свои национальные права венгры вели справедливую войну. Не желая признавать права сербов и хорватов и подавляя их в вооруженной борьбе, венгры проявляли себя как контрреволюционная сила, поскольку именно они разрушили единый фронт народов Австрийской монархии против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение. Именно национализм прежде всего венгерских революционеров привел к тому, что второй коренной вопрос революции 1848 г. в Австрии — национальный — не был ею решен.

1. Ѕидак Ј. Studije iz Hrvatske povijesti za revolucije 1848-49. Zagreb, 1979, s. 44-56.

2. Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-1849, март-јуни 1848, Београд, 1952, с. 45-47.

3. Тот З.И. Кошут и национални вопрос в 1848-1849 гг. Будапешт,

1954, с.7, 8.

4. Перовић Р. О српском покрету у Војводини 1848-1849. - Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-49, с.ХХУП.
5. Лешиловская И.И. Обществено-политическая борьба в Хорватии 1848-1849 гг. М., 1977, с.125, 130, 131.
6. Перовић Р. О српском покрету..., с.ХІІІ.
7. Šidak J. Studije iz Hrvatske povijesti..., с.198,204,205
8. Там же, с.221, 226, 229-232.
9. Там же, с.316, 317.
10. Перовић Р. О српском покрету..., с.ХІ
11. Лешиловская И.И. Обществено-политическая борьба..., с.64.
12. Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848-1849.
13. Никитин С.А. К вопросу о политическом движении сербов Воеводини в 1848-г. - Ученые записки Института славяноведения, т.І. М.-Л., 1949.
14. Историја српског народа, кн.У, т.П. Београд, 1981.
15. Лешиловская И.И. Обществено-политическая борьба в Хорватии 1848-1849 гг.
16. Šidak J. Studije iz Hrvatske poviesti za revolucije 1848-49.
17. Освободительные движения народов Австрийской империи, т.І. М., 1980.

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ОЦЕНКЕ
РУССКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 70-Х ГОДОВ XIX В.

Политика великих держав на Балканах в 70-е годы, в период усиления национально-освободительной борьбы балканских народов, освещалась в советской историографии¹, но такой аспект, как отношение общественного мнения к действиям дипломатии, изучен далеко не полностью². В этой связи представляет интерес позиция демократических кругов России (отчетливо проявившаяся в их легальных демократических изданиях) по отношению к официальной политике царизма и правительств западных стран в восточном вопросе³. Демократические журналы - "Отечественные записки", "Дело", "Слово" - отражали сочетание взглядов шестидесятников и активного народничества 70-х годов. Эти органы печати, не имевшие своих корреспондентов на Балканах, обращались к сообщениям зарубежной прессы и отечественных изданий, однако подходили к этим сведениям критически, используя лишь как фактический материал для подтверждения собственной концепции. Недостаточная осведомленность в вопросах внешней политики отчасти влияла на полноту изложения и интерпретацию событий. Цензурные ограничения вынуждали порой на недомолвки. Степень подробности освещения событий на Балканах и связанных с ними дипломатических действий была в ежемесячных журналах меньше, чем в ежедневных газетах: они ставили перед собой задачу не столько информации, сколько осмысления фактов, выявления ведущих тенденций в исторических событиях⁴.

Отношение русских демократических кругов к внешнеполитическим проблемам, являясь частью демократической идеологии, было тесно связано с проблемами социально-экономического и политического развития страны, определялось искренним сочувствием борьбе балканских народов против османского владычества, стремлением увязать задачи национально-освободительной борьбы с первоочередным решением социального вопроса. Веря в решительные социально-экономические преобразования в будущих балканских государствах,

представители демократического лагеря никогда не возлагали надежд на реформы Порты⁵. В отношениях между народами они исходили из признания права каждой нации на независимость и невмешательство во внутренние дела. Один из ведущих публицистов "Отечественных записок" Г.З.Елисеев решительно заявлял, что Европа не имеет права вмешиваться во внутренние дела Османской империи, как бы они ни разрешились. Он верил, что славяне сами в силах "справиться с султаном", но считал, что в случае необходимости Россия может оказать им военную помощь (ОЗ, I876, 6, 369, 376).

Недооценка мощи Турции и преувеличение сил славян и России, особенно в начале балканского кризиса, нередко встречались в русской печати, в том числе и в демократических изданиях. Считалось, писал М.А.Антонович, что все подвластные Турции народы должны дружно подняться и сбросить ненавистное иго. Указывая на опасность такого "ослепления", журнал "Слово" объяснял, что причины "сложившегося убеждения о крайней слабости Турции как государства и полной деморализации турок как народа" коренятся в "полном незнании страны и ее обитателей" (Сл, I878, 3, 78; I, 82).

Для демократических воззрений на международные отношения было весьма характерно понимание связи официальной внешней политики с выгодами, получаемыми от этой политики господствующими классами (а не всей нацией). Характер внешнеполитических интересов и дипломатических действий Англии и других держав "определяется современным экономическим и политическим строем страны, во главе которого рядом с поземельной аристократией стоит могущественный средний класс, привыкший отождествлять свои интересы с интересами целого народа" (ОЗ, I877, 7, 4I). "Слово" резюмировало, что справедливого решения восточного вопроса не будет до тех пор, пока "интересы правительств будут идти впереди интересов народных" (Сл, I878, 8, 83).

Демократическая печать всегда подчеркивала "своекорыстие европейской политики" в восточном вопросе, основанное на выгодах эксплуатации Турции (Д, I872, 2, 54). Наиболее характерно это было для Великобритании. Известный экономист, профессор Московского университета, сторонник теории "государственного социализма" И.И.Янжул поместил в "Слове" статью "Британские интересы на Востоке", в которой проследил нарастание за период с начала XIX в. экономической зависимости Турции от Англии, торговля которой "искала себе выхода и новых рынков". Приводя данные о росте английского экспорта в Турцию и ее большом долге Великобритании,

он заострял внимание на экономической подоплеке заинтересованности последней в сохранении целостности Османской империи. Автор, впадая в известную односторонность, полагал, что именно в экономической сфере, в расширении рынков для промышленности и торговли, лежат подлинные интересы Англии на Балканах. Политические перемены в этом регионе могут лишить английскую промышленность монопольного положения в османских владениях. Поэтому понятны "опасения Англии за создание самостоятельного славянского государства под влиянием России". В статье подчеркивалось, что британские интересы на Балканах "эгоистичны", основаны на угнетении и эксплуатации и "не солидарны" с интересами живущих там народов (Сл, 1878, 5, 36-40).

В "Деле" отмечалась зависимость изменений в политике от влияния социально-экономических условий в стране и положения "руководящих классов", которые, как например в Англии, учитывая возможность скорого распада Османской империи, начали переориентироваться на славянские страны. В качестве примера такого поворота в сознании приводилась позиция известного политического деятеля либерала В.Гладстона, выступившего с критикой правительственной политики и предложившего введение административной автономии в Болгарии, Боснии и Герцеговине при сохранении целостности турецких владений (Д, 1876, I, 120; II, 397-398; ОЗ, 1876, 9, 92)⁶. Как полагало "Дело", Англия вряд ли будет практически защищать неприкосновенность османских территорий, хотя в то же время с недоверием смотрит "на возрождение новых наций на пепелище Турции". Британская позиция такова, что кто бы ни победил на Балканах, Англия должна быть в выигрыше (Д, 1876, 7, 164, 165, 169; 1878, 4, 355).

Представители российской демократии разграничивали официальные внешнеполитические курсы великих держав и общественное мнение относительно восточного вопроса. "Отечественные записки" писали о сочувственном отношении населения Европы к восставшим в Боснии и Герцеговине (ОЗ, 1875, II, 123). "Дело" сообщало, что французское общество возмущено насилием турок на Балканах и верит в окончательную победу славян, а "вся демократическая партия с первого же дня борьбы высказалась за независимость Боснии и Герцеговины, и Болгарии, и всех тех провинций турецкого государства, которые пожелали бы приобрести независимость". Дж.Гарибальди, В.Гюго и другие "лучшие люди Европы" подняли голос в защиту угнетенных народов. Журнал добавлял, что и в Англии движение в пользу славян "делается национальным, глубоко отозвавшимся во

всех слоев общества", но особенно подчеркивались симпатии к славянским борцам в среде "рабочих масс, сердцу которых более доступны чужие страдания" (Д, 1876, 9, 58, 126-127, 143; II, 396). (Это было правильной оценкой настроений 1876 г.). А всего год назад "Отечественные записки" писали: "Враждебная славянам туркофильская печать Западной Европы указывает на южных славян, как на недостойные сочувствия просвещенного мира полудикие племена" (ОЗ, 1875, II, 119). В период русско-турецкой войны "Слово" отмечало, что "все светлые умы и лучшие люди Англии стоят за освобождение славян и сочувствуют делу России" (Сл, 1878, 3, 81)⁷.

Борьба южнославянских народов вызвала большой общественный подъем в России. Г.З.Елисеев предлагал обнародовать по сути демократическую программу отношения России к событиям на Балканах, основанную на следующих принципах: 1) никаких территориальных приобретений⁸; 2) полное освобождение христианских народов Османской империи; 3) поддерживать Порту позорно. Это позволило бы России, полагал автор, укрепить союз со славянами, приобрести поддержку общественного мнения Европы, оказать нравственное давление на европейскую дипломатию и предотвратить войну с Турцией. Если же ее не удастся избежать, писал Елисеев, то "война за освобождение славян от турецкого ига будет в полном смысле народной войной в России" (ОЗ, 1876, 6, 363, 374-376). Справедливая борьба балканских народов оказывала прогрессивное влияние на общественное мнение в европейских странах, а оно, в свою очередь, в той или иной степени отражалось на официальной политике.

Задачу массовой печати демократические публицисты видели в том, чтобы разъяснить официальную политику и общественное мнение разных стран в отношении Балкан, поставив вопрос "на прямую социально-политическую точку зрения" (Д, 1876, 10, 401). Ко многим органам русской печати, выразившим патриотический подъем и сочувствие славянам трескучими фразами, "Отечественные записки" относились с иронией. Вместе с тем журнал отмечал роль периодики в подъеме общественного движения в пользу освобождения славян, подчеркивая "незначительную долю" в нем демократических изданий (ОЗ, 1877, 5, 123).

Демократическая общественность России пристально следила за тем, как разворачивались события на Балканах в 1875-1878 гг. и какова была в связи с ними политика великих держав. Начавшееся в 1875 г. восстание в Боснии и Герцеговине показало непримиримые противоречия в отношениях между южнославянскими народами и Портой

и готовность восставших "сражаться до последней крайности, чтобы завоевать себе независимость или погибнуть". Учитывая это, "Дело" высказывало сомнение в том, что можно "достигнуть мира путем переговоров" (Д, 1876, 4, 137-138). Единственным основанием прочного мира журнал считал независимость славян, напоминая, что европейская дипломатия всячески обходит этот вопрос (Д, 1876, 9, 127). Отмечалось, что "мирное разрешение" балканских событий "делается более и более проблематичным, чтобы не сказать невозможным". Немалую долю ответственности за это журнал возлагал на европейскую дипломатию, которая должна была увидеть в восстании славян "громное внутреннее содержание" и "потушить пожар... удовлетворив требования Боснии и Герцеговины" (Д, 1876, 10, 399-400).

Демократическая печать России немало внимания уделяла позиции Европы в восточном вопросе, соперничеству великих держав, столкновению их "интересов" на Балканах. В "Отечественных записках" Г.З.Елисеев высказывал свое мнение о том, что у России нет "узких эгоистических целей", она не связана экономическими интересами с Балканами, так как ее промышленность не может конкурировать с западноевропейской на балканских рынках (он не учитывал стремления русской буржуазии к расширению торговли в южном направлении) (ОЗ, 1876, 6, 374; 1877, 7, 127). Но он понимал, что Россия заступает за славян не только "по братству, ради чистой идеи", но и "из интересов", которые, как полагал публицист, заключаются не в территориальных приращениях, а в том, что "образование сильного славянского государства" на Балканах (находящегося под влиянием России) увеличит могущество России и ее политический авторитет в Европе (ОЗ, 1876, 6, 364). В то же время отмечалось, что в России много внутренних нерешенных проблем, да и внешняя обстановка не благоприятствует ее вмешательству в конфликт между восставшими и султанским правительством. Этим готовы воспользоваться Франция и Германия, желающие усилить свое влияние на Балканах (ОЗ, 1875, 11, 121; Д, 1876, 9, 143). Следуя "постоянно антиславянской политике", австро-венгерское правительство тоже захотело вмешаться, "водворить порядок" в Боснии и Герцеговине, менее всего заботясь о восставших и желая "только обеспечить свои собственные интересы" (Д, 1876, 4, 136). В "Деле" была отражена и "двойная дипломатия" британского правительства в 1875-1876 гг. (Д, 1878, 4, 351).

Передовая печать правомерно утверждала, что западные державы не могут пойти на кардинальное решение восточного вопроса доб-

ровольно. Им, по разным причинам, не выгодно освобождение славянских земель. Англия не сможет "так самовластно хозяйничать" там. Австро-Венгрия опасается, что самостоятельные славянские государства станут центром притяжения для австрийских славян; в случае распада османских владений она рассчитывает присоединить часть южнославянских земель (Боснию и Герцеговину). В последнем случае Австро-Венгрия становится их "тюремщиком", что устраивает Германию (так как постоянная взрывоопасная ситуация в Австро-Венгрии не даст ей возможности стать сильной соперницей Германии). Поэтому самое большое, что делают великие державы для славян — требуют их равноправности с другими подданными Турции. Европа "напрягает все силы на то, чтобы во что бы то ни стало удержать турецкое владычество", поскольку имеет тайные виды на "наследство", делают вывод "Отечественные записки" (ОЗ, 1876, 6, 366-368, 374; 7, 102, 104). При дележе "наследства" особую роль приобретает Константинополь благодаря своему уникальному географическому положению, торговому и военному значению, и "коалиция европейских государств не позволит занять этого места ни одной из нынешних сильных держав", иначе она "будет господствовать почти над всем Старым Светом". Если бы не распри европейских держав из-за выгод, заключает журнал, то восточный вопрос давно бы решился (ОЗ, 1876, 6, 365, 366)⁹.

Реальные результаты дипломатического вмешательства Европы в балканские дела, "давление дипломатии, особенно Англии", оценивались демократической периодикой как тормоз в процессе освобождения славян. "Не вмешивайся в их дело Европа, они выставили бы Турции требования, гораздо более широкие¹⁰, чем те, которые излагаются в берлинском меморандуме, и добились /бы/ их исполнения, подняв пламя восстания во всей Турции своими успехами". В журналах упоминалось, что европейская дипломатия удерживала правительства Сербии и Черногории от оказания помощи восставшим и попустительствовала турецким войскам в блокировании сербских границ. Говорилось также, что вступление Сербии в войну с Турцией вызвало недовольство некоторых держав, ибо победа означала бы ее усиление, что повело бы к полной ее самостоятельности и территориальным приобретениям, а это не могло понравиться Англии и в особенности Австрии (ОЗ, 1875, II, 120, 121, 126; 1876, 6, 369; 9, 69-70; Д, 1876, 4, 136).

В то же время в демократической печати подчеркивалось и влияние освободительного движения балканских народов на диплома-

тические позиции европейских государств. Пока западная дипломатия "затягивала решение участи несчастного народа", писал в "Отечественных записках" историк, писатель и публицист Д.Л.Мордовцев, он сам встал на свою защиту. Это воздействовало на решения конференций европейских государств (ОЗ, 1876, 7, 97). Хотя надо отметить, что итоги Константинопольской конференции 1876 г., предпринявшей попытку мирного урегулирования кризиса, "Дело" метко охарактеризовало как "полнейшее фиаско" европейской дипломатии, которая "ничего не добилась от Турции, ни к чему не привела" (если учесть, что в журнале не знали о тайной роли Англии). Турция отказалась выполнить требование держав о признании автономии трех христианских провинций. При единстве действий держав в решении восточного вопроса, писало "Дело", Турция не смогла бы оказать им сопротивление, "если б они действительно захотели заставить ее подчиниться своему приговору" (Д, 1877, I, 98, 99, 102; 1878, 4, 352). Таким образом, журнал ставил под сомнение возможность согласованных усилий европейских политиков и подчеркивал неискренность позиции дипломатии по отношению к славянским народам.

В отдельных высказываниях публицистов заметно все же некоторое преувеличение роли европейской дипломатии, например, в том, что решение восточного вопроса лежит не на полях сражений, а "в дальновидном и искреннем отношении к нему европейских государств. От них зависело и зависит остановить бесполезное кровопролитие и возратить мир не только славянским населением, но, может быть, и всей Европе" (Д, 1876, 9, 127). Однако в большинстве случаев передовые журналы, определяя восточный вопрос как "вопрос религии, расы, территориальных размежеваний, международного соперничества", приходили к выводу, что он не может "решаться ни конференциями, ни конгрессами", а требует "радикальных хирургических мер". Вместе с тем и война ("величайшее из человеческих бедствий") не представлялась им лучшим выходом из положения; наоборот, предполагалось, что война создаст "новые политические преграды", запутает и осложнит решение восточного вопроса (Д, 1877, I, 104). Переоценивая реальные возможности подвластных Турции народов и помня о нерешенных социально-экономических и политических проблемах в России, "Дело" считало "самым действительным средством для завоевания национальной независимости" сплоченность и солидарность славян, "стройный и твердый внутренний союз, который бы сам, без нашей военной помощи, мог постоять за

себя" (Д,1877,4,202,204-205). Нельзя было не признать, что великие державы "действительно всегда тормозили" окончательное решение судеб балканских народов, и когда в восточном вопросе возникали кризисные ситуации, "то разрешались они только силой оружия" (Д,1877,4,202; 1878,4,351).

Так было и в данном случае. В 1877 г. началась русско-турецкая война. Отношение к войне не было простым и менялось в ходе ее (искренне желая славянам освобождения, демократическая печать все больше обращалась к внутренним делам). Это нашло отражение в характере и интенсивности публикаций на данную тему. Реакционная внешняя (как и внутренняя) политика самодержавия, по мнению передовых публицистов, не могла принести поработенным народам полного освобождения, поэтому в журналах акцентировалось внимание на том, какой должна быть, с точки зрения демократов, балканская политика России. "Слово" напоминало, что южные славяне готовы воспользоваться военной помощью России, но настороженно относятся к тенденциям "нежелательной гегемонии" (Сл,1878,3,79; 4,31). Помогая угнетенным народам, возвращая им свободу, нужно, считали русские демократы, "не осквернять своих лавров ни своекорыстием, ни заменой старых целей новыми" (Д,1876,10,400). Необходимо обеспечить славянам "свободное моральное и материальное развитие", как бы оно ни пошло дальше, а каковы будут политические формы устройства свободных славянских стран — решать самим славянским народам (ОЗ,1877,7,128; Сл,1878,1,91).

Касаясь реально проводимой политики, демократическая печать подчеркивала, что действия России обусловлены ее вхождением в европейский концерт, перед которым она имеет обязательства. Для борьбы с европейской коалицией у России не хватит сил (это был трезвый взгляд на положение дел). С этими обстоятельствами журналисты связывали прежде всего то, что Россия не выдвинула программу разрушения Османской империи (ОЗ,1877,5,114). "Бесьма умеренными" называло "Слово" условия русского правительства, выдвинутые в начале войны (ограничение территории Болгарии, ее вассальные отношения к Порте и др.). Россия обещала не затрагивать интересов Англии, не занимать проливы и Константинополь, если Англия окажет давление на Турцию и склонит ее к миру. Однако лорд Биконсфилд, не доверяя заявлениям России и опасаясь ее усиления, направил военный флот в Дарданеллы. "Слово" отмечало, что Англия и Австрия вели выжидательную политику, поочередно проявляя воинственное настроение. Их несогласие устранило возможность

объединенных действий европейских государств против России (Сл, 1878, 3, 81; 4, 28-30, 38-39).

"Даже в случае полного разгрома Турции, полного уничтожения ее армий, - писало "Слово", - рассчитывать на радикальное решение восточного вопроса было более чем трудно". Сложившаяся в конце войны политическую ситуацию в Европе, связанную с восточным вопросом, журнал охарактеризовал как "дипломатический хаос", поскольку чрезвычайно "запутаны, противоположны, изменчивы выдвинутые на сцену интересы". С нескрываемой иронией говорится о том, что вопрос о создании независимых славянских государств не представлял бы особых трудностей, не будь он тесно связан "крепкими узами с жизнью европейских государств", не затрагивая он "ряд существенных интересов, которые они не намерены отдавать на произвол судьбы" (Сл, 1878, 4, 27, 30-31).

Как бы в подтверждение этого "Отечественные записки" сообщали о протесте Англии и Австрии против Сан-Стефанского предварительного договора. Объективно оценивая сложившуюся международную ситуацию и понимая, что без соглашения с Европой не будет прочного мира, журнал высказывал небезосновательное предположение о значительном сокращении границ Болгарии в окончательном мирном договоре (ОЗ, 1878, 4, 311). Отмечая наибольшую вероятность лишь "частичного разрешения" восточного вопроса, "Слово" останавливалось на "интересах" европейских государств, основное внимание уделяя балканской политике Австрии, дипломатические усилия которой были направлены на то, чтобы "возможно более оградить славянские земли от влияния России" и не допустить "образования большого югославянского государства на Балканском полуострове". Границы Болгарского государства - один из серьезных пунктов русско-австрийских противоречий. В "Слове" подчеркивалось, что "и увеличение числа славян в Австрии, и свобода в соседних славянских землях одинаково казались опасными для Австро-Венгрии". По наблюдению журнала, "решение национальных вопросов, созидание национальной независимости" не обходится без "кровавых столкновений", особенно "при деятельном вмешательстве европейских государств", но демократическая печать безоговорочно верила, что рано или поздно балканские народы добьются полной независимости; залог этого виделся в разрушении Османской империи и в том, что даже Англия и Австрия отказывались от намерения "сохранить ее в прежнем виде" (Сл, 1878, 4, 31-33, 51-53; 6, 4).

В период работы Берлинского конгресса один из публицистов

"Слева" В.Н.Исполатов в общем виде представил взгляд российской демократии на балканскую политику европейских держав. Восточный вопрос, замечал он, всегда решался "исключительно с политической или территориальной точки зрения правительств, или лучше, правительствующих классов", в соответствии с "их собственными интересами"; однако восточный вопрос не решится действиями "гениального полководца" или "остроумного государственного деятеля", а также "с помощью политических комбинаций". Все "политические полумеры, к которым прибегают заинтересованные в дипломатическом осложнении этого чисто социального вопроса правительства, разжигая религиозный фанатизм и национальные страсти масс, только задерживают естественное развитие" балканских народов¹¹. Изменение характера международных отношений "Слово" связывало с обязательными демократическими преобразованиями во всех странах и подчинением внешней политики интересам народа (Сл, 1878, 6, 1-2).

Аполитизм части революционного народничества повлиял на легальную демократическую печать, которая приносила положительные последствия русско-турецкой войны, считая, что война отвлекла русское общество от решения внутренних задач. Но неверно было бы думать, что демократическая печать совсем не замечала объективно прогрессивного значения помощи балканским народам со стороны России; она отмечала, что Россия всегда выступала за решение восточного вопроса "в благоприятном для славян смысле". Появлялось и правильное понимание того, что в 70-х годах положение славянских народов было таково, что "собственными силами... они еще долгое время не в состоянии были бы добиться независимости" (Сл, 1878, 4, 31). Однако передовые издания видели свою задачу прежде всего в критике корыстных намерений во внешней политике самодержавия, тесно связанной с внутривнутриполитическими проблемами. Поэтому основное внимание обращалось на то, что в стремлении изменить статус-кво на Балканах Россия "увлекалась политической /а не социальной. - Е.А./ стороной" дела, в то время как ее действия должны были быть направлены, по мнению прогрессивной печати, на удовлетворение интересов балканских "народов, но не правительств, временно составляющих одно целое с этими народами" (Сл, 1878, 6, 3-4).

Демократические публицисты полагали, что успешное завершение борьбы балканских народов против османского владычества безусловно окажет благотворное влияние на развитие освободительного движения славян Австро-Венгрии (Сл, 1878, 6, 6).

Итоги войны за освобождение славян и решения Берлинского

конгресса, открывавшие новую страницу истории независимых балканских стран, вызвали чувство разочарования в демократических кругах России, так как в целом подтвердили прогнозы демократической печати о неполном удовлетворении законных стремлений южнославянских (особенно болгарского) народов в результате активного вмешательства западноевропейской дипломатии¹². Нежеланием обсуждать позиции великих держав на переговорах и дипломатические ухищрения их представителей, передовые журналы выразили свое отношение к результатам конгресса.

Демократическая периодика рассматривала балканскую политику европейских держав не в отрыве от исторической реальности, а в тесной связи с внешне- и внутривнутриполитическими, экономическими и социальными условиями каждой страны, принимая во внимание влияние на официальный политический курс освободительной борьбы балканских народов, с одной стороны, и общественного мнения Европы, с другой. Демократическая концепция восточного вопроса основывалась прежде всего на требовании полного освобождения балканских народов, предоставления им права самим устраивать свою судьбу и недопущения за их счет территориальных приобретений великих держав. Передовая печать достаточно реалистически оценила вмешательство европейской дипломатии в балканские дела. Не все тайные механизмы дипломатии были известны; это сказывалось на односторонности или упрощенности ряда суждений и оценок (как и некоторые крайности народнических установок). Все же мнение демократических журналов о международных отношениях в Юго-Восточной Европе было самым прогрессивным в русском обществе: оно вскрывало социально-экономическую подоплеку политики великих держав; оно учитывало прежде всего интересы простого народа балканских стран, что решительным образом отличало демократов от либеральных и консервативных кругов.

¹ Одна из последних работ, в которой эта проблема рассматривается в наиболее концентрированном виде: Международные отношения на Балканах. 1856-1878. М., "Наука", 1986.

² См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., "Наука", 1981, с.264, 282-284.

³ Сведения об этом имеются в работах: Адо В.И. Русские революционеры и демократическая пресса об итогах русско-турецкой войны 1877-78 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. - Ученые записки Казанского университета, 1957, т. II 7, кн. I 0, с. 231-285; Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х - начало 80-х годов XIX в. М., "Наука", 1986.

- 4 /Елисеев Г.З./ Внутреннее обозрение. - Отечественные записки, 1877, № 5, с. 120, 122. Далее ссылки на журналы "Отечественные записки" (ОЗ), "Дело" (Д), "Слово" (Сл) с указанием года, номера и страниц даются в тексте.
- 5 Реформы внутреннего управления в провинциях Османской империи 1875 г. "Отечественные записки" охарактеризовали как "очередную фикцию", полагая, что даже введение в Турции конституции не изменит положения ее подданных (что и подтвердилось после принятия конституции 23 декабря 1876 г.) (ОЗ, 1875, II, 123; 1876, 9, 79).
- 6 Хотя позиция В.Гладстона, учитывавшего интересы прежде всего английской буржуазии, не получила тогда поддержки и развития, русские демократы, называя ее "высоко гуманной", видели в ней симптом возможных положительных изменений в балканской политике Великобритании.
- 7 Таких людей было мало, ибо в то время в Англии широкое распространение получило шовинистическое движение - джингоизм.
- 8 Этот пункт коренным образом отличал демократическую постановку вопроса от позиций консервативной и либеральной печати, которая "нет-нет да и поставит восточный вопрос на почву делажа турецкого наследства между английскими и русскими купцами" (ОЗ, 1876, 7, 148).
- 9 В 1875 г. в демократической печати наиболее предпочтительным считалось "мирное решение вопроса о судьбе христиан", которое заключалось бы сначала в образовании "вассальных владений", а затем в достижении ими полной независимости, как следствия не столько национально-освободительной борьбы, сколько социальных преобразований в демократическом духе (ОЗ, 1875, II, 125). Дальнейшее обострение кризиса в 1876 г. усилило в передовой печати мнение о необходимости совместной вооруженной борьбы славянских народов (ОЗ, 1876, 9, 67).
- 10 Они "требуют автономии под управлением особого князя или присоединения к полунезависимым княжествам" (ОЗ, 1875, II, 123).
- 11 В этих рассуждениях отчетливо видна социальная направленность народнического движения и недооценка национально-освободительной борьбы.
- 12 Надеясь на решение максимальных задач в ходе войны, демократы не всегда учитывали, что условия для этого еще не созрели и что национальное освобождение как раз и дает возможность развития жизни балканских народов в желательном направлении.

БАЛКАНСКИЕ МОНАРХИИ XIX ВЕКА

Балканский регион представляет исключительный интерес для историка во многих отношениях. Он как бы в чистом виде дает возможность для изучения всех социально-экономических формаций, различных типов хозяйства, политических режимов, культурных традиций. На примерах этого региона можно также исследовать и историю многочисленных монархий со времен античности и до середины XIX века.

История монархий, некогда привлекавшая большое внимание историков, в последние десятилетия потеряла характер актуальности и применительно к Юго-Восточной Европе, не породила сколько-нибудь значительного числа специальных исследований. Вместе с тем, без досконального изучения, естественно, трудно получить достаточно полную картину исторического процесса в регионе. Есть, впрочем, на пути исследования монархий множество трудностей, которые начнутся уже с выяснения самого понятийного аппарата. Как и относительно многих других понятий, это понятие не получило однозначной трактовки, и в литературе, как исторической, так и юридической, можно встретить очень различные трактовки и определения. В советской литературе также нет полного единства взглядов по вопросу об этом понятии и, пожалуй, наиболее распространена следующая формулировка: "монархия — форма правления, при которой верховная власть в государстве полностью или частично сосредоточена в руках единоличного, чаще всего наследственного главы государства — монарха"¹. Однако это понятие отнюдь не может быть признано совершенным, и уже одно допущение возможности "частичного сосредоточения" верховной власти таит в себе множество интерпретаций.

Для сравнения можно привести и ряд других попыток дать определение монархии, каждая из которых, впрочем, может вызвать большие или меньшие возражения. Так известный некогда в Европе правовед Георг Еллинек давал следующее определение: "Монархия есть государство, руководимое физической волей. Эта воля юридически должна быть высшей, не производной от какой-либо другой воли"². Однако стоит попытаться применить это определение к конкретной истори-

ческой действительности, как сразу же начинаются трудности. Прежде всего они возникают, когда мы пытаемся определить "не производную волю", ибо на практике любая воля порождается другой волей. Вместе с тем, исходя из позиций диалектического материализма, мы не должны забывать, что, например, при феодализме "господство над людьми является преимущественно и даже почти исключительно господством над людьми в силу и посредством господства над вещами"³.

В литературе монархии нередко противопоставляются тираниям и деспотиям, хотя зачастую трудно установить грань между ними, и можно привести немало примеров деспотической монархии, особенно на Востоке. В.И. Ленин отмечал гибкость монархий, их способность "приспособляться к различным классовым отношениям господства"⁴. Отсюда в литературе можно наблюдать многочисленные попытки отличать виды и типы монархий в зависимости от того, являются они наследственными или выборными, ограничены парламентом и конституцией или нет. В марксистской литературе принято разделение монархий на абсолютные и сословные, по которым опубликовано значительное число исследований.

Переходя непосредственно к теме нашего доклада, мы не можем ограничиться только вопросами политической надстройки. Экономические, социальные и политические процессы в Юго-Восточной Европе были столь тесно связаны, что искусственное их разделение не может не повлечь за собой искажение реальной действительности. В XIX в. на Балканах были два общественных процесса. Один заключался в переходе от феодализма к капитализму, другой - в расширении национально-освободительных движений и воссоздании государственности и у тех народов, у которых она некогда имела. Оба эти процесса вытекали из внутренней потребности, но они самым тесным образом были связаны с теми событиями, которые происходили в то время прежде всего на европейском континенте. Развитие капитализма в Европе, складывание там буржуазных наций, победа одной буржуазной революции за другой постоянно ощущались на Балканах, где зависимость местных народов от Османской империи чем дальше, тем больше ставилась под сомнение. Освободительные их движение постоянно ставили задачу будущего политического устройства.

В начале XIX в. на Балканах фактически существовала одна монархия - монархия османов-султанов, начавших править еще с конца XIII в. Особенностью этой монархии была абсолютная власть, т. е. и в начале XIX в. в Османской империи существовала абсолютная

монархия. Одновременно турецкие султаны носили также титул халифов, т.е. были главой церковной власти. Для этой монархии существовала необычная для европейских монархий система наследования. Власть находилась в руках Османов, но она не всегда переходила от отца к сыну и преимущественно отдавалось самому старшему из Османов по мужской линии. В первой половине XIX в. в Османской империи правило четыре султана. Селим III, получивший власть в 1789 г., был свергнут с престола в 1807 г., а затем (в 1808 г.) умерщвлен. Сменивший его Мустафа IV, сын султана Абдул-Гамида I, правил только в 1807 – 1808 гг. и был насильно низложен и казнен по повелению нового султана – его брата Махмуда II, правившего с 1808 по 1839 гг. Ему наследовал его сын, шестнадцатилетний Абдул-Меджид, правивший до 1861 г. Таким образом двое из четырех турецких султанов первой половины XIX в. были насильственно свергнуты и убиты, один – Махмуд II – скончался после тяжелой и продолжительной болезни в возрасте 54 лет⁵, а Абдул-Меджид умер в возрасте 38 лет. При всей формально неограниченной власти султанов фактически эта власть была отнюдь не всесильной и в начале XIX в. зависела в значительной степени от янычарского корпуса, мусульманского духовенства и гарема. Хотя в 1826 г. Махмуду II удалось ликвидировать янычарский корпус, но как ему, так и другим султанам приходилось считаться с интересами духовенства и гарема, принимавших активное участие в политической жизни империи.

Султаны первой половины XIX в. очень отличались между собой по степени своих способностей, характерам и образованию. Трое из них – Селим III, Махмуд II и Абдул-Меджид – могут быть отнесены к категории султанов-реформаторов и сторонников, в той или иной степени, вестернизации Турции. Лишь Мустафа IV, возведенный на престол янычарами, вошел в историю как человек жестокий и слабохарактерный и вроде бы никакими стремлениями к преобразованиям не отличался. Впрочем не известно, как бы он себя повел, если бы продержался на престоле еще некоторое время. Слишком сильны были объективные причины для будущих трансформаций, чтобы можно было ими пренебрегать долгое время.

В начале XIX в. в систему Османской империи входило три европейских области, которые обладали государственностью. После победы над турецкими войсками в 1796 г. можно говорить о фактической независимости Черногории, хотя султаны считали эту страну своим вла-

дением. Сохраняли свою государственность княжества Молдавия и Валахия. Во главе Черногории еще с конца XVII в. стояли правители из рода Негошей. Основатель Данило Негош был еще в 1697 г. избран митрополитом, и первые черногорские правители-владыки, таким образом, объединяли светскую и духовную власть. В первой половине XIX в. Черногорией правили три представителя династии Негошей: Петр I, Петр II и Данило. При них шел процесс превращения владик в монархов, монархов феодальных. Данило (1851-1860), получив поддержку России, провозгласил себя в 1852 г. князем и преобразовал Черногорию в светское государство⁶. Примечательно, что Петр II был племянником Петра I, а Данило - племянником Петра II, с 1860 г. в Черногории начал править Николай - племянник Данило.

Несколько по-другому обстояло дело в Дунайских княжествах. В средние века господа Молдавии и Валахии были феодальными монархами - верховными собственниками земли, верховными судьями, главнокомандующими и т.д. Примерно до середины XVI в. они избирались верхушкой феодалов по наследству от отца к сыну, затем начинается продажа престолов Портой, а с 1711 г. устанавливается фанариотский режим, когда престолы княжеств стали продаваться грекам-фанариотам. Фанариотский режим сохранялся до 1822 г. В XIX веке, т.е. за два с небольшим десятилетия, на престоле Молдавии, как и Валахии, было по шесть фанариотских господарей. Срок их правления был, таким образом, очень непродолжительным. К тому же в любое время они могли быть сменены турецкими султанами. Естественно, что при всем их внешнем величии весьма значительной власти внутри княжеств, они не могут считаться монархами в полном смысле этого слова. После ликвидации фанариотского господства в княжествах восстанавливается правление местных господарей. До 1859 г., когда произошло объединение княжеств, в Молдавском княжестве правил три господаря, в Валахии - четыре. Срок их правления официально, в силу постановлений ряда международных договоров, несколько раз менялся. Сначала он был установлен в семь лет, затем (по Адрианопольскому миру 1829 г.) - пожизненно, а в 1849 г., по решению Балта-Лиманской конвенции, - снова в семь лет. Причем, если после Адрианопольского мира господа выбирались соответствующими собраниями из представителей высших кругов боярства, церкви и буржуазии, то по Балта-Лиманской конвенции они должны были назначаться султаном по согласованию с русским правительством. Господари, таким образом, продолжали ос-

таваться подобием монархов, будучи ограничены сроком правления и отсутствием передачи власти по наследству.

В первой половине XIX в. произошло складывание монархических режимов еще в двух балканских странах. Речь идет о Сербии и Греции. Первое, а затем второе сербские восстания привели к выделению двух видных руководителей повстанцев, которым суждено было создать две конкурирующие сербские династии. В 1808 г. повстанческий Правительствующий совет, а затем в 1811 г. и скупщина провозгласили Карагеоргия наследственным верховным сербским предводителем, вождем сербского народа.⁷ Но затем он был вынужден покинуть Сербию, и с 1815 г. во главе сербских повстанцев стал Милош Обренович, который на скупщине в ноябре 1817 г. был объявлен наследственным князем Сербии. Примечательно, что это право было признано султаном, и можно говорить о создании в Сербии монархической системы. Хотя в 1839 г. Милош был на довольно длительное время изгнан из Сербии, ему наследовал до 1842 г. его сын Михаил, а с этого года до 1858 г. сербским князем становится сын Карагеоргия Александр. Таким образом в первой половине XIX в. в Сербии создается монархический режим во главе с туземным князем. Особенностью этого княжества стала многолетняя борьба двух местных династий, продолжившаяся и в XX веке.

Несколько по-другому обстояли дела в Греции, где борьба широких народных масс против османского господства в конечном счете привела к созданию греческого королевства. После убийства в октябре 1831 г. первого греческого президента И. Каподистрии лишь в августе 1832 г. было решено пригласить греческим королем представителя баварской династии Виттельсбахов Оттона, прибывшего в Грецию в январе 1833 г. Особенность Греции заключалась не только в том, что она стала первым на Балканах королевством нового времени, но и в том, что престол на Балканах получил иностранец, принадлежавший к другой вере. До 1822 г. в Дунайских княжествах правили греки-фанариоты, тоже иностранцы, но они были православными. Иная картина наблюдалась в Греции. Но этот греческий прецедент отнюдь не будет исключением в регионе Юго-Восточной Европы. Пройдет некоторое время, и иностранные монархи появятся и в других балканских странах.

Таким образом ко времени начала Крымской войны монархические режимы в той или иной форме существовали на Балканах не

только в самой Турции, но также в Греции, Сербии, Молдавии, Валахии и Черногории. Их складывание в государствах, постепенно освобождавшихся от господства Порты, не могло быть случайным. Было несколько причин установления именно монархической формы правления. На Балканах еще шел процесс перехода от феодализма к капитализму и были еще очень сильны феодальные традиции. К тому же, в то время республики еще были редчайшими исключениями и во всех окружающих Балканы государствах, оказывавших на них заметное влияние. Великие державы также желали, чтобы в Юго-Восточной Европе не было серьезных демократических преобразований, и предпочитали республикам монархии. Интересно, что и среди широких народных масс имелись не только республиканские, но и монархические настроения. Наличие своего царя, короля или князя рассматривалось ими как атрибут независимости и свободы. Однако балканские монархические режимы, за исключением султанской власти, отличались и рядом особенностей, отражавших влечение времени. Во-первых, для них стали характерны конституционные устройства, хотя борьба вокруг конституций велась долгие годы. Во-вторых, они имели те или иные учреждения представительного образа правления. То есть балканские монархии уже к середине XIX в. в определенной степени отражали интересы нарождавшейся буржуазии, позиции которой еще больше усиливались после Крымской войны.

После Крымской войны национально-освободительные движения в Юго-Восточной Европе еще больше усиливаются. Они чем дальше, тем больше входят в противоречие с османским правлением, пытавшимся максимально сохранить свое господство. Во второй половине XIX в. в Османской империи правил четыре султана, трое из которых были насильственно свергнуты со своих престолов (Абдул-Хамид II в 1909 г.). Для их правления, за исключением весьма продолжительного царствования Марата V в 1876 г., было характерно стремление к некоторой модернизации страны, но с удержанием реальной власти в своих руках и предотвращения распада империи. 23 декабря 1876 г. в Турции даже была провозглашена конституция⁸, которая, собственно, осталась мертвой буквой, а затем отменена до 1908 г. Не возымел никакого действия и предусматривавшийся конституцией двухпалатный парламент.

Если во второй половине XIX в. в турецкой монархической системе не наблюдается никаких реальных изменений, то значительно более заметными были трансформации в других районах Балканского

полуострова. В 1859 г. на престолы обоих Дунайских княжеств был избран один господарь — Александр Куза, свергнутый, однако, в 1866 г. Борьба различных господствующих группировок привела к приглашению в Румынию иностранного монарха, которым стал Карл из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Вскоре новый господарь, а с 1881 г. — король, становится крупнейшим румынским землевладельцем и одним из крупнейших капиталистов.⁹

Несколько раньше, чем в Румынии, в 1862 г. был свергнут оставшими греками король Оттон. Новым греческим королем был приглашен сын датского короля Кристиана IX Георг¹⁰, представивший на балканах династию Глюксбургов. Примечательно, что в 1867 г. Георг сочетался браком с Ольгой Константиновной, дочерью великого князя Константина Николаевича, и таким образом греческая королевская династия породнилась с династией Романовых. В 60-х годах между Грецией и Румынией стали заметны многие общие черты. И там, и здесь правили приглашенные монархи-иностранцы, принадлежавшие раньше к иной вере, чем большинство населения страны, исповавшее православие. В обеих странах принимаются новые конституции, в Греции — в 1864 г., в Румынии — в 1866 г., и обе страны приобретают характер конституционных наследственных монархий, с парламентом и политическими партиями. Обе страны стали носить название королевств и были полностью независимы от турецкого султана (Румыния — с 1877 г.). При всей острой борьбе политического характера, которая наблюдалась и в Румынии, и в Греции, здесь наметилась определенная политическая стабильность, когда речь идет о положении монархов и их династий. Во всяком случае, положение припавших правителей было более прочным, нежели судьба местных князей в Сербии, где продолжалась борьба представителей местных династий.

В 1858 г. в Сербии был свергнут решением скупщины Александр Карагеоргиевич и в страну вернулся Милош Обренович, скончавшийся в 1860 г. Затем до 1868 г. вновь правил его сын Михаил, которого сменил Милан Обренович, объявленный в 1882 г. королем. Сербия, таким образом, стала третьим балканским королевством, независимым от Османской империи. В 1889 г. Милан был вынужден отречься от престола в пользу своего сына и сына своей жены Натали Кешко, дочери полковника русской службы, Александра, который правил до 1903 г. и был убит в результате заговора, при-

ведшего к власти династию Карагеоргиевичей. Таким образом и вторая половина XIX в. вплоть до 1903 г. была связана со свержением Александра Карагеоргиевича, Милана Обреновича, убийством Михаила и Александра Обреновичей. Между сербской короной и скупщиной возникали неоднократные конфликты, шла борьба вокруг сербских конституций. В 1869 г. была принята умеренно-либеральная конституция, которая была заменена конституцией 1888 г., более радикальной, но она просуществовала недолго и в 1894 г. была вновь заменена конституцией 1869 г. Еще одна конституция была принята в 1901 г. Монархический режим очень трудно прививался к Сербии, и вся история сербских монархов нового времени связана не только с борьбой двух династий, но и все возрастающими противоречиями между монархами и широкими массами населения страны.

Вторая половина XIX в. известна также появлением еще одной балканской монархии. Речь идет о воссоздании болгарского государства и приглашении на княжение иностранного принца. Им стал Александр Баттенбергский, второй сын Александра Гессенского и его мorganатической жены, графини Юлии Гауке, получившей в 1858 г. титул принцессы Баттенберг. Александр Баттенберг был приглашен на болгарский престол, поскольку устраивал руководства ряда европейских держав. Будучи прусским офицером, он являлся племянником русского императора Александра II и родственником английской королевы. Эти родственные связи, однако, не помогли ему, и он прокняжил лишь с 1879 г. до 1886 г. и в результате заговора был вынужден покинуть болгарский престол. Начались поиски нового монарха, и на болгарский престол был приглашен представитель династии Кобургов Фердинанд, сын принца Августа Саксен-Кобург-Гота. Фердинанду I Кобургскому удалось продержаться на болгарском престоле значительно дольше, чем его предшественнику. С 1908 г. он стал болгарским царем, но в 1918 г. был вынужден отречься от престола и выехать в Германию.

Вторая половина XIX в., таким образом, отмечена ликвидацией в Юго-Восточной Европе молдавской государственности и, вместе с тем, воссозданием государственности болгарской, приобретением независимости Румынией, Сербией и Черногорией. Накануне XX в. в этом регионе Европы, кроме султана, было еще пять монархов, трое из них были королями — в Греции, Румынии, Сербии, двое носили титул князя — в Болгарии и Черногории. В

XX в. болгарские князья стали царями и, следовательно, была восстановлена болгарская средневековая традиция, а Албания и Черногория становятся королевствами.

XIX век стал веком воссоздания большинства балканских монархий. Они стали неперемненными атрибутами балканской политической системы, играя то большую, то меньшую роль в вопросах экономики, политики, культуры. Для всех балканских монархий, исключая султанскую власть, характерен переход от феодальных монархий к монархиям буржуазным, хотя практически во всех балканских странах сохранялись, в большей или меньшей степени, пережитки феодализма. Изучение конкретной балканской действительности подтверждает известное марксистское положение о том, что государство "по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса..."¹¹. Балканские монархии пытались выступать арбитрами между господствующими социальными группами. Как правило, это были крупные землевладельцы и крупные торговцы. Но чем дальше, тем больше начинает играть роль торговая и промышленная буржуазия¹², интересы которой все более и более начинают выражать различные балканские монархии. Буржуазия и крупные землевладельцы пытаются использовать монархические режимы в борьбе против революционных движений, ставивших свержение монархий в числе важнейших своих лозунгов.

Для балканских государств второй половины XIX в. было характерно некоторое забегание вперед надстроечных институтов по сравнению с базисом. Их конституции были нередко скопированы с конституций более развитых европейских государств и поэтому в полной мере не соответствовали социально-экономическому устройству общества. В этой связи были также постоянными несоответствия между положениями конституций и реальными действиями монархов. Довольно сложными были также взаимоотношения между монархиями и парламентами.

Особая страница в истории балканских монархий - это их взаимоотношения с великими державами. Внешнеполитическая ориентация балканских монархий неоднократно менялась и к началу XX в. соответствовала разделению европейских государств на два блока. Характерным было противоречие между ведущими политическими партиями и монархиями нередко склонявшихся к разным внешнеполитическим лагерям. Эта, зачастую разная, внешнеполитическая ориентация особенно проявилась в начале XX в., т.е. в канун первой мировой войны.

- I Историческая энциклопедия. Т.9.М., 1966, с.598
  - 2 Еллинек Г. Общее учение о государстве. Изд. второе. Спб., 1908, с. 494
  - 3 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 191
  - 4 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.20, с.359
  - 5 Новичев А.Д. История Турции. III. Новое время. Часть вторая (1839-1853). Л., 1973, с. 42
  - 6 Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX в. М., 1979, с. 86-87
  - 7 Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII-30-е годы XIX в.). М., 1986, с. 108
  - 8 Фадеева И.Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 87
  - 9 Tuțui Gh., Popa M. Hohenzollernii în România. Buc., 1962, с. 5
  - 10 Jorja N. Istoria statelor balcanice în epoca modernă. Buc., 1916, p. 276
- II Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 171
- I2 Радкова Р. Националното самосъзнание на българите през XVIII и началото на XIX в. - "Българската нация през Възраждането". София, 1980, с. 228-234

УЧАСТИЕ ЮГОСЛАВЯН В РЕВОЛЮЦИОННО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ НА УКРАИНЕ
ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ПО-
ЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Представленная на рассмотрение участников конгресса тема, на наш взгляд, является одной из актуальных и наименее исследованных в советской балканистике. Если в целом истории российско-югославянским революционным связям второй половины XIX — начала XX веков посвящены многие работы В.Я.Гросула, В.Г.Карасева, Д.Ф.Поплмко, С.И.Данченко (Бочкаревой), А.З.Нюркаевой, Е.Н.Кушевой, С.А.Виноградова и других ученых, то исследований по украинско-югославянским революционным связям явно недостаточно. До сих пор мало изучен вопрос, касающийся непосредственного участия югославян в революционной борьбе народных масс на территории Украины.

В настоящем сообщении делается попытка на конкретном историческом материале определить основные формы участия югославян в борьбе с самодержавием на Украине, а также осветить ряд неизвестных страниц из истории украинско-югославянских революционных связей, вводя в научный оборот новые персоналии.

Работавшие и учившиеся на Украине во второй половине XIX — начале XX вв. югославыне не могли оставаться безучастными к тем событиям, что происходили в общественно-политической жизни, так как в той или иной мере они затрагивали и югославянина-студента, и рабочего, и землепашца, и представителя интеллигенции. Ухудшавшиеся условия существования, попрание человеческого достоинства вызывали законный протест у многих югославян. Все это способствовало вовлечению их в совместную с коренным населением борьбу с самодержавием за лучшую жизнь. Участие югославян нашло отражение в самых разных формах. Имеются факты публичных высказываний югославян на Украине против самодержавного строя, коронованных особ, их участия в студенческих, марксистских, анархистских и других антиправительственных организациях. Югославыне

вместе с рабочими, студентами, представителями передовой интеллигенции выходили на демонстрации и митинги, на баррикады первой российской революции, боролись с самодержавием в 1917 и годы гражданской войны. По отношению к ним применялись пратически те же репрессивные меры властей, что и против своего народа. Участвовавших в антиправительственной борьбе югославян содержали в тюрьмах, ссылали в Сибирь, случалось, и уничтожали физически. После отбытия срока наказания их высылали обратно на родину. Особая сложность положения югославян на Украине, как и в целом в России, заключалась в том, что они находились под двойным надзором, осуществлявшимся агентами охраны и представителями югославянских властей. И тем не менее, многим из них все же удавалось включаться в борьбу с самодержавием.

Положение югославян, приехавших на заработки или учебу, мало чем отличалось от положения беднейших слоев коренного населения. Они испытывали те же трудности и лишения. К этому добавлялось еще и полное разочарование в российских порядках, при которых простой человек был лишен основных конституционных прав и находился в большой зависимости от власти имущих. Тот светлый образ величественной покровительницы балканских славян — России, с которым ехали многие югославыне в страну, очень быстро растворялся в их сознании, едва они ступали на берег и попадали в карантин, а затем проходили через полицейский фильтр. И в дальнейшем, в процессе своего обустройства на новом месте югославянам зачастую приходилось сталкиваться с бездушными чиновниками из государственных служб и ведомств, что также способствовало скорейшему расставанию с иллюзиями относительно "царства божьего на земле" в России.

Постепенное прозрение, рост сознательности в процессе коллективного труда приводили большинство югославян к пониманию того, кто является их истинными друзьями и помощниками, а кто лишь в силу своих служебных обязанностей вынужден проявлять к ним некоторое внимание и заинтересованность в их судьбе. И многие югославыне делали правильный выбор в вопросе, с кем идти. Подчеркнуть это представляется очень важным еще раз ввиду того, что основная масса югославян ехала на Украину и в Россию с огромной верой и надеждой на лучшую жизнь. Однако реальность оказывалась зачастую много сложнее.

Далеко не всем югославянам удавалось полностью реализовать-

вать на Украине намеченные планы. Одних не брали на учебу, туда, куда они хотели, другие много времени тратили в поисках работы и не всегда ее находили, третьи, не имея средств к существованию, скатывались на социальное дно общества. Робкий протест югославян против самодержавных порядков все чаще вырывался наружу, и тогда в крепких выражениях доставалось не только полицейским и чиновникам, но и членам правящей династии, не исключая императора. В августе 1879 г. в Одессе был задержан полицией сербский подданный Михаил Маркшич, который находясь в толпе, ожидавшей проезда императора, неслестно отзывался об особе императора.¹ На Маркшича было заведено дело, в котором он обвинялся в "ругании царя", что по тем временам считалось преступлением. Все могло бы плохо закончиться для М.Маркшича, но его спасло лишь то обстоятельство, что он был обвинен только одним свидетелем. Сам же Маркшич не признал себя виновным. Полиция была вынуждена прекратить дело и выпустить его. Однако он был поставлен под особый надзор полиции, а в 1880 г. выслан из Одессы (надо полагать, - в Сербию).² Кем же все-таки был на самом деле этот молодой сербский подданный? Связным между революционными группами юга страны, действовавшими в Одессе, Николаеве, Херсоне, Бессарабии, или боевиком террористической организации, готовившей покушение на царя? Пока на эти вопросы ответы не найдены. Сейчас можно лишь сослаться на монографию Д.Ф.Поплыко о В.Пелагиче, в которой отмечается, что М.Маркшич был выслан из страны за революционную деятельность.³

Случай с М.Маркшичем был далеко не единичным в среде югославян, проживавших на Украине. Открыто высказывали свое недовольство самодержавной политикой и верхними слоями общества и другие югославянские эмигранты. Так, в 1896 г. прокурором Одесской судебной палаты было заведено дело на сербского подданного Спаса Поповича, который был задержан 5 октября в городе Елисаветграде за то, что в присутствии группы людей на бульваре резко высказывался против политики императора Николая II.⁴

Из протоколов допросов С.Поповича следовало, что он был отставным офицером сербской армии, политическим эмигрантом, проживавшим в России уже два года. Из-за разногласий с радикальной партией он покинул Сербию, жил некоторое время в Бол-

гарии, до того момента, пока там не начались преследования сторонников России. В Елисаветграде С.Попович консультировал иностранцев, прибывших туда для закупки лошадей. Дознание по этому делу прекратили в январе 1897 г., а самого С.Поповича выслали из страны⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют, что недовольство югославян существовавшими в стране порядками, проявлявшееся в публичных высказываниях против коронованных особ, стало в последней четверти XIX в. довольно распространенным явлением. Это еще не была борьба с самодержавием, а лишь протест отдельных лиц против него, который, однако, готовил почву для вовлечения масс югославян в общероссийское освободительное движение.

Наиболее заметный след в революционной борьбе трудящихся Украины оставили югославяне в период с середины 90-х гг. XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Перемещение центра мирового революционного движения из Западной Европы в Россию, где в это время начался третий марксистский период освободительной борьбы, способствовало увеличению числа борющихся с самодержавием.

Во второй половине XIX в. на Украине много югославян обучалось и работало в городах, имевших по несколько крупных фабрик и заводов, таких как Харьков, Киев, Одесса. Участие в совместной с пролетариатом Украины борьбе против самодержавия для значительного числа югославян начиналось в студенческие годы. Одной из самых замечательных личностей, оставившей большой след в революционном движении на Украине, был черногорец Владимир Перазич. Имя В.Перазича было довольно известным в среде революционеров уже в 90-е годы XIX в., однако в наши дни оно основательно позабыто. А думается, что стоит вернуть нам его, так как деятельность В.Перазича в Харькове была большой и плодотворной. Известный польский и российский революционер Феликс Кон называет в своей книге о революционном движении в России В.Перазича среди наиболее видных деятелей подполья конца XIX в. "Нельзя не упомянуть, что к этому времени, — писал Ф.Кон, — "наш брат революционер-интеллигент" уже в разных пунктах России вел среди рабочих пропаганду марксизма: в Одессе ее вел Рязанов при содействии Стеклова, в Харькове — Перазич, в Казани — один из самых выдающихся рабочих революционеров Федосеев... В Самаре и Казани уже принимался за работу Владимир Ильич Ле-

нин."⁶ В.Перазич упоминается вместе с именами Ю.Мельникова и Л. Кецовели во втором издании БСЭ (т.44, с.90) среди руководителей марксистских кружков, действовавших в 80-90-е гг. в Харькове и Киеве.

Перазич обучался в Харьковском университете в 1888-1889 учебном году. За участие в подпольной революционной работе среди пролетариата города в 1889 г. вместе с Ю.Мельниковым он был арестован, содержался в харьковской тюрьме по обвинению в распространении вредных государству идей. Из числа студентов университета его исключили сразу же после получения там уведомления об аресте⁷. В дальнейшем В.Перазич был выслан за границу.

Там он поступил на медицинский факультет Венского университета, где продолжил свое образование. Вместе с тем он не прекращал и революционную работу, стремился поддерживать связи с товарищами из Харькова и российскими эмигрантами. Установив связи с группой Г.В.Плеханова, он занимался переводами марксистской литературы на сербский язык. Состоя в переписке с Г.В. Плехановым, В.Перазич "обменивался с ним мнениями", "не всегда, впрочем, во всем соглашаясь с ним"⁸.

Известно, что в 1894 г. на Украине работала учительницей родная сестра В.Перазича Елизавета, которая "по-видимому, по поручению своего брата, находившегося в то время за границей", поддерживала связи с причастным к революционному движению Ф. Майером и другими⁹. Елизавета в те годы сама находилась под негласным надзором полиции как политически неблагонадежная. В черные списки властей она попала из-за своих постоянных перемещений из губернии в губернию. А ее брат, хотя он и был выслан из страны, тем не менее продолжал считаться одним из самых опасных для империи людей. Имя В.Перазича вошло в список политических эмигрантов, которых власти хотели заманить в Россию, чтобы навсегда покончить с их революционной деятельностью. В архиве украинского писателя и общественного деятеля М. Павлыка хранится письмо из Лондона от Е.Лазарева, датированное 11 декабря 1894 г., в котором этот эмигрант приводит текст инструкции киевского жандармского генерала Новицкого своему агенту в Галиции на случай появления там кого-либо из этого списка. Среди тех, кого было бы желательно "добыть" в Россию, значатся такие известные именаревolucionеры, как Бурцев В.Л., Дебагорий-Мокриевич В.К., Маслов-Стокоз В.П., сам Лазарев Е., В.Пера-

зич, о котором писалось, что он воспитывался в Харькове, имел болгарский паспорт, изучал способы приготовления взрывных снарядов¹⁰.

Черногорским студентом, его деятельностью в России интересовались и из Вены. Осенью 1891 г. австро-венгерский посол в Петербурге делал по этому вопросу запрос в МИД России. В Азиатском департаменте внешнеполитического ведомства решили особенно не распространяться относительно конкретной деятельности В.Перазича в Харькове. Сверху было дано указание "составить ответ австро-венгерскому послу в туманном смысле", что и было сделано¹¹.

В.Перазичу удалось вернуться в Россию еще до революции 1905-1907 гг. и вновь заняться революционной работой. В дальнейшем он принял участие и в Октябрьской революции.

С участия в "студенческих беспорядках" в Харькове в 1899 г. началась революционная деятельность учившегося в горном институте серба Драгутина Поповича, так же как и В.Перазича, вернувшегося к революционной работе в России. Видным деятелем югославского рабочего движения стал также студент Харьковского университета Вукашин Маркович, муж и соратник пламенной французской революционерки Жанны Лябурб, работавшей и погибшей в годы гражданской войны в оккупированной иностранными войсками Одессе.

Активное участие в борьбе харьковского пролетариата приняли и многие другие выходцы из югославянских земель, работавшие на предприятиях города, а также потомки югославын, переселившихся на Украину в XVIII в.

Одним из основных городов Украины, где наиболее ярко проявилось участие югославын в совместной с нашими соотечественниками борьбе с самодержавием, была во второй половине XIX - начале XX вв. Одесса. С 60-х гг. XIX в. в городе находили убежище многие югославянские политические эмигранты, бежавшие от преследований на родине. Некоторое время здесь жил герцеговинский воевода Лука Вукалович.

с важной прокламацией к своим соотечественникам, в которой призывал их объединиться для успеха дела освобождения от турецкого ига¹². Примерно в эти же годы в Одессу несколько раз приезжали эмиссары Гарибальди для ведения пропаганды среди местного населения и учившихся в городе югославын и болгар. Иван Пичета, отец известного ученого-слависта В.И.Пичеты, вспоминал, что во время его учебы в Одессе один из гарибальдийцев - Вранешевич - подружился с их воспитателем пансиона И.Левичким и часто "за-

ходил к нам для политических бесед, а чтобы это не бросалось в глаза, выразил желание обучать нас безвозмездно итальянскому языку"¹³. Затем в пансионе появился товарищ Вранешевича Секулич, называвший себя австрийским эмигрантом. Оба серба как борцы за свободу славян пользовались большим доверием у обучавшихся.

В конце 70-х гг. XIX в. в Одессе действовало несколько народнических кружков и среди них кружок, возглавлявшийся известным революционером Иваном Ковальским. С этим кружком поддерживал связи черногорец Михаил Маркович, учившийся в Сиротинском училище, а затем дававший частные уроки и сотрудничавший в газете "Правда"¹⁴. 30 января 1878 г. И.Ковальский и его товарищи после вооруженного сопротивления на улице были арестованы. В течение 1878-1879 гг. кроме кружка И.Ковальского были разгромлены и другие народнические группы и кружки Одессы. Наиболее видные руководители и члены этих подпольных организаций, такие как И.Ковальский, В.Осинский, С.Чубарев, В.Малинка, И.Бильчанский и другие были казнены¹⁵.

Черногорец М.Маркович присутствовал на суде над И.Ковальским и затем передавал его ход оставшимся на свободе товарищам. О М.Марковиче известно также, что он посещал сходки у В.Виттен и Афанасьевой, был знаком с В.Заславским, руководителем "Южно-русского союза рабочих", входил в кружок Третьякова, был близок с В.Кравцовым из кружка С.Чубарева, оказывал революционерам материальную помощь¹⁶.

24 июня 1878 г. в Одессе после вынесения судом смертного приговора И.Ковальскому состоялась демонстрация протеста народников, молодежи и рабочих, которую власти разогнали войсками. В демонстрации приняли участие и некоторые югославы, в частности М.Маркович. В 1879 г. его самого арестовали и в начале 1880 г. выслали в Архангельскую губернию, откуда четыре года спустя он был отправлен на родину¹⁷.

В этом же 1880 г. как политический заключенный был выслан в Сибирь из Одессы вместе с Г.Кобылинским, П.Владиченко, Венцковской черногорец Георгий Шпадиер¹⁸.

В 90-е гг. XIX в., когда в освободительном движении на смену народникам пришли социал-демократы, Одесса по-прежнему продолжала играть большую роль в развитии революционных связей нашей страны с югославянами. С начала выхода в Сербии первой марксистской газеты "Социал-демократ" в 1895 г. группа А.

Банковича наладила транспортировку ее в Одессу и другие южные города Украины. Одним из агентов, доставлявшим газету, был Илья Джурович, работавший буфетчиком на пароходе "Румянцев". Были и другие курьеры, доставлявшие на Украину югославянам и местным революционерам нелегальную политическую литературу.

В 1904 г. под наблюдение полиции попал серб Петр Леотич, проживавший в Одессе. По сообщению российского генерального консула в Галаце, он имел "преступные сношения с неким Жировым"¹⁹. Как показал царским агентам Попович, хозяин квартиры, где жил Жиров, последний передал в Одессу П.Леотичу "массу брошюр революционного содержания". Полиции удалось установить, что П.Леотич проживал в Одессе с 1901 г., определенных занятий не имел, вел замкнутую подозрительную жизнь, причем "довольно часто выезжал из Одессы за границу"²⁰. П.Леотич совершал также поездки по южным городам Украины, в частности, в 1903 г. побывал в Херсоне. По всей видимости, он являлся связным между революционными группами юга Украины.

В полицейских делах начала века довольно часто встречаются сообщения о конфискации у того или иного курьера различных газет, прокламаций, книг, запрещенных к ввозу в страну. Так, в 1906 г. на пароходе "Сербия", приписанном к Одессе и обслуживавшим порты на Дунае, была обнаружена "преступная антиправительственная брошюра"²¹. В списке конфискованных в южных портах Украины у анархистов-коммунистов изданий в 1912-1915 гг. значатся следующие: "Буревестник" (1907-1910 гг.), "Рабочий мир" (за 1912 г.), "Коммуна" (на сербском языке за 1910 г.)²². Однако нельзя забывать, что и многое из нелегального груза все же находило своего адресата.

С 1900 г. попал в списки "неблагонадежных иностранцев" серб Петр Иванович, в дальнейшем студент Новороссийского университета, активный участник революционного подполья Одессы. Это имя пока совершенно неизвестно современному исследователю-историку. С первых лет учебы П.Иванович принимает участие в различных нелегальных организациях. Одним из его товарищей был студент университета Георгий Сытин, известный по данным полиции в РСДРП под псевдонимом "Жорж" и входивший в состав военной организации²³. В 1907-1908 гг. пропагандистскую работу среди солдат проводили в Одессе большевики, меньшевики, анархисты-коммунисты и представители других антиправительственных сил, входивших тогда в оппозицию. Одесские революцио-

неры издавали специальные листовки для новобранцев, разъясняли солдатам истинные цели самодержавия, стремившегося использовать армию против своего народа. Принимал участие в этой работе и серб П.Иованович.

В 1908 г. в Одессе среди многих нелегальных антиправительственных групп и организаций действовала также и группа анархистов-коммунистов, в которую входили Г.Сытин, П.Иованович, А.Коренецкий, М.Ананченко (он же "Максим"), Д.Зорина и другие. Группа была вооружена и имела свою печать. В марте 1908 г. эта группа направила на имя одесского градоначальника письмо-предупреждение, в котором, в частности, писала: "Все репрессии, принятые вами в разных видах, дошли до своих пределов, чаша переполнена... предупреждаем вас, что если не будут прекращены репрессии против населения Одессы, то анархисты-коммунисты поступят с вами так, как всегда поступали в подобных случаях"²⁴. Более грозного письма градоначальник, видимо, ранее не получал.

На поиск авторов этого предупреждения были брошены значительные силы, и уже через пять дней Г.Сытин, А.Кореневский и П.Иованович были арестованы. В ходе следствия было установлено, что студент Иованович принадлежал к партии социалистов-революционеров и был известен в подполье под псевдонимом "Петр Иованович" как человек, снабжавший организацию оружием. В отношении Г.Сытина было отмечено, что тот входил в военную организацию и был близок к содержавшемуся под стражей военному дезертиру Константину Боневу²⁵.

Какое наказание определили П.Иовановичу и его товарищам, установить не удалось, но доподлинно известно, что этот сербский революционер еще в 1911 г. входил в списки иностранных подданных, подлежащих высылке за границу²⁶. По всей видимости, товарищи помогли ему осуществить побег или прямо из тюрьмы в Одессе, или с этапа. Можно предположить, что П.Иованович, перейдя на нелегальное положение, и в дальнейшем продолжил борьбу с самодержавием в одной из антиправительственных организаций, действовавших на юге Украины.

Подводя итоги изложенному, отметим, что работавшие и учившиеся на Украине югославы приняли непосредственное участие в революционной борьбе масс против самодержавия во многих городах. Более заметным было оно в южных районах Украины, где проживала основная часть югославы. В революционную борьбу были вовлечены

студенты, рабочие, представители интеллигенции, которые оставили значительный след в летописи всероссийского освободительного движения.

- 1 Центральный государственный исторический архив УССР / в Киеве/. Далее ЦГИА УССР. - Ф.419, оп. I, д. 383. Л.2
- 2 Там же. Л.15
- 3 Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983. С.204
- 4 ЦГИА УССР /в Киеве/. Ф. 419, оп. I, д. 2349. Л.1
- 5 Там же. Л.23
- 6 Кон Ф. История революционного движения в России. Харьков, 1929. Т. I. С.197
- 7 Архив внешней политики России МИД СССР. Далее АВПР. Ф. Славянский стол, д. 1760. Л.3
- 8 Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг. М., 1988. С. 47
- 9 Очак И.Д. Сербский революционер Андра Банкович в России и Польше в 1885-1886 гг. - Вестник МГУ. Серия IX. История. № 2. 1961. С.48
- 10 ЦГИА УССР /во Львове/. Ф. 663, оп. I, д. 220. Письмо Е. Лазарева М.Павлыку от 11 декабря 1894 г. Л.21,22
- 11 АВПР. Ф.Славянский стол, д. 1760. Л.1,3
- 12 Уједињена Омладина српска и њено доба 1860-1875. Граја из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 262-267,284
- 13 Пичета И. Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. Харьков, 1911. С. 47
- 14 Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы /1874-1883/. М., 1980. С. 275
- 15 История Украинской ССР в 10 тт. Т.4. К., 1983. С. 416
- 16 Гросул В.Я. Революционная Россия... С. 275
- 17 Рябінін-Скляревський Олександр. З життя Одеської громади 1880-х років. - Записки історико-філологічного відділу ВУАН. кн. 4. 1929. С. 165
- 18 Государственный архив Одесской области. Ф. 5, оп. I, д. 126. Л. 52
- 19 ЦГИА УССР /в Киеве/. Ф.1152, оп. I, д. 278. Л.3. Матвей Мирсов (он же Иван Лопатинский) в 1914 г. был разведным агентом "Союза черноморских моряков", доставлял из Парижа газеты "Моряк", "Рабочий труд" "потемкинцам" в Галац и в Россию.
- 20 ЦГИА УССР /в Киеве/. Ф.386, оп. I, д. 728. Л.3,5
- 21 Там же. Ф. 1152, оп. I, д. 104. Л. 80
- 22 Там же. Ф. 385, оп.2, д. 214. Л.67
- 23 Там же. Ф.оп. I, д. 2274. Л.20
- 24 Там же. Л. 29 25 Там же, Л.21

АЛБАНИЯ В МЕЖБАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
30-х ГОДОВ XX ВЕКА.

К началу 30-х годов XX века фашистская Италия, применяя методы "мирной" политической экспансии, добилась серьезных успехов на пути превращения Албании в свой военно-политический плацдарм на Балканах. После заключения Тиранских пактов и создания под италянским флагом албанской монархии правительство Муссолини предприняло попытку окончательного закрепления зависимости Албании от Италии.

Усиление политического нажима фашистской Италии вызвало обострение итало-албанских отношений, которое переросло в затяжной конфликт и породило в правительственных кругах европейских стран сомнение: быть может албанский Фауст не продал свою душу итальянскому Мефистофелю? Заявления и действия албанского короля Зогу подкрепляли мнение о том, что Албания может пойти на самостоятельные балканские политические комбинации.

Зогу стал усиленно подчеркивать, что албанский вопрос - это не адриатический, а балканский вопрос: он заявлял о стремлении вывести Албанию на общевалканскую арену, включиться в развернувшуюся в тот период деятельность по созданию нового регионального объединения - Балканской Антанты, решать социально-экономические проблемы страны путем соглашения и укрепления дружбы с соседними балканскими государствами.¹ По указанию Зогу албанские представители во главе с советником короля М.Коницей приняли участие в работе общевалканских конференций. Их деятельность направлялась и субсидировалась албанским правительством, в то время как национальные делегации других балканских стран не носили официального характера и на первых порах не пользовались финансовой поддержкой своих правительств.²

Стремясь ослабить политическое давление Рима и в то же время добиться получения в очередной раз его финансовой помощи, феодально-помещичья верхушка Албании во главе с королем пыталась сыграть прежде всего на итало-югославском соперничестве. Зогу не случайно рассматривал в качестве противовеса Италии именно Югославию и союзную с ней Францию. В отличие от других балканских государств,

которые ограничивались лишь декларативными заявлениями в поддержку независимости Албании, Югославия активно занималась албанским вопросом и открыто противодействовала политике фашистской Италии, направленной на превращение Албании в свой протекторат, форпост для дальнейшего наступления на Балканы. Вследствие этого Италия рассматривала Югославию в качестве своего "врага № I" и энергично проводила линию на ее изоляцию и окружение.³

Начиная с 1929 г., доверенные лица албанского короля в официальных беседах с представителями белградского правительства выясняли возможности получения займов, поставок оружия, достаточно определенно указывая на желание Зогу "установить самые тесные отношения с Югославией". "Я не могу сразу же порвать с Италией, - писал Зогу в одном из писем к королю Александру, - я могу лишь постепенно вытеснить итальянцев".⁴ Албанский король давал понять, что не намерен продлевать Тиранский пакт, срок действия которого истекал через полтора года, предлагал заключить торговый договор и конвенцию об экстрадиции.⁵ Характерно, что именно к Югославии обращались и различные эмигрантские антизогистские силы, выступавшие с проектами свержения Зогу и даже создания на базе Черногории и Албании государства под протекторатом Югославии.⁶

"Политическая эмансипация" Албании требовала быстрой и эффективной помощи, однако Югославия, тяжело переживавшая охвативший весь капиталистический мир экономический кризис, была не в состоянии оказать такую помощь. Попытки югославского правительства организовать финансовую поддержку Албании через Лигу наций и Малую Антанту не имели успеха. Западные державы, а вслед за ними и балканские государства проявляли осторожность и стремление к невмешательству, что было косвенным подтверждением их признания приоритета Италии в албанском вопросе.

Турецкое правительство полагало, что для Албании предпочтительнее опереться на Италию, чем на слабую Югославию.⁷ После подписания между Италией и Албанией так называемого 2-го Тиранского пакта Турция оставила идею заключения турецко-югославского союза с целью предотвращения проникновения какой-либо великой державы на Балканы.⁸ Турецкое правительство предпочитало, чтобы Италия укрепляла свои позиции на албанском побережье, а не в Малой Азии.

По существу признало протекторат Италии над Албанией греческое правительство, которое стремилось использовать антиюгославскую политику Италии для усиления своих позиций в регионе. Греция открыто заявляла,⁹ что албанский вопрос - это исключительно адриатический вопрос.

Румынское правительство не одобряло югославскую политику в отношении Албании, опасаясь, что антиитальянские выступления Белграда могут ослабить Малую Антанту, а также повредить румыно-итальянским отношениям. Обеспокоенная попытками Италии создать блок Болгарии, Греции и Турции, Румыния прилагала усилия для привлечения в Балканский пакт Греции и пыталась играть роль арбитра во всех вопросах, вызывавших разногласия между балканскими союзниками.

Болгария, связанная с Италией политически и династически, подерживала итальянскую политику в Албании, а со своей стороны не упускала случая подчеркнуть, что болгаро-албанские отношения развиваются наилучшим образом.¹⁰

В печати балканских государств появлялись высказывания о том, что политика Италии в отношении Албании нацелена вовсе не на утверждение своего влияния на Балканах, а вызвана стремлением не допустить гегемонизма Югославии, которая "понимает лозунг "Балканы - балканским народам" как "Балканы - Югославии".¹¹ Эти обвинения всячески раздувала Италия, активно выступавшая против консолидации балканских стран.

Такая позиция соседних государств вызывала подозрительность и недовольство Белграда. Югославия очень ревниво следила за развитием албано-греческих отношений, помня о притязаниях Греции на области южной Албании.¹² Объектом пристального внимания югославского правительства были связи Албании с Турцией. Турецкое правительство давало понять, что без его участия невозможны кардинальные изменения внутренней и внешней политики Албании.¹³ Несмотря на напряженность албано-турецких отношений, возникшую в 1928 г., когда Албания стала монархией,¹⁴ министр иностранных дел Турции пытался привлечь Албанию к участию в турецко-греческом пакте.¹⁵ Подозрения Югославии вызывала деятельность албанских эмигрантских обществ в Турции, религиозных общин, поддерживавших связи с мусульманской верхушкой Албании.

С большим разочарованием Белград воспринял совместное выступление на Балканских конференциях албанской и болгарской делегаций по вопросу о национальных меньшинствах. Глава албанской делегации в соответствии с инструкциями своего правительства заявил, что проблема национальных меньшинств "остается условием *Sine qua non* для создания Балканского союза".¹⁶ 9 января 1932 г. в Софии албанская и болгарская делегации подписали протокол о взаимной защите национальных меньшинств в Албании и Болгарии, который содержал рекомендации правительствам двух стран как можно скорее заключить двустороннее

соглашение о дружбе, арбитраже и ненападении, а также торговое соглашение.¹⁷ Эта акция имела целью побудить другие балканские государства последовать примеру и заключить соответствующие соглашения, что однако успеха не имело. В Белграде подписание софийского протокола было расценено как пропагандистский жест, поскольку, как подчеркивалось в сообщении югославского пресс-бюро, "всем известно, что в Албании не существует болгарского национального меньшинства, а в Болгарии нет албанского".¹⁸ Не без злорадства югославская печать прокомментировала сообщение болгарского официоза "Знаме" от 18 апреля 1933 г. о насильственном переселении болгарского населения из села Горицы в Албании на неудобные земли, о напрасных надеждах болгарского населения в Албании иметь свои школы и церкви.¹⁹

Позиция, занятая албанской делегацией на Балканских конференциях по проблеме национальных меньшинств, вызывала крайнее недовольство Белграда. Вопрос о положении албанского населения в Югославии был постоянным источником напряженности в отношениях Югославии и Албании. Ни одна из сторон не шла на уступки даже тогда, когда под угрозой оказалась работа Балканских конференций. По поручению Зогу накануне второй Балканской конференции в октябре 1931 г. представитель албанской делегации посетил югославского посла в Тиране. Он много и обстоятельно говорил о тяжелом положении Албании, которую Италия "зажала в тиски", убеждал посла, что единственный выход из создавшегося положения албанское правительство видит "в связях с балканскими государствами и в первую очередь с Югославией". Албанский представитель настаивал, чтобы югославская делегация дала хотя бы формальные обещания по вопросу о национальных меньшинствах, иначе "к радости итальянцев Балканские конференции перестанут существовать, а Албания утонет в итальянских водах, что, очевидно, не отвечает интересам Югославии".²⁰ В Белграде это заявление расценили как попытку Тираны обусловить развитие албано-югославского сотрудничества предварительным выполнением своих требований. Югославскому послу было поручено довести до сведения албанского правительства, что такой подход к вопросу о сотрудничестве между балканскими государствами означает лишь то, что албанские правящие круги "не готовы к нему и не осознают своих подлинных интересов".²¹ Несмотря на категорические возражения Югославии, албанская делегация не только настаивала на обсуждении вопроса о национальных меньшинствах, но и поддержала Бухарестский проект балканского союза, включавший пункт о защите национальных меньшинств.

М.Коница заявил, что ратификация этого проекта всеми балканскими государствами будет означать "большой шаг вперед к созданию Балканского союза".²²

Переговоры о вступлении Албании в Балканскую Антанту велись в условиях нарастания кризиса албано-итальянских отношений, достигшего своей критической точки к концу 1933 г. Интересно отметить, что председатель Лондонского Балканского комитета Э.Бойль, посетивший Тирану в ноябре 1933 г., убеждал албанское правительство помириться с Италией, т.к. именно она является "естественным защитником албанской независимости", что вызвало замешательство албанской верхушки.²³

В связи с резким ухудшением экономического положения Албании, когда чиновники и военнослужащие месяцами не получали зарплату и казалось, что "еще один шаг и произойдет катастрофа",²⁴ албанское правительство попыталось возобновить переговоры с Италией, одновременно предпринимая шаги к активизации экономических связей с балканскими государствами.

Подписанный 20 декабря 1933 г. албано-югославский торговый договор был по существу замаскированной помощью Белграда.²⁵ По условиям договора Югославия брала обязательство ежегодно импортировать албанской продукции на сумму 2,6 млн. золотых франков (маслины, растительное масло, кожу, шерсть, рыбу и т.п.), что позволило бы Югославии стать вторым после Италии торговым партнером Албании.²⁶ Албания предполагала ввозить югославский цемент, стройматериалы, пшеницу, сахар, медикаменты. Другое албано-югославское соглашение, подписанное в мае 1934 г., способствовало развитию приграничной торговли в 15 км зоне, предусматривало открытие автобусной линии между двумя странами.²⁷ Резко увеличилось число приехавших в Албанию югославских торговцев, изучавших возможности тесных экономических связей между двумя странами.²⁸ Заключение договора обратило на себя внимание и вызвало негативную реакцию Италии, особенно в связи с соглашением об открытии в Тиране филиала югославского экспортного банка.²⁹ В дипломатических кругах получили распространения сведения о том, что торговый договор между Албанией и Югославией содержал также секретное приложение в форме военного соглашения, по которому Югославия обязалась оказать помощь Тиране в случае, если Италия нарушит ее суверенитет.³⁰

Одновременно велись албано-греческие переговоры о продлении срока действия торгового договора, подписанного летом 1933 г. на шесть месяцев.³¹

В Риме тем не менее были убеждены, что торговые договоры с балканскими странами не помогут Албании выйти из кризиса в силу однотипного, аграрного характера их экспорта. Однако внешнеполитическая деятельность Албании, ее участие в переговорах, связанных с подготовкой балканского союза, вызывало опасения и недовольство итальянских политиков. Учитывая позицию Италии, Греция, Турция и Румыния, вопреки мнению Югославии, настояли, чтобы Албания не была приглашена участвовать в формировании балканского гарантийного блока, хотя он и провозглашался открытым для присоединения Албании и Болгарии.³² По этому поводу М.Коница выступил с заявлением, в котором подчеркивалось, что албанское правительство было готово принять этот пакт, но четыре балканских государства предпочли подписать его без Албании.³³ Газета "Ватра" от 1 апреля 1934 г. сообщила, что поскольку Албания не была приглашена к подписанию Балканского пакта, то она отказывается участвовать в работе Балканских конференций.³⁴ На страницах албанской правительственной печати появились тенденциозные высказывания о Балканском пакте.³⁵ Хотя еще в январе 1934 г. пресса сообщала заявления официальных албанских представителей о желании Албании присоединиться к Балканскому пакту, уже вскоре после его подписания министр иностранных дел Албании Д.Вила в беседе с болгарским послом в Тиране заявил, что албанское правительство не придавало никакого политического значения Балканскому пакту.³⁶

Молчаливое признание странами Балканского пакта итальянских прав на Албанию содействовало торжеству политического курса Рима, добивавшегося полной капитуляции албанского короля.

Правительство Зогу не сумело справиться с экономическими трудностями (пик экономического кризиса в Албании пришелся на 1934 г.). Экономическое положение страны достигло критического состояния. Югославия не смогла обеспечить импорт албанской продукции в размерах, предусмотренных торговым соглашением: за год импорт составил лишь 60 тысяч золотых франков.³⁷ Югославский экспортный банк практически бездействовал. Сопrotивление Тираны в конфликте с Римом пошло на убыль: Зогу сдавал одну позицию за другой. Чтобы придать "новый импульс" этому процессу, Италия ввела против Албании экономические санкции, а летом 1934 г. в качестве демонстрации силы направила военную эскадру на рейд Дурреса. Эта мера, отмечал военный атташе югославской дипломатической миссии в Тиране, "должна была в корне присечь любую албанскую попытку приближения к Балканскому пакту, который Италия с самого начала

рассматривала как инструмент югославской внешней политики, направленный против итальянского влияния на Балканах".³⁸

Италия потребовала, чтобы в будущем Албания по всем внешнеполитическим вопросам занимала позицию идентичную итальянской.³⁹ Албания больше не поднимала вопрос о членстве в Балканском пакте, т.к. этого не желала Италия. Когда осенью 1934 г. заместитель министра иностранных дел Югославии на заседании Балканской Антанты в Анкаре предложил пригласить Албанию для участия в Балканском пакте, это предложение, поддержанное Румынией, не было принято из-за сопротивления Греции.⁴⁰ Со своей стороны глава албанского правительства М.Фрашери заявил югославскому послу в Тиране, что Албания не заинтересована в присоединении к Балканскому пакту, т.к. это нанесло бы ущерб ее политическому и экономическому положению, осложнив ее отношения с Италией.⁴¹

Несмотря на заявления Зогу о том, что он и далее остается приверженцем политики сотрудничества с балканскими народами, для правящих кругов балканских государств было очевидно, что капитуляция Албании перед Италией неминуемо ведет к отказу Зогу от балканской политики.⁴² Усиление зависимости Албании от Италии в значительной степени ограничивало возможности политики Югославии в отношении Албании.

При внешне хороших отношениях между Албанией и Югославией представители югославской дипломатической миссии в Тиране ощутили усиление контроля со стороны албанских властей.⁴³ В очередной раз вспыхнула полемика по вопросу об албанском населении в Югославии. Зогу выдвинул требования, направленные на сохранение албанским населением в Югославии своего языка, национального самосознания.⁴⁴ Большое недовольство Белграда вызвал отказ Тираны принимать переселенцев из Косова.⁴⁵

Таким образом, попытка Тираны в начале 30-х гг., используя балканский фактор, ослабить свою зависимость от Рима, закончилась неудачей. Ставка на Югославию, политика которой объективно тормозила процесс закабаления Албании фашистской Италией, реальных результатов не принесла в виду ограниченных возможностей Белграда и отсутствия поддержки соседних балканских государств, которые заняли позицию молчаливого наблюдателя.

I Дипломатски архив Савезног секретарјата за иностране послове (далее ДАССИП), збирка В.М.Јовановића, фас.19; Посланство у Лондону (далее ПЛ), 1931, фас.1, № 427.

- 2 ДАССИП, Посланство у Турској (далеко ПТ), 1931, фас.14, № 87.
- 3 Смирнова Н.Д. Политика Италије на Балкану. 1922-1935 гг. Очерк дипломатическој историји. М., 1979. С.98.
- 4 ДАССИП, збирка В.М. Јовановића, фас.19, 9.2.1929, 13.2.1929.
- 5 Там же.
- 6 ДАССИП, ПЛ, 1927, фас.1, № 176.
- 7 Там же, Посланство у Паризу, 1928, фас.1, № 345.
- 8 Там же, ПТ, фас.10, № 375.
- 9 Там же, збирка В.М. Јовановића, фас.19.13.2.1929.
- 10 Там же, ПЛ, 1931, фас.1, № 197; 1933, фас.1, № 97.
- 11 Там же, ПТ, 1931, фас.14, № 381; 1932, фас.16, № 91.
- 12 Там же, збирка В.М. Јовановића, фас.158, прилог У.
- 13 Там же, ПТ, 1931, фас.14, № 381.
- 14 Fischer V. King Zog and the Struggle for Stability in Albania. N-J, 1984 P.148.
- 15 Смирнова Н.Д. Ук. соч. С.231; ДАССИП, ПТ, фас.18, № 276.
- 16 Geshkoff T. Balkan Union. A road to Peace in Southeastern Europe. N-J, 1940, P.101.
- 17 ДАССИП, ПЛ, 1932, фас.1, № 105.
- 18 Там же.
- 19 Архив Југославије (далеко АЈ), ф.38, фас.108, а.е. 246.
- 20 ДАССИП, ПТ, 1931, фас.14, № 389.
- 21 Там же.
- 22 Geshkoff T. Op.cit. P.197.
- 23 ДАССИП, ПЛ, 1934, фас.1, № 15.
- 24 АЈ, ф.30, А-П-СРВ/3-С 8.9.1933; 14.9.33.
- 25 Campus E. The Little Entente and the Balkan Alliance. Bucuresți, 1978. P.73.
- 26 Vatra, 13.3.1934; АЈ, ф.30, А-П-СРВ/3-с 23.1.1934.
- 27 Fischer V. Op.cit. P.220.
- 28 Смирнова Н.Д. Ук. соч. С.232; АЈ, ф.30. А-П-СРВ/3-с 23.1.1934.
- 29 ДАССИП, ПЛ, 1934, фас.11, № 200.
- 30 Fischer V. Op.cit. P.228.
- 31 ДАССИП, ПЛ, 1933, фас.11, № 713.
- 32 Кузманова А. Балканската политика на Румунија. 1933-1939. Софија, 1984. С.51; ДАССИП, ПЛ, 1934, фас.1, № 108.
- 33 АЈ, А-П-СРВ/3-с 11.7.1934.
- 34 Vatra, 1.4.1934, Avramovski Z. Balkanska antanta. Beograd, 1986. S.179-180.
- 35 Vatra, 4.3.1934; 8.3.1934; 19.3.1934.
- 36 ДАССИП, ПЛ, 1934, фас.11, № 200; Централен државен исторически архив на НРБ, Софија, ф.176, оп.6, а.е.23161 1.3.1934.

- 37 Fischer B. Op.cit. P.228.
- 38 АЈ , ф.30, А-П-СРВ/З-с 20.10.1935.
- 39 Fischer B. Op.cit. P.224.
- 40 Манчев К., Бистрички В. България и нейните съседни.
1931-1939. София, 1978.С.107.
- 41 ДАСИП, П Л, 1935, фас.І, № III7.
- 42 Там же, 1936, фас.І. № 77.
- 43 Там же, 1936, фас. VI, № 713.
- 44 Там же, ПТ, 1935, фас.2I, № 682, с.2.
- 45 Там же, № 595.

ГРЕКИ СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Рост национального самосознания народов СССР, который отмечается в последнее время, стал одной из характерных черт новых политических и социальных процессов в нашей стране. Обращение многих народов к своей истории, национальному языку и традициям вполне закономерно. Это явление отмечается как среди коренных наций и национальностей СССР, так неавтохтонных народов, живущих на нынешней территории СССР. Среди них – советские греки, чья численность ныне достигает 344 тыс.¹. История их переселения, их развитие в новое и новейшее время пока не стали предметом отдельного научного исследования. История греков Северного Причерноморья, побережья Азовского моря и Советского Закавказья еще не написана². Поэтому данная статья является лишь первой попыткой в исследовании этого сложного вопроса. В то же время история и культура греческого населения в межвоенный период является интересной и значимой как с научной, так и политической точки зрения.

К 20-м годам XX в. существовало четыре исторически сложившихся центра расселения греков: одесский (с центром в г.Одессе), мариупольский (с центром в г.Мариуполь), северокавказский и цалкский (Цалкский район Грузии)³. Переселенческая волна греческих беженцев – жителей Южного Причерноморья из Турции в 1918 г. увеличила греческую диаспору указанных районов.

Как в смысле национального самосознания, так и в языковом отношении существовали определенные различия, вызванные особенностями этого расселения. В Цалкском районе, в результате смешения этнических элементов греков, грузин, армян, курдов, ассирийцев образовалась новая этническая общность – урумы, сохранившая греческое самосознание и говорившая на цалкском диалекте новогреческого языка⁴. Остальные три группы восприняли самоназвание "ромейос" и говорили на трех различных (и нередко очень далеких друг от друга) языках. В районе Крыма и части, близкой к Одессе – на димотике. На Украине (с центром в г.Мариуполе) – на мариупольском диалекте. В большинстве районов Черноморского побережья,

за исключением уже названных – на понтийском диалекте. Некоторая часть греков Приазовья, из числа тех 32 тыс., вывезенных А.Суворовым еще в 1778 г. из Крымского ханства, говорили на крымском диалекте татарского языка. К началу описываемого периода греческое население, хотя и объединялось общим названием "греки-понтийцы", на самом деле представляло собой достаточно пеструю картину в этническом и языковом плане. Изменения в социально-экономическом и культурном облике греков СССР, произошедшие в 20-е – 30-е годы, отражали в общем характер процессов, происходивших в стране. В довоенном периоде развития греческого населения СССР можно выделить два условных этапа. Первый, или подготовительный, с начала 20-х годов до 1928 г. Он охарактеризовался оживлением культурной, общественной и экономической жизни советских греков, завершившись созданием греческой культурно-административной автономии в районах их компактного проживания (южные части УССР и РСФСР). Второй этап – с 1928 по 1936 гг. – это развитие, с одной стороны, национальных автономных районов, с другой, – усиление межрегиональных национальных связей греческого населения СССР, проявившееся, прежде всего, в экономике и культуре. Принятие новой Конституции СССР в 1936 г. завершило этот процесс.

Специфика первого этапа заключалась, как уже говорилось выше, в активизации различных аспектов жизни греков. Главной задачей государственной политики в области национальных отношений стало привлечение внимания к созданию экономических и культурно-просветительных центров в районах компактного проживания греческого населения. Работа велась по трем основным направлениям: развитие национальной греческой периодической печати как инструмента пропаганды и просвещения; создание национальной греческой сети просвещения (школы, пединституты) и культурных учреждений (клубы, театры и музеи), интенсификация экономической жизни греческого населения. При областных комитетах Коммунистических партий некоторых республик, а также Исполнительных Комитетах были созданы специальные греческие секции, занимавшиеся этой работой. При Аджарском областном комитете Компартии Грузии был образован в 1922 г. печатный орган – газета "Коммунистис", издававшаяся в Батуми на димотике тиражом от 500 до 1500 экземпляров в разное время. В 1924 г. был создан орган политотдела Национальных меньшинств Кубанско-черноморского областного комитета РКП(б) газета "Алития", издававшаяся в г.Краснодаре также на димотике. 10 февраля 1925 г. на встрече редакторов газет и гре-

ческих коммунистических секций Северо-Кавказской области в г. Ростове было принято решение о создании в Ростове Бюро греческих секций, а также об объединении газеты "Коммунистис" и "Али-тия" в одну, с местом издания в г. Краснодаре⁵.

По инициативе газет, превратившихся в координаторов культурно-просветительской деятельности греческого национального меньшинства, в 1925 г. было выдвинуто предложение о созыве под эгидой греческой секции КП(б) Аджарии съезда учителей для обсуждения вопросов создания единой программы на основании государственной программы городских и сельских школ, выбора комитета по переводу программ и учебников на греческий язык⁶.

Ситуация, сложившаяся с образованием греков в СССР к 1925 г. представляла следующую картину. В РСФСР существовало свыше 60 греческих школ⁷. В Абхазии к 1927 г. из 257 школ 54 были греческими⁸. Уровень грамотности греков РСФСР достиг к 1926 г. 51,2% (среди мужчин - 60,4%, а среди женщин - 42,1%), (в то время как в 1923-1924 гг. он не превышал 32-35%)⁹. Общий же процент грамотности населения СССР составлял в 1926 г. 57%¹⁰. Вплотную к вопросу национального образования греков СССР примыкала проблема языка греческого населения. Однако если в самой Греции в этот период (в 20-х и 30-х гг.) основная борьба развернулась между сторонниками кафаревусы и димотики, стремившимися закрепить за каким-либо одним из этих стилей право на общенациональный язык, то в СССР греки ставили вопрос иначе. Соперничали 3 основных направления. Первое выступало за то, чтобы объявить равными и приемлемыми в литературе три большие диалекта - мариупольский, понтийский и демотику одесского района. Сторонники второй точки зрения стремились выделить из трех диалектов один в виде основного, базового, для развития литературного языка всех греков СССР. И, наконец, третье направление выдвинуло программу максимального приближения письменного языка к устному, ввиду чего предлагалось принять меры по выработке нового греческого алфавита, который смог бы отразить все особенности языка греков СССР. Для решения этого сложного вопроса, а точнее - для выработки методик и подходов к его решению в 1926 г. был создан Центральный Комитет Нового Алфавита (ЦКНА), разместившийся в Москве и объединивший исследовательскую работу филологов-специалистов по новогреческому языку и литературе Москвы и Ленинграда. Было принято решение об изучении диалектов греческого языка на территории СССР. Со всей полнотой орфографическая реформа проявилась

уже в 1927 г. в органе Греческой секции Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) газете "Коммунист".

Широкое развитие начинает получать и такая организационная форма просвещения как музейное дело. Согласно решению Президиума Всеукраинского Комитета от 19 января 1926 г., а позже и наркомпроса Украины при музее г. Мариуполя открылась греческая секция. В соответствии с решением Народного комиссариата просвещения Украины, начиная с 1927 г. и далее должны были выделяться 20 тыс. рублей для нужд греческой секции музея¹¹. Немалое значение при этом начинает приобретать и такая форма общественно-просветительской работы среди греческого населения как создание клубов и драматических кружков. Практически на всем Черноморском побережье СССР были созданы такие объединения.

Оживление экономической жизни в СССР, намечившееся после провозглашения новой экономической политики на X съезде ВКП(б) в 1921 г. внесло в хозяйственно-экономическую жизнь греков существенные изменения. Активно начала развиваться кооперация в сельском хозяйстве, мелкой кустарной промышленности. Достаточно широко начала развиваться такая форма кооперирования как артель. В сельскохозяйственных районах Ставропольского края, начиная с 1923 г. получила развитие такая форма кооперации как потребительское общество. Экономическое развитие сельского греческого населения советского Черноморья характеризовалось по данным за 1923-1927 гг. устойчивым ростом как в выращивании сельскохозяйственных культур, так и скотоводстве¹². В то же время намечилось социальное расслоение сельского греческого населения с общей тенденцией уменьшения в абсолютных числах беднячества и малоимущих за счет перехода в разряд середняков. В процентном отношении (на примере греческих сел юга Украины) картина была следующей. В 1926 г. 26,67% составляли бедняки, имевшие доход на человека в размере 18 руб., 39,86% - малоимущие с доходом на человека 39 руб., середняки - 25,14%, имевшие доход в размере 65 руб. на человека, 8,22% составляли зажиточные (до 150 руб. на человека) и богатые - 0,09% (свыше 150 руб.)¹³. К 1927 г. ситуация существенно изменилась как благодаря государственным мероприятиям в отношении регулирования социальной структуры, так и новым тенденциям в экономике Советского Союза прежде всего из-за начавшейся, провозглашенной на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. индустриализации. Таким образом к 1927 г. количество бедняков в описываемых районах Украины среди греческого населе-

ния составило 18,22%, малоимущих - 41,77%, середняков - 32,35%, зажиточных - 7,64%¹⁴. Процесс перемещения сельского населения в города, вызванный индустриализацией страны имел специфические особенности для многих народов и национальностей СССР. Для греков он выразился в сохранении связей с сельским хозяйством. Структура расселения греческого населения на Украине представляла собой достаточно однозначную картину. Из 104.666 тыс. человек 10.763 тыс. жили в городах, а остальные 93.903 тыс. человек - в сельской местности. Причем основная масса жила на побережье Азовского моря - округов Мариуполя и Сталино (ныне г. Донецк) - 33.501 тыс. человек. Практически в этих районах проживало 97.739 тыс. греков, то есть 93% всего греческого населения Украины. Остальные 6.827 тыс. были разбросаны по другим республиканским районам¹⁵.

Компактность расселения и активизация культурной, общественной и экономической жизни во многом предопределили возможность создания культурно-административной автономии районов, где греческое население являлось подавляющим большинством.

Исходя из всех вышесказанных предпосылок, Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет УССР принял в первой половине 1928 г. постановление об организации трех автономных греческих районов со своей администрацией, хозяйственными и партийными органами. Так начался второй этап развития культурной, экономической и общественной жизни греков СССР, который условно можно датировать с 1928 г. по 1936 г. (до принятия новой Конституции СССР). Отличительной его особенностью стало усиление активности различных сторон жизни советских греков в контексте создавшейся культурно-административной национальной автономии. Наиболее ярко это проявилось прежде всего в вопросах культуры: языке, литературе и образовании. В хозяйственной сфере процесс был несколько сложнее, хотя и в нем отразились характерные для того времени черты.

Основным направлением в языковом вопросе стало проведение реформы, в соответствии с программой, начало которой было положено еще в 1926 г. На проведенной в начале июня 1928 г. I-ой Всекрымской конференции национальных меньшинств греческая секция конференции поддержала переход на орфографию, максимально приближенную к фонетике¹⁶. С аналогичными заявлениями в поддержку реформы выступили греческие общины во многих городах СССР. 19 мая во многих греческих школах отмечалась 2-ая годовщина ре-

формы языка¹⁷. Одновременно продолжалась выражаться озабоченность тем обстоятельством, что часть греческого населения начала отказываться от своего национального языка, предпочитая говорить или на греко-русско-татарской смеси или вообще на одном из языков народов, среди которых жили¹⁸. Эта тенденция, в совокупности с тем, что 37% греков Азовского побережья говорила на татарском¹⁹, делало языковую проблему одним из важных компонентов развития греческого населения СССР в целом. Достаточно активное участие в обсуждении "языкового вопроса" приняло население Северного Кавказа, Грузии и Украины. На конференции представителей греческих школ Крыма прозвучали отчетливые заявления в поддержку димотики²⁰. В то же время среди греческой интеллигенции ряда районов Черноморья получили распространение идеи об особой понтийской культуре, о превалировании понтийского диалекта над всеми остальными. Для проведения систематической работы по данному вопросу и изучению положения на местах ЦК Нового Алфавита направил летом 1933 г. филологическую экспедицию в районы компактного проживания греков Черноморья. До этого полевую работу по изучению языка и культуры проводила лишь греческая секция музея г. Мариуполя, которая, начиная с 1930 г., вела запись на фонограф местного диалекта, а также песенного фольклора, записав лишь за I год около 500 различных песен греческого населения Азовского района. Эта же секция занималась сбором словаря греков Приазовья²¹. Важное значение языковой вопрос имел для национальной греческой публицистики. С 27 ноября 1930 г. начала выходить новая газета - "Колехтивистис", с июня 1932 г. - "Кокинос капнас", с I сентября 1937 г. она была переименована в "Комунистис". С 1930 г. выпускалась газета "Болсевикос". С марта 1934 г. начался выпуск литературного альманаха "Неон Зои". Заботу об издании материалов на мариупольском и понтийском диалекте, а также и димотике взяли на себя два издательства - харьковское "Центриздат" и мариупольское "Комунистис". Отличительной чертой развития литературы греков СССР в период 1928-1936 гг. стали как количественные показатели, так и тематическая широта тем. Следуя статистическим данным, можно отметить, что с 1917 г. по 1926 г. было издано всего 2 книги на греческом языке в СССР, с 1926 г. по 1929 г. - 30, с 1930 г. по 1931 г. - 133, а с 1932 г. по 1936 г. - 371 книг²². Среди писателей и поэтов, принявших активное участие в развитии художественной литературы греков СССР в 20-

30 гг. были Х.Качалов, Г.Фотиадис, С.Амантов (Агелатос), Н.Стефанидис, Ф.Канонидис. С целью распространения литературных достижений и развития греческой национальной журналистики в ноябре 1935 г. начала действовать греческая секция радиостанции Одессы, выходящая в эфир три раза в неделю на волне 309,9 м с новостями о жизни греков Крыма, Украины и Северного Кавказа.

С целью развития культуры и образования греческого населения большее значение стало придаваться созданию национальных школ, пединституты, кружков по ликвидации неграмотности. Положение в этом вопросе оставалось тревожным вплоть до первой трети 30-х годов. Неграмотность населения в автономных греческих районах составляла 15%, из них 2/3 были греки²³. В то же время существовали и успехи. В 1929 г. в ВУЗах и техникумах страны (не считая чисто греческих национальных заведений) училось около 500 человек²⁴. В том же 1929 г. в РСФСР существовало 90 средних греческих школ, принявших свыше 5 тыс. детей школьного возраста²⁵. В Абхазии к 1936 г. насчитывалось 79 греческих школ²⁶. В автономных греческих районах к 1933 г. существовало 26 школ и средних специальных заведений, где преподавание шло на греческом языке и 10 — для греков, для которых был родным татарский язык²⁷. К 1935 г. в греческом автономном районе РСФСР было осуществлено всеобщее начальное обучение, подготовлены условия для 7-летнего всеобуча и начало 10-летнего обучения в районе. К 1930 г. в этом районе существовало 16 школ для начального обучения с количеством учеников в 1140 человек²⁸. В 1935 г. начальных школ было уже 24; 5 неполных средних и одна средняя, с общим количеством учащихся 3760 человек²⁹. Греческие отделения были созданы в педтехникумах большинства южных районов Украины, РСФСР, Черноморья. Велась работа по повышению квалификации учителей греческих школ.

Культурная жизнь греческого населения СССР была тесно связана с его хозяйственно-экономической активностью, особенно в созданных автономных культурно-административных районах. Учитывая тот факт, что основная масса греков Советского Союза проживала, в основном, в сельскохозяйственных районах, перемены, происходившие в сельском хозяйстве страны в целом, коснулись достаточно серьезно и греков. Период 1928-1936 гг. в этом отношении был сложным. Наметившиеся в экономике СССР серьезные диспропорции между темпами промышленного развития и уровнем сельскохозяйственного производства требовали усиления аграрного секто-

ра. Как выход из создавшейся ситуации тогдашним партийно-государственным руководством страны выдвигался план коллективизации сельского хозяйства, создания, своего рода, "сельской индустрии" через объединение хозяйств мелкого и среднего крестьянства, а также беднячества и ликвидации хозяйств зажиточных крестьян. Следует отметить, что наметившаяся еще в середине 20-х годов тенденция к увеличению доли середнячества и сокращению бедных крестьянских хозяйств к началу 30-х годов приостановилась. Социальная структура греческого сельского населения Черноморья и Азовского побережья представляла собой в приблизительном исчислении следующую картину: 50,7% - бедняки; 34,24% - середняки; 0,91% - батраки; 14,15% - зажиточные семьи. К 1930 г. на Украине было коллективизировано около 29% хозяйств греческого населения³⁰. Завышенные темпы коллективизации привели к тому, что в 1931 г. доля колхозного сектора составила уже 82,4%³¹. В то же время обнаружилось большие задолженности греческих сельсоветов по поставкам сельскохозяйственной продукции. Так в греческих сельсоветах Ялты выполнилось только 7,1% производственных заданий, Гурзуфе - 19,6%, Сартане - 9,0%, Чарманлыке - 98,4%, Келеровке - 50%³². Сократилось поголовье скота, возникли трудности с традиционной сельскохозяйственной культурой - табаком. Как и на многих других народах, на греках СССР сказались и массовые репрессии в конце 30-х годов. Автономия греков постепенно сошла на нет, были закрыты издания на греческом языке, средние школы и отделения педтехникумов.

Говоря в целом о развитии греческого населения СССР, следует отметить, что межвоенный период был одним из важных этапов в жизни советского эллинизма и выразил все характерные черты национально-государственного строительства неавтохтонных народов нашей страны. В социально-экономическом отношении для него были присущи общесоюзные тенденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С.207.
- 2 О начальном периоде расселения греков в России и южных районах Российской империи в XVIII - первой половине XIX вв. См. Аветидис К.Г. Прогрессивная греческая эмиграция. Киев, 1987; Дружинина В.И. Южная Украина. 1800-1825 гг. М., 1970.
- 3 Предложенная нами классификация более полно учитывает региональные особенности греческого населения.

- 4 Об урумах - см. Пашаева Д.Б. Семья и семейный быт цалкских урумов. Автореферат дис. на соискание отепени канд. ист.наук. Тбилиси. 1972. С.8, 9. О греках Грузии см. - Михайлова М.А. Культура и быт греков Грузии. Автореферат дис. на соискание степени канд.ист.наук. Тбилиси, 1983.
- 5 Αληθεια, 25.2.1925.
- 6 Κορυνιστής, 14.8.1923.
- 7 Κορυνιστής, 7.9.1929.
- 8 Κορυνιστής, 7.9.1937.
- 9 Κορυνιστής, 7.9.1929.
- 10 Польячих П.Г. Население СССР. М., 1961. С.117.
- 11 Κορυνιστής, 7.7.1928.
- 12 Κορυνιστής, 3.6.1928.
- 13 Κορυνιστής, 3.6.1928.
- 14 К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить аналогичную статистику для районов РСФСР, Северного Кавказа и Грузии.
- 15 Κορυνιστής, 26.8.29Всего на территории СССР в его границах на момент переписи 1926 г. жило 213,8 тыс. греков // Современны этнические процессы в СССР. М., 1977. С.488. Таким образом на Украине жило 48,9% всех греков СССР.
- 16 Κορυνιστής, 12.6.1928.
- 17 Κορυνιστής, 7.7.1928.
- 18 Κορυνιστής, 28.10.1928.
- 19 Κορυνιστής, 26.5.1929.
- 20 Καλεχτιβιστής, 5.9.1931.
- 21 Καλεχτιβιστής, 15.9.1934.
- 22 Κορυνιστής, 7.9.1929, 6.5.1934, Κοκτινοσ καπνοσ, 22, 29.7.1936.
- 23 Κορυνιστής, 9.10.1934.
- 24 Κορυνιστής, 7.9.1929.
- 25 Στέ Γδιο.
- 26 Κορυνιστής, 7.9.1937.
- 27 Κορυνιστής, 8.6.1933.
- 28 Μπολσεβικοσ, 14.1.1935.
- 29 Κορυνιστής, 9.1.1930.
- 30 Καλεχτιβιστής, 5.2.1931.
- 31 Καλεχτιβιστής, 21.3.1933.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ АНТИФАШИСТСКОЙ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ : ИХ ВЛИЯНИЕ НА
ФОРМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТ-
РОЙСТВА БАЛКАНСКИХ СТРАН

В работах западных историков существует глубоко укоренившееся представление, что присутствие освободительных армий - англо-американских на Западе, Советской Армии на Востоке Европы - оказало решающее воздействие на природу тех режимов, которые образовались в соответствующих странах после войны. Причем, утверждают, что в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, то есть там, где были советские войска, это внешнее влияние зачастую было более сильным, чем политические устремления участников антифашистской освободительной борьбы.

Действительно ли это было так? Исторический опыт становления новой государственности в странах Балканского полуострова свидетельствует о том, что характер власти определялся внутренними условиями развития той или иной страны, особенностями намечавшихся или происходивших там социально-политических процессов, наконец, классовым размежеванием сил на заключительном этапе освобождения. Что же касается освободительных армий, то на сам процесс становления новой демократической власти вооруженные силы Советского Союза /а только они и участвовали в освобождении некоторых балканских стран, английские же войска вошли в Грецию после освобождения страны силами внутреннего Сопротивления/ не оказали существенного влияния. Можно говорить о том, создавала или нет та или иная военная администрация условия для наиболее полного искоренения фашизма, для восстановления или установления демократических прав и свобод, но не более того.

Примером может служить развитие событий в Албании, Греции и Югославии, где к моменту освобождения этих стран уже сложились органы народного самоуправления. Причем, Советская Армия не могла осуществлять воздействие на эти органы хотя бы потому, что в Албании и Греции ее не было, а в Югославию она вступила на заключительном этапе войны и после выполнения освободительной миссии покинула ее пределы, основываясь на соглашении, подписанном командованием вооруженных сил обеих стран.

Освободительное движение в этих трех странах развивалось

по одному типу. Оно было массовым, общенациональным, что подтверждалось созданием народных или национально-освободительных фронтов. Коммунистические и рабочие партии занимали ключевые позиции в руководстве фронтов и выступали наиболее последовательными борцами за освобождение и за национальное возрождение на демократической основе. Широкий союз антифашистских сил позволил создать оптимальные условия для прогрессивного развития всего общества, слить в единое целое борьбу за уничтожение фашизма с борьбой за демократию, найти правильное сочетание форм и методов разрешения национально-освободительных и социальных задач. Однотипной была также система народовластия, складывавшаяся на освобожденных территориях.

Известно, что освободительное антифашистское движение началось в этих странах вскоре после оккупации. В апреле 1939 г. в Албании, в апреле-мае 1941 г. в Греции и Югославии было сломлено сопротивление регулярных армий этих стран. Однако, настроения в гуще народной свидетельствовали об огромном антифашистском потенциале энергии, готовой вырваться наружу при первом благоприятном стечении обстоятельств. Акты саботажа на промышленных предприятиях и рудниках, работавших на удовлетворение военной промышленности фашистских государств, сокрытие крестьянами продовольствия от оккупационной администрации, антифашистская пропаганда — вот те формы борьбы, которые применялись в первые месяцы после установления оккупационных режимов в Албании, Греции и Югославии. В Греции особенный акцент в этот период делался на сопротивление систематическому разграблению страны, которое привело к голоду и массовой смертности среди населения.

Но уже тогда наиболее радикальные антифашистски настроенные силы общества видели выход в вооруженной борьбе. В Албании несколько небольших партизанских отрядов действовали в горных местностях со времен итало-греческой войны. В мае 1941 г. на совещании краевых представителей КПЮ была поставлена задача ориентации народных масс на борьбу за национальное и социальное освобождение. 31 мая того же года греческая компартия призвала к созданию народного фронта борьбы против чужеземного ига и выдвинула лозунг национально-освободительной борьбы.

Важнейшим внешним фактором, явившимся катализатором борьбы за освобождение всех народов Европы, стало громадное расширение антифашистской базы после начала Великой Отечественной

войн советского народа. Осознание общности целей и взаимозависимости усилий всех народов, поднявшихся на сопротивление фашизму, пришло на Балканы в первые же дни после нападения Гитлеровской Германии на СССР. "Нашу борьбу за национальное освобождение мы должны тесно связывать с героической борьбой народов Советского Союза, славного авангарда в борьбе против фашизма", — призывали в своих листовках албанские коммунисты. В Югославии уже 22 июня 1941 г. Политбюро ЦК КПЮ рассмотрело положение, создавшееся в связи с фашистской агрессией против Советского Союза. В воззвании к народам Югославии коммунисты заявили о солидарности с СССР и призывали к вооруженной борьбе против оккупантов. Организационные меры — создание Главного штаба народно-освободительных партизанских отрядов — привели к быстро развившемуся процессу мобилизации и объединения сил, готовых к вооруженному сопротивлению, к переходу от актов саботажа и диверсий к вооруженной партизанской борьбе.

По мере развития вооруженной борьбы в освобожденных районах создавались органы, регулировавшие внутреннюю жизнь. То обстоятельство, что первые освобожденные районы создавались в сельских местностях, имело немаловажное значение для выработки форм органов власти, которые по сути дела были формами деревенского самоуправления. Вековой опыт крестьянской общины соединялся с партизанским самоуправлением, то есть с военной народной администрацией на местах. Так снизу росла пирамида организации народной власти в Албании и Югославии. Низовые ячейки — национально-освободительные советы /Албания/ и народно-освободительные комитеты /Югославия/ — становились фундаментом под органы власти на районном, окружном, общенациональном уровнях. Так через несколько последовательных этапов были созданы народные демократические правительства в Албании и Югославии в октябрь-ноябре 1944 г. Никакого внешнего воздействия /положительного или негативного/ они не испытывали.

Несколько по-иному процесс развивался в Греции. Правда, первые партизанские отряды были созданы в июне-июле 1941 г., но в целом по стране формы вооруженной борьбы стали практиковаться позже, чем в Албании и Югославии. Поэтому создание в сентябре 1941 г. Национально-освободительного фронта /ЭЛМ/ предшествовало появлению органов местного народного самоуправления, начавших образовываться после 4 декабря 1942 г., когда специальная комиссия, созданная из представителей окружных

комитетов КПГ, ЭАМ и ЭЛАС разработала так называемый "кодекс Посейдона", содержащий основные положения по организации самоуправления и народной юстиции.

Разновременность образования народных фронтов и органов власти не вела к принципиальным отличиям в формировании институтов народной власти демократическим путем. Похожесть внутренней обстановки в странах вызвала к жизни одинаковые по своей сути формы. Однако, в Греции уже с октября 1942 г., когда туда прибыла английская военная миссия во главе с Э.Майерсом, начало ощущаться негативное влияние внешнего фактора на развитие процессов внутри освободительного движения. Но до марта 1944 г., то есть до момента создания Политического комитета национального освобождения /ПЕЕА/, давление извне не было столь ощутимым. Только после Ливанского соглашения в мае 1944 г. между представителями ЭАМ, ПЕЕА, КПГ, эмигрантского правительства, буржуазных партий и организаций, согласно которому внутреннее движение Сопротивления теряло свое право, завоеванное в вооруженной антифашистской борьбе, на ведущую роль в правительстве "национального единства". Его представители получили четверть постов в правительстве.

На разных этапах антифашистской освободительной борьбы в программных документах движений стали занимать довольно значительное место социальные вопросы. После фашистской оккупации общество разделилось на три неравные части. Правящая верхушка сомкнулась с фашистским оккупационным режимом, став на путь коллаборационизма, другая часть /в основном это были старые буржуазные партии, находившиеся в оппозиции к предвоенным режимам/ заняли выжидательную позицию и, наконец, самую большую по численности группу составили сторонники активной вооруженной борьбы против оккупантов. В Албании, где до войны никаких политических партий не было, деление на коллаборационистов, сторонников выжидательной тактики, решительных борцов шло по социально-классовому признаку. Одинаковым для всех трех стран было положение, в котором оказались монархические круги. Независимо от того, какой ориентации они придерживались, будь то проанглийская, прогерманская или проитальянская, они оказались вынужденными занять антифашистские позиции, стать эмигрантами. Это позволило им, за исключением албанского короля Зогу, надеяться на реставрацию режимов после войны. Правда, во всех трех странах на заключительном этапе освобождения представительные органы

народной власти приняли решения о запрещении возвращения монархов в страны до выявления воли народов после освобождения.

Политические деятели, склонные придерживаться тактики выжидания, при определенных условиях могли стать приверженцами как марионеточных фашистских /а вернее прифашистских/ правительств, так и освободительных движений, если того требовали интересы сохранения классовых позиций помещиков и буржуазии в послевоенном мире. Даже не веря в победу фашизма, они шли на временные тайные союзы с ним ради разгрома демократических сил.

Основная масса борцов против фашизма рекрутировалась из всех общественных слоев, но основную движущую силу этого патриотического движения составляли учащая молодежь, интеллигенция, рабочий класс, крестьянство. Выразителями общенациональных чаяний выступали коммунистические партии. Аналогичные для всех трех стран внутренние условия вызвали к жизни столь же сходные программы действий. Они сводились к следующему: объединение всех патриотов, способных носить оружие, на борьбу за освобождение стран от фашистских оккупантов и предателей, за создание нового демократического строя.

Общедемократический лозунг восстановления независимости поработанных фашизмом государств мобилизовывал под свои знамена все истинно патриотические силы. На ранних стадиях вооруженной борьбы в совместных операциях против оккупантов сотрудничали отряды АНОФ и Балли комбетар в Албании, партизан и четников в Югославии, ЭАМ и ЭДЕС в Греции независимо от того, каких взглядов придерживалось руководство этих организаций. По мере развития освободительной борьбы происходила поляризация классовых сил, а с нею и уточнялись представления о послевоенном переустройстве общества.

В середине 1943 г., после краха итальянского фашизма начались попытки альтернативных народным и национальным фронтам объединений и формирований проникновения в руководящие административные и военные органы освободительного движения, выдвигая принцип равного представительства всех сил. На этой волне активизировались приверженцы выжидательной тактики и эмигрантские монархические круги, решившие, что пришел долгожданный "день икс". В это время пошли в ход и внешние рычаги давления, а именно военные миссии западных союзников и спецслужбы. Попытки союзников воздействовать на формирование новых органов власти путем включения в их состав своих людей и тем самым помешать радика-

кализации целей движения не увенчались успехом. Только в Греции, как уже говорилось выше, эти маневры удались. В Албании и Югославии возможности вмешательства извне были пресечены твердой политикой руководства фронтов и коммунистических партий.

На заключительном этапе возросло влияние Советского Союза на успешное развитие освободительного движения на Балканах. Прорыв советских войск на Балканы облегчил изгнание немецко-фашистских оккупантов из Греции и Албании силами партизанских армий. Там же, где на заключительном этапе войны находились части Советской Армии, то их целью был отнюдь не экспорт "своей" революции, а помощь в борьбе против захватчиков и создание оптимальных условий для наиболее полного раскрытия внутренних потенций демократического движения.

Советский Союз воздействовал на становление демократии и новой государственности своим революционным опытом. В ходе войны созданием народных и национально-освободительных советов и комитетов как бы подтверждалась универсальность практики советов периода Великой Октябрьской социалистической революции. И в дальнейшем развитие этой формы организации народной власти проходило под влиянием советского опыта государственного строительства, но с модификациями применительно к национальным особенностям каждой из стран. Равным образом влияние внешнего фактора возросло в послевоенный период при складывании политико-экономической структуры народно-демократических государств. На этом этапе он сыграл в ряде стран большую, если не решающую роль. В. И. Ленин придавал большое значение интернационалистской помощи рабочего класса передовых стран трудящимся стран со слабо развитым пролетарским движением. Он считал, что "Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отстающие страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития - коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития". /Полн. собр. соч., т. 41, с. 246/. Однако конкретное исследование методов реализации этой помощи выходит за хронологические рамки данного сообщения, ограниченного периодом войны.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ
/ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 80-х ГОДОВ /

Вторая половина 80-х годов ознаменовалась кардинальными сдвигами в международном развитии. На своем апрельском Пленуме ЦК /1985 г./ Коммунистическая партия Советского Союза заявила о твердом намерении продвигаться к прочному миру. Эта позиция получила свое развитие в решениях высшего политического форума КПСС, в программе ядерного разоружения, изложенной в Заявлении от 15 января 1986 г., в Делийской декларации и других документах, официальных выступлениях руководящих деятелей СССР, в новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии.

Совместно со странами социалистического содружества Советский Союз выступил с рядом крупных инициатив, в том числе с проектом создания всеобъемлющей системы международного мира и безопасности. Государства Варшавского Договора обратились к НАТО, ко всем европейским странам сократить вооруженные силы и вооружения до уровня разумной достаточности, провести сопоставление военных доктрин НАТО и ОВД с целью придания им исключительно оборонительной направленности. Они выступили с конкретным планом запрещения и ликвидации химического оружия, проявили инициативу по организации эффективных методов контроля за сокращением вооружений, включая инспекцию на местах.

Как отмечал М.С.Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, "новое мышление с его общечеловеческими критериями, ориентацией на разум и открытость начало пробивать себе дорогу в мировые дела, разрушая стереотипы антисоветизма и подозрительности к нашим инициативам и действиям" I.

В то же самое время многие политики как Востока, так и Запада Европы стали все больше склоняться к поддержке идеи общеевропейского дома. Несмотря на объективные препятствия на этом пути и противодействие сил, склонных к конфронтации, концепция общеевропейского дома получает все большее распространение. Ее осуществление, по общему мнению, будет уже на первых этапах способствовать постепенному преодолению раскола Европы, расширению

контактов между людьми — от свободы слова до свободы передвижения, расширению сотрудничества между государствами, способствующему утверждению атмосферы добрососедства и доверия.

В новых условиях перед государствами Кго-Восточной Европы как интегральными звеньями европейского мира, имеющими вместе с тем существенную специфику исторического и политического развития, встала необходимость осмысления новых мировых, европейских и региональных реалий, осознания необходимости и общей заинтересованности в том, чтобы представление о Балканах как о "пороховом погребе" навсегда ушло в прошлое. В современных условиях ни одна балканская страна не может обеспечить свою безопасность без обеспечения безопасности своих соседей, реализовать свои национальные интересы и цели военно-силовыми средствами. Вместе с тем, в новых условиях открываются неизмеримо более широкие возможности для развития региональных экономических, транспортных и других связей, более активного участия балканских стран в европейском и общемировом диалоге Восток-Запад, строительстве общеевропейского дома.

Особую актуальность в свете инициатив, направленных на освобождение Европы от ядерного оружия приобрела идея создания на Балканах безъядерной зоны. В декабре 1985 г. НРБ и СРР выступили с совместной инициативой превращения Балкан в свободную от химического оружия зону, которая органически дополняла ранее высказанные предложения о денуклеаризации региона. Благоприятные условия для реализации румыно-болгарского предложения создавало то обстоятельство, что правительства всех балканских государств официально заявили об отсутствии на их территориях химического оружия. В 1986 г. в Бухаресте была проведена встреча экспертов, на обсуждение которой Румыния представила проект торжественной декларации о провозглашении Балкан зоной, свободной от химического оружия.

Румыно-болгарская инициатива была поддержана Советским Союзом, который заявил о своей готовности стать гарантом предлагаемой зоны в том случае, если всеми сторонами /включая Турцию, Грецию и Кипр/ будут созданы возможности для проведения инспекции на местах, включая военные базы США и НАТО. В мае 1987 г. во время официального дружественного визита в Бухарест М.С.Горбачев поддержал инициативы СРР и НРБ, отметив, что усилия балканских стран по превращению своего района в зону мира и сотрудничества Советский Союз рассматривает как неотъемлемую часть общеевропейского процесса. "Опираясь на имеющиеся богатые традиции,

сказал он, — СССР готов развивать сотрудничество со всеми расположенными здесь государствами, всемерно содействовать формированию на Балканах стабильной, здоровой обстановки" ².

Та же мысль была подтверждена М.С.Горбачевым в марте 1988 г. во время визита в СФРЮ: "С нашей стороны не раз заявлялось и хотелось бы подтвердить: Советский Союз всецело за развитие сотрудничества на Балканах. Мы поддерживаем последние инициативы Болгарии, Румынии, Югославии и Греции, направленные на понижение здесь военной активности; выступаем за вывод с полуострова всех иностранных войск и военных баз; дадим все необходимые гарантии, если будет решено создать на Балканах зону, свободную от ядерного и химического оружия" ³.

Существенным шагом к оздоровлению обстановки в Юго-Восточной Европе стала первая в истории встреча министров иностранных дел всех балканских государств, включая Народную Социалистическую Республику Албанию /1988 г./. Встреча проходила в Белграде 24–26 февраля 1988 г. и вызвала самые благоприятные комментарии европейской и мировой общественности ⁴.

В своем обращении к белградской встрече генеральный секретарь ООН Х.Перес де Куальяр заявил о своей заинтересованности в ее позитивном исходе, выразив надежду, что благодаря богатому наследию, стратегическому положению и развитию международного сотрудничества встреча будет иметь важное значение для укрепления мира в Европе и для улучшения общей мировой политической обстановки.

Пожелания участникам встречи направили главы государств и правительств балканских стран: Председатель Президиума Народного Собрания НСРА Рамиз Алия, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков, премьер-министр Греции Андреас Папандреу, Президент СРР Николае Чаушеску, премьер-министр Турции Тургут Озал. С приветственной речью к собравшимся обратился Председатель Президиума СФРЮ Лазар Мойсов. "Историческое развитие оставило на теле нашего региона тяжелые раны и рубцы, — сказал он. — Но одновременно это же историческое развитие приводило к великим переселениям и взаимным связям между народами Балканского полуострова. Это обстоятельство, несомненно, является национальным и культурным богатством Балкан. Поэтому оно должно стать мостом и важным фактором сближения наших народов и стран".

В приветствии, направленном министром иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе Союзному секретарю по иностранным делам СФРЮ Б.Лончару в связи с открытием встречи отмечалось, что ее удалось

созвать в переломный момент развития международной обстановки, зарождения новых тенденций мировой политики, основанных на свежем и реалистическом осмыслении современного мира. В Советском Союзе, говорилось в приветствии, с пониманием и доброжелательностью относятся к усилиям государств Балканского полуострова по налаживанию общеполитического диалога и развитию регионального сотрудничества в различных областях. "Мы высоко ценим, — подчеркивал Э.А.Шеварднадзе, — политический потенциал балканских государств, их активные действия в пользу мира и всеобщей безопасности, в интересах строительства общего европейского дома".

На Белградской встрече не было достигнуто единства мнений по вопросу о создании на Балканах зоны, свободной от ядерного и химического оружия. Принимая во внимание тот факт, что подход к этому вопросу был различным, участники встречи договорились, что он будет предметом дальнейших обсуждений.

Особую роль в продвижении идеи безъядерной зоны сыграла НРБ, обратившая внимание участников встречи на опасную концентрацию на территориях некоторых балканских стран новых современных боевых средств огромной разрушительной силы, что может превратить полуостров в средоточие военного противостояния. Аналогичный эффект, как подчеркивал П.Младенов, могло бы иметь использование территории балканских стран для осуществления программ милитаризации космоса.

Практическим шагом в сторону безъядерных Балкан стало также подписание в Софии на высшем уровне накануне открытия Белградской встречи болгаро-греческого документа, в котором говорилось: "В соответствии с позициями двух государств о создании безъядерной зоны на Балканах и в духе общего стремления способствовать созданию обстановки взаимопонимания на Балканах после исторического соглашения, подписанного в декабре 1987 г. М.Горбачевым и Р.Рейганом, руководители обоих государств /НРБ и Греции.—Авт./ выступают за принятие мер по устранению тактического ядерного оружия с Балканского полуострова там, где оно есть, и за принятие обязательств о неразмещении нового ядерного оружия. Они призывают и другие балканские страны принять это предложение и содействовать его осуществлению". Значение этого документа состояло в том, что поддержка идеи безъядерной зоны была в нем подтверждена Грецией — единственным государством — членом НАТО, стремящимся к созданию безъядерной зоны, в которую вошли бы и государства Варшавского Договора.

НРБ выдвинула на встрече ряд других предложений /об обмене

информацией относительно военных доктрин в целях усиления их оборонительной направленности; о превращении границ соприкосновения двух блоков в зону доверия; о согласовании критериев понятия разумной достаточности и т.д./.

Постановка вопроса об удалении с Балкан ядерного и химического оружия была поддержана на встрече представителями Румынии, Албании, Греции. Делегат Греции занял по вопросу о безъядерной зоне более сдержанную позицию, призвав участников встречи "не ограничивать проекты разоружения региональными рамками".

Министр иностранных дел СФРЮ связал ее с более широкой проблематикой европейского разоружения и движения неприсоединения, с одной стороны, и созданием в балканском регионе обстановки доверия, развития и укрепления двусторонних контактов, с другой. На этом последнем направлении странами Юго-Восточной Европы был предпринят ряд существенных шагов, которые явились акцией доброй воли в преддверии Белградской встречи.

В 1987 г. было прекращено - более чем через 40 лет после окончания второй мировой войны! - формальное состояние войны между Грецией и Албанией. Был повышен уровень дипломатических представительств НРБ и НСРА, расширились экономические связи Югославии с НРБ и НСРА.

Важными политическими шагами к улучшению отношений балканских государств стали проведенные в январе 1988 г. греко-турецкие переговоры в Давосе /Швейцария/, где обсуждались спорные вопросы двусторонних отношений, включая проблему вывода оккупационных войск с Кипра, а также подписание в феврале 1988 г. болгаро-турецкого соглашения о создании смешанных рабочих групп, которые займутся нерешенными вопросами экономического и политического сотрудничества между двумя странами. Это, разумеется, не означает, что решены все спорные вопросы, в большинстве своем связанные в этом регионе с положением национальных меньшинств. "Наша общая цель должна состоять в том, чтобы добиться такого положения, при котором меньшинства, бывшие ранее фактором распри, споров и напряженности, стали фактором единства и стабильности в стране и мостом сотрудничества между соседними странами", - сказал в своем выступлении министр иностранных дел Албании. Им же было предложено воссоздать некогда существовавшие "Комитеты взаимопонимания между балканскими странами", в работе которых могли бы участвовать парламентарии, писатели, журналисты, представители массовых организаций.

В принятом на Встрече заключительном коммюнике было подчерк-

нито, что национальные меньшинства в балканских странах должны быть "фактором стабильности, дружеских отношений и сотрудничества".

Материальная основа сотрудничества балканских государств, способствующая постепенному сглаживанию противоречий в отношениях между ними — это их экономическое сотрудничество, проходящее как на двусторонней, так и на многосторонней основе. На Белградской встрече приоритетные направления сотрудничества были наиболее подробно обозначены в выступлении представителя СФРЮ, где говорилось, что балканские страны все еще не используют тех возможностей, которые им могла бы предоставить промышленная кооперация, совместное производство в свободных от таможенного обложения зонах с перспективой создания общепалканского рынка, разработка модели сотрудничества в области сельского хозяйства. В выступлении была подчеркнута необходимость расширения научно-технического сотрудничества, модернизации инфраструктуры, имея в виду более полное использование благоприятного географического положения Балкан на стыке трех континентов, совершенствование и развитие транзитного транспорта, организацию многостороннего сотрудничества в области энергетики, охраны окружающей среды, исторических памятников, сотрудничество в области туризма.

Предложения об экономическом сотрудничестве были одобрены всеми участниками Белградской встречи, наметившими ряд конкретных мероприятий /встречи министром экономики и внешней торговли, министров транспорта, правительственных экспертов в области трансфера технологии и защиты окружающей среды/, которые будут поочередно проводиться в Болгарии, Греции, Турции, Румынии, Югославии, Албании.

Министр иностранных дел Греции предложил в своем выступлении создать с целью определения областей сотрудничества на Балканах, выработки проектов исследований и принятия долгосрочных программ Институт исследований экономического сотрудничества с местопребыванием в Афинах.

В ходе встречи неоднократно всплывал вопрос о дальнейших путях и формах межбалканского сотрудничества, в связи с чем вносились различные предложения. СРР возобновила сформулированное ею еще в 1957 г. предложение о созыве встречи глав государств и правительств балканских стран, которая могла бы быть проведена в Бухаресте в 1988-1989 гг. Предложение в данной конкретной форме принято не было, однако была достигнута договоренность о том, что оно будет рассматриваться, когда сложатся необходимые условия.

Широкую программу институционализации балканского сотрудничества, создания разветвленных механизмов его преемственности предложил представитель Греции, на основе чего была достигнута договоренность о периодическом проведении встреч министров иностранных дел.

Таким образом, на Белградской встрече в целом возобладал трезвый подход к вопросам, беспокоившим балканские страны, был достигнут ряд договоренностей о расширении сотрудничества, определены приоритетные направления двусторонних и многосторонних связей в сфере экономики. Десятилетиями искали балканские страны точки соприкосновения и сближения позиций, возможности сесть за один стол — и, наконец, им это удалось на переломном этапе международных отношений, на основе утверждения нового политического мышления.

Итоги Белградской встречи по-разному были встречены в мире. Выступая в середине марта 1988 г. в Скупщине СФРЮ М.С. Горбачев расценил ее как "ценный региональный вклад в оздоровление общеевропейской обстановки"⁵. В доброжелательных тонах был выдержан комментарий "Женьмин жибао", которая писала, что участники Белградской встречи "подчеркнули необходимость уважать различия международного положения и общественно-политического устройства стран при соблюдении принципа мирного сосуществования".

Объективными и благожелательными были и высказывания серьезных западных наблюдателей. Так, известный эксперт по балканским делам, профессор Института международных исследований в Женеве Пери Памир писала, что встречу "следует рассматривать в контексте расширения духа сотрудничества в международных отношениях, более позитивной атмосферы, коренящейся в чувстве доброй воли заинтересованных стран"⁶.

Можно, таким образом, констатировать, что страны балканского региона сегодня вносят растущий вклад в решение как региональных, так и общих проблем европейской политики. Четыре десятилетия отделяют сегодняшний мир от того времени, когда была провозглашена "доктрина Трумэна", означавшая грубое вторжение внешних сил в сферу жизненных интересов балканских государств. Современное развитие событий подтверждает, что опыт истекших десятилетий не прошел бесследно для общественных и политических кругов, противодействующих политике "с позиции силы". Анализ нынешней ситуации в Юго-Восточной Европе убедительно свидетельствует о тех больших переменах, которые произо-

шли в регионе со времен "холодной войны". От конфронтации к сотрудничеству - так можно было бы определить доминирующую тенденцию международных отношений в балканском регионе во второй половине 80-х годов. Эта тенденция представляется устойчивой, набирающей силу, и в перспективе она, несомненно, окажет свое позитивное воздействие на процессы общеевропейского сотрудничества, развитие интеграционных процессов в Европе.

-
- 1 Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., Политиздат, 1987, с. 46.
  - 2 Правда, 1987, 27 мая.
  - 3 Правда, 1988, 17 марта.
  - 4 Во встрече приняли участие министры иностранных дел НСРА /Реис Малиле/, НРБ /Петр Младенов/, Греческой Республики /Каролос Папульяс/, СРР /Иоан Тоту/, Турецкой Республики /Месут Йылмез/, СФРЮ /Будимир Лончар/.
  - 5 Правда, 1988, 17 марта.
  - 6 Daily Telegraph. Febr., 23, 1988

АНТИФАШИСТСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И
ИСТОРИОГРАФИИ

Актуальность проблематики антифашистского движения Сопротивления определяется прежде всего той важной ролью, которое оно сыграло в ходе второй мировой войны, а также значением уроков и опыта этого движения в сегодняшней борьбе за мир. Включение этой темы в программу VI конгресса Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы свидетельствует о неослабевающем интересе к вопросам антифашистской борьбы исследователей разных стран.

Изученность проблематики движения Сопротивления при внимательном анализе историографии представляется лишь относительной, кажущейся. В ней осталось еще много "белых пятен", причем это касается не только знания самих фактов, но и их концепций. Целый ряд вопросов является дискуссионным среди историков: само понятие "движение Сопротивления", его периодизация, влияние на его развитие событий на фронтах второй мировой войны, вопрос о массовости движения Сопротивления, о его формах, проблема коллаборационизма, оценка роли внешних и внутренних факторов антифашистской освободительной борьбы, их влияния на формы послевоенного государственного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вопрос о роли и месте различных классов и их политических партий в движении Сопротивления.

Исследователи всех стран давно пришли к единому мнению о том, что антифашистское Сопротивление является характерной особенностью, своеобразной чертой второй мировой войны /в отличие от предшествовавших войн и международных конфликтов/. Но по определению понятия "движение Сопротивления" единой точки зрения нет. Даже сам термин является объектом дискуссий. Что же касает-

ся содержания, которое вкладывается в понятие "Сопротивление", то и здесь в международной историографии существуют различные подходы. Многие западноевропейские ученые трактуют движение Сопротивления или чересчур широко, как патриотическую борьбу за освобождение родины, борьбу за свободу и человеческое достоинство, или, наоборот, сводят его главным образом к террористической борьбе подпольщиков против фашистского или сателлитного режима¹. Социальные аспекты борьбы при этом игнорируются.

Советские исследователи рассматривают Сопротивление как закономерно возникшее освободительное движение, главными участниками которого являлись широкие народные массы, ведущие в разных, активных и пассивных, формах борьбу против внешнего и внутреннего фашизма и установленных им порядков, за восстановление национальной независимости и государственного суверенитета оккупированных стран, а также стран фашистского блока, за более справедливое и демократическое социальное устройство общества после освобождения.

Представляется, что в употреблении термина "движение Сопротивления" относительно региона Центральной и Юго-Восточной Европы существует определенная специфика. Этот термин, возникший еще накануне второй мировой войны и не вообравший в себя всего многообразия исторического опыта борьбы против фашизма в годы войны и ее результатов, не содержит диалектики антифашистской освободительной борьбы и революции, недостаточно полно и точно отражает характер освободительных процессов, произошедших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Антифашистская борьба народов этих стран вышла за рамки лишь движения Сопротивления, переросла в революцию, поэтому термин "движение Сопротивления" не отражает специфики антифашистской борьбы в странах региона. Кроме того, он вообще не употребляется в Югославии и Албании, где события 1941-1945 годов характеризуются как народно-освободительная война. В связи с этим представляется, что применительно к региону Центральной и Юго-Восточной Европы более точным термином является "антифашистская освободительная борьба"; хотя правомерно и употребление термина "движение Сопротивления" при рассмотрении процессов, происходивших в отдельных странах региона.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе развития историографии необходимым является сравнительно-исторический подход к

изучению антифашистской борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, сопоставительный анализ, типологизация процессов и явлений.

Плодотворное изучение движения Сопротивления в странах рассматриваемого региона возможно лишь при учете ряда важнейших методологических посылок, на которые опирается марксистская историография вопроса. Методологический подход к исследованию проблемы определяется тем, что движение Сопротивления в отдельных странах и в регионе рассматривается как единство целого и частного, общего и особенного.

Во-первых, как явление Сопротивление генетически едино с антифашистской борьбой межвоенного периода, но вместе с тем оно развертывалось в новых исторических условиях, в условиях второй мировой войны, оккупации и расчленения одних и подчинения гитлеровскому диктату других стран региона. В связи с этим представляется правильным хронологически ограничивать понятие "движение Сопротивления" периодом второй мировой войны.

Во-вторых, движение Сопротивления составляет неотъемлемую часть второй мировой войны, являясь одним из аспектов освободительной борьбы, которую вела антигитлеровская коалиция. Общий ход войны, положение дел на советско-германском фронте /что было особенно важно для стран Центральной и Юго-Восточной Европы/ оказывали постоянное воздействие на развертывание движения Сопротивления. С этим связан вопрос о периодизации движения Сопротивления в странах рассматриваемого региона. Она не должна быть слишком "жесткой", поскольку специфика развития антифашистской борьбы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы так велика, что не позволяет создать общую для всех стран схему. Важнейшей методологической посылкой в подходе к периодизации движения Сопротивления должен быть принцип учета внешнего фактора и внутренних условий его развития, рассмотрение движения Сопротивления в странах региона как части европейского движения Сопротивления, а этого последнего — как части второй мировой войны.

В-третьих, история движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы должна рассматриваться в диалектическом единстве с историей народно-демократических и социалистических революций. В этом состоит специфика подхода к изучению движения Сопротивления в странах рассматриваемого региона.

Четвертая методологическая посылка: движение Сопротивления

при всем его внутреннем многообразии, разнородности и противоречивости следует рассматривать как целостное социально-политическое явление. Движение Сопротивления было общенациональным, развертывалось на межклассовой основе, в нем участвовали различные классовые и социальные силы — от рабочего класса до отдельных группировок буржуазии. Поэтому ему были присущи как общенациональные цели борьбы, так и цели, отражавшие различные социальные и политические интересы участников Сопротивления. При этом представляется справедливой точка зрения докладчика по проблеме Сопротивления на XVI международном конгрессе исторических наук М. Кропилака о том, что если в движении Сопротивления стран Западной Европы преобладал аспект национального освобождения, то в странах Центральной и Юго-Восточной Европы доминировали социально-политические аспекты, что привело в последующем к глубоким политическим преобразованиям в интересах трудящихся.² Важная, но трудная задача состояла в определении правильного соотношения национальных и социальных задач в освободительной борьбе каждой страны. От этого зависел успех формирования широкого антифашистского фронта.

Возвращаясь к вопросу о периодизации движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, следует отметить, что ограничение движения Сопротивления временными рамками второй мировой войны — лишь общая постановка вопроса, что для каждой страны рассматриваемого региона начальная и конечная хронологические рамки будут разными. Конечный рубеж ясен — полное освобождение страны от фашизма. С определением начальной грани дело обстоит сложнее. Для оккупированных стран — это начало фашистской оккупации, то есть для Чехословакии — март 1939, Албании — апрель 1939, Польши — сентябрь 1939, Греции — октябрь 1940, Югославии — апрель 1941 г. В отношении стран, входивших в фашистский блок /Болгария, Венгрия, Румыния/, может быть предложено несколько вариантов: а/ начало второй мировой войны; б/ включение этих стран в фашистский блок /Венгрия и Румыния — ноябрь 1940 г., Болгария — март 1941 г./; в/ нападение гитлеровской Германии на Советский Союз.

При этом каждая из предложенных внешнеполитических граней весьма условна и должна рассматриваться в сочетании с внутренними факторами. Проследим на примере Болгарии, изменилось ли что-нибудь принципиально в антифашистской борьбе с началом вто-

рой мировой войны или с присоединением страны к фашистскому блоку. Поскольку антифашистская борьба велась болгарским народом и в межвоенный период, начиная с 1923 года, то при определении хронологических границ движения Сопротивления во время второй мировой войны необходимо выделить те специфические черты, которые характеризуют начало качественно нового этапа борьбы против фашизма. Факты свидетельствуют о том, что ни после начала второй мировой войны, ни после присоединения Болгарии к Тройственному пакту /1 марта 1941 г./ в стране не произошло видимого изменения в общественном мнении и поведении, в политической жизни. Непосредственно после 1 марта 1941 г. внутреннее положение в стране характеризовалось противоречивыми тенденциями. С одной стороны, превращение Болгарии в сателлита гитлеровской Германии со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для хозяйственной и политической независимости страны создавало условия для недовольства масс политикой монархо-фашистского правительства. С другой стороны, бескровное территориальное расширение Болгарии, сопровождавшееся безудержной шовинистической пропагандой, породило в весьма широких кругах болгарского общества иллюзии решения "болгарских национальных вопросов". Поскольку вступление гитлеровских войск в Болгарию произошло не насильственным путем, а по соглашению с болгарским правительством, это событие не вызвало движения протеста широких народных масс. Гораздо более глубокое влияние на внутривнутриполитическое развитие Болгарии оказало нападение Германии на Советский Союз. Традиционные чувства признательности болгарского народа к своей освободительнице России были благоприятной почвой для развития антифашистской борьбы. После 22 июня 1941 г. наступили изменения в соотношении классовых и политических сил, сложилась новая политическая обстановка, в которой Болгарская рабочая партия могла призвать народ к развертыванию широкого антифашистского движения и вооруженной борьбе против гитлеровцев и их болгарских пособников. Именно тогда наступил новый этап, коренным образом отличающийся по формам, средствам и размаху борьбы от антифашистского движения межвоенного периода.

Рассмотрение истории движения Сопротивления в диалектическом единстве с историей революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы предполагает выдвигание в ряд важнейших вопроса о движущих силах этого процесса. Нет сомнения в том, что

основными движущими силами антифашистской борьбы во всех странах были народные массы. Однако на данном этапе развития историографии необходимо дифференцированно рассмотреть позиции различных классов и социальных слоев, выявить место и роль каждой из участвовавших в движении Сопротивления политических сил. Важно проследить эволюцию позиций отдельных классов и общественных групп в ходе развития антифашистской освободительной борьбы, снять неизжитый пока налет схематизма и трафаретности при освещении их роли и места в этой борьбе. При этом следует проанализировать и эволюцию в социальной структуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы войны, изменения, происшедшие в составе буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства, средних городских слоев, рабочего класса и интеллигенции. Ведь очевидно, что условия войны и оккупации должны были привести к глубоким социальным сдвигам, несмотря на кратковременность изучаемого периода в жизни стран региона. К сожалению, пока в национальных историографиях эти вопросы остаются практически неисследованными.

Что же касается вопроса о роли коммунистических партий в движении Сопротивления, то показу ведущей роли коммунистов в антифашистской борьбе всегда уделялось большое внимание в советской историографии и исторической науке других социалистических стран. Однако, как правило, подход к освещению этого вопроса носит отпечаток заданности, априорности. Завоевание коммунистами руководящей роли в движении Сопротивления показывается не как сложный процесс борьбы за гегемонию между рабочим классом и буржуазией — а такая борьба в той или иной мере велась во всех странах региона — а как нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда данное с самого начала. Сосредоточение внимания /и соответствующий подбор материала/ лишь на деятельности коммунистов вне общего показа и аргументированного анализа позиций всех классовых и политических сил, участвовавших в Сопротивлении, не может привести к желаемому эффекту и дает некоторым западным ученым повод обвинить историков-марксистов в предвзятости и преднамеренном нежелании проанализировать и оценить всю совокупность имеющихся фактов, разобраться в сложной и многообразной исторической действительности. При анализе вклада той или иной политической партии или организации в антифашистскую борьбу очевидно следует исходить из целого ряда факторов: степени ее организованности, массовости и влияния накануне войны,

наличия или отсутствия опыта подпольной работы, широту нелегальной сети и стабильность ее руководства /с точки зрения непрерывности существования/, эволюцию влияния /рост, падение/ на широкие народные массы, наличие и массовость организаций Сопротивления, созданных по инициативе и под руководством той или иной партии или группировки, и размах их антифашистской деятельности, наличие вооруженных формирований, находящихся под влиянием данной партии или блока сотрудничающих партий, характер и политическую направленность их деятельности.

При характеристике позиций отдельных классов и социальных групп в движении Сопротивления следует отказаться от встречающегося порой упрощенчества. Так, верное для начала войны деление буржуазии на фашистскую, коллаборационистскую и антифашистскую не может рассматриваться как внутренне стабильное, поскольку в каждой из этих группировок в ходе войны и по мере развития антифашистской борьбы происходили внутренние процессы и изменения. Так, в лагере буржуазии, недовольной фашистскими порядками, обозначилось нефашистское и антифашистское крыло. Нефашистское крыло ратовало лишь за национальное освобождение и выступало против каких-либо изменений довоенных порядков, отказывалось от всякого сотрудничества с революционными, последовательно демократическими силами. Антифашистское крыло — это либерально-демократические и революционно-демократические течения буржуазного Сопротивления, которые признавали необходимость более или менее глубокого преобразования общественного строя, существовавшего до войны, и были готовы сотрудничать на условиях компромисса с революционными силами в борьбе против фашизма.

Сложные, неоднозначные процессы происходили в среде мелкой буржуазии, крестьянства, интеллигенции, значительная часть политических представителей которых по мере приближения конца войны выражала все большую готовность активно включиться в антифашистскую освободительную войну. Отражение всего многообразия интересов отдельных классов, социальных слоев и группировок, как участвовавших в движении Сопротивления, так и противостоявших ему необходимо для воссоздания подлинной картины антифашистской освободительной борьбы. В последние годы национальные историографии сделали значительный шаг вперед в изучении этих вопросов.

Специально хотелось бы остановиться на вопросе о коллаборационизме, который мало исследовался как в советской историо-

графии, так и в литературе стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Важной задачей историков остается определение сути коллаборационизма, его границ и критериев, его социальной стратификации. Существующее в настоящее время определение коллаборациониста как лица, сотрудничающего с фашистскими захватчиками в оккупированных странах во время второй мировой войны представляется упрощенным, не дающим возможности разобраться во всей сложности обстановки того времени и даже позволяющим обвинить в коллаборационизме значительную часть населения оккупированных стран. Ведь рабочие, крестьяне, служащие продолжали работать и в условиях оккупации. Необходим более внимательный учет мотивов и целей сотрудничества с захватчиками, которое могло быть не только добровольным, но и вынужденным. Нужен дифференцированный подход ко всем, кто сотрудничал с оккупантами. В связи с этим представляется заслуживающей внимания точка зрения академика А.М. Самсонова, отмечавшего, что "сложное переплетение элементов коллаборационизма и противодействия оккупантам могло иметь место в судьбе отдельных личностей. Однако Сопротивление и коллаборационизм были совершенно различными, принципиально противостоящими социально-политическими явлениями. Попытки объединить и то и другое выглядят весьма неубедительно и научно несостоятельны"³.

Думается, что существующую дефиницию коллаборационизма можно уточнить следующим образом: коллаборационизм — это добровольное сотрудничество с фашистскими захватчиками в оккупированной ими стране в целях личной выгоды и укрепления установленного режима. Если исходить из этого определения, то, пожалуй, единственной страной в изучаемом регионе, где не было проявлений коллаборационизма, является Польша.

Проблемой, вызывающей разногласия среди историков-марксистов и некоторых буржуазных ученых, является вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов в развитии антифашистской освободительной борьбы и их влиянии на формы послевоенного государственного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Советские и зарубежные прогрессивные исследователи первопричиной изменений, происшедших в странах региона на завершающем этапе войны, считают внутренние факторы, полагая, что внешний фактор /освобождение этих стран Красной Армией/ сыграл положительную роль с точки зрения создания благоприятных

условий для назревших социально-политических перемен. Некоторые западные историки придерживаются в этом вопросе иной точки зрения, а именно: присутствие Красной Армии оказало решающее влияние на природу тех режимов, которые образовались в соответствующих странах после войны. Причем часто это влияние оказывалось более сильным, чем политические устремления большинства участников движения Сопротивления внутри этих стран. Анализ становления новых государственных режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы показывает, что характер власти определялся прежде всего внутренними условиями развития той или иной страны, характером происходивших там социально-политических процессов. Одним из самых убедительных доводов в пользу этой точки зрения является тот факт, что как раз там, где установились наиболее радикальные режимы — в Албании и Югославии — не было присутствия Красной Армии. В то же время нельзя ограничиваться лишь анализом влияния внешнего фактора на развитие конкретных событий, его роль одедует рассматривать гораздо шире. Сам факт уже существующего социализма оказывал несомненное влияние на развитие внутриполитической ситуации в странах изучаемого региона и на создание предпосылок для развития революции.

Среди проблем, касающихся внешних факторов развития движения Сопротивления, особого внимания заслуживает вопрос о влиянии советско-германского договора о ненападении /август 1939 г./ на развитие антифашистского движения. Сегодня очевидна необходимость пересмотра оценок ряда моментов и явлений в развитии антифашистского движения в начальный период войны /осень 1939 г. — лето 1941 г./, преодоления господствовавших у нас до недавнего времени односторонних и догматических подходов. В последнее время многими исследователями признается, что заключение договора внесло смятение в ряды антифашистов, породило много неясностей, затруднило борьбу против фашистских захватчиков. Что же касается изучаемого региона, то в разных странах договор был воспринят по-разному. Как пример можно привести оккупированные Чешские земли и Словакию. В первом случае — неприятие договора общественным мнением и падение симпатий к Советскому Союзу, во-втором — подъем русофильских настроений, приветствие установления дипломатических отношений между СССР и Словацким государством. Понятно, что договор был воспринят однозначно негативно в Польше. А вот болгарские коммунисты после заключения договора, с одной стороны, поддерживали установку на то, что "главный враг"—

англо-американский империализм, с другой, в своей практической деятельности направляли удар больше против Германии и Италии.

Необходимо подчеркнуть, что при показе деятельности коммунистических партий в период антифашистской освободительной борьбы важно оценивать ее в контексте позиций Коммунистического Интернационала / до его роспуска в 1943 г./ по тем или иным вопросам. На линии Коминтерна отразилась вся сложность и противоречивость международной обстановки того времени: с одной стороны, он не мог не учитывать внешнеполитический курс СССР, а с другой – отступить от курса на развитие антифашистской борьбы. Поэтому позиции Коминтерна в вопросах тактики ее ведения в начальный период войны претерпели, как известно, определенные изменения. При рассмотрении вопроса о том, какова была реакция компартий и демократических сил на линию Исполкома Коминтерна после заключения советско-германского договора, необходим очень конкретный подход к отдельным странам. В одних странах коммунисты открыто не согласились с линией ИККИ, а в других формально согласились, но на практике вынуждены были ее модифицировать и исправлять. К примеру, Болгарская рабочая партия формально согласилась с линией Коминтерна, однако, сообразуясь с конкретными условиями страны, в своей практической деятельности творчески подошла к указаниям ИККИ. Уже в мае – июне 1940 г. основной огонь критики БРП вновь направляет против фашистской Германии. В последующие месяцы наблюдалась дальнейшая эволюция, существенные изменения в политической линии партии в направлении предвоенной политики широкого национального антифашистского фронта. Этот процесс завершается после 22 июня 1941 г.

Таким образом, многие, казалось бы уже изученные, явления нуждаются сегодня в новом осмыслении, в отходе от сложившихся стереотипов с тем, чтобы исследователи могли показать социально-политическую картину движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во всей ее сложности и многообразии.

---

¹ Comité international des sciences historiques. XVI Congrès international des sciences historiques. Stuttgart, du 25 août au 1 septembre 1985. Rapports, 1. Stuttgart, 1985, p. 108.

² Ibid., p. 128.

³ "Новая и новейшая история", 1985, №3, с. 70.

⁴ См., напр., "Вопросы истории КПСС", 1987, №10; "Проблемы мира и социализма", 1988, №4.

СТАНОВЛЕНИЕ БАЛКАНИСТИКИ В СССР (ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ СТРАН)

Самостоятельная историческая дисциплина — балканистика, в отличие от славяноведения (в основу выделения которого положены этнолингвистические принципы), определяется региональной принадлежностью народов, связанных общностью исторических судеб, к Балканскому полуострову. Поскольку ряд государств на Балканах (Болгария, Югославия) являются одновременно славяно-балканскими, а все балканские страны в той или другой степени связаны между собой тесными экономическими, языковыми, культурными, политическими связями, взаимодействием и взаимовлиянием, наука балканистика и славяноведение имеют тесную взаимосвязь. Балканистика в СССР развивается как комплексная наука, тематически и хронологически очень обширная, затрагивающая как страноведческие исследования, так и комплекс сравнительно-типологических проблем. При такой широкой постановке вопроса речь в данной работе может идти лишь об основных тенденциях процесса в целом, как это представляют себе авторы, а также о самых важных итогах научной деятельности советских историков-балканистов.

Изучение балканистики в СССР в послеоктябрьский период опиралось на традиции, существовавшие в России в XIX веке (Венелин Ю.И., Палаузов С.Н., Ровинский П.А. и др.) и было представлено работами таких видных ученых как Н.С.Державин, А.М.Селищев, П.И.Сергиевский. Уже в 20-х годах вставал вопрос о необходимости более пристального изучения истории Балканского региона. Так, в 1928 году А.М.Селищев указывал на необходимость преподавания албановедения и румыноведения и изменения системы подготовки специалистов по этим странам, а также организации спецкурсов в МГУ. В 1931-1934 гг. исследования по истории балканских народов начались в Ленинградском Институте славяноведения. Однако еще долгое время специального центра по изучению балканистики в СССР не было. Только в начале 60-х годов в Институте истории АН СССР была создана группа, а затем сек-

тор неславянских стран народной демократии, в рамках которого с этого времени разворачивается целенаправленная работа по изучению истории ^{не} славянских государств и подготовки специалистов по этим странам. В 1968 г. Институт славяноведения АН СССР по решению Президиума АН СССР был преобразован в Институт славяноведения и балканистики, который становится основным научно-исследовательским и координирующим центром по балканистике в Советском Союзе. Проблемами русско-балканских и советско-балканских связей продолжает заниматься также Институт истории СССР. Проблемами истории балканских народов занимались кроме того в академических институтах ряда республик, в Московском, Ленинградском, Кишиневском, Уральском и других университетах.

Одной из основных проблем складывавшейся в СССР балканистики было изучение революционного движения и революционных связей на Балканах, что нашло свое отражение в работах, издаваемых международными коммунистическими организациями (Коминтерном, Крестинтерном, Профинтерном), которые в значительной степени питались идеями Балканской ^{федерации} Великой Октябрьской социалистической революции и революционное движение в странах Юго-Восточной Европы, участие интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне, революционные связи народов России и балканских стран — вот важнейшие темы исследований 20-х годов. Эта проблематика была представлена в основном работами коммунистов-политэмигрантов 20-30-х годов, которые внесли существенный вклад в формирование марксистской концепции истории стран Балканского региона. В 1924 г. была опубликована статья Г.Димитрова "Ленин и революционное движение на Балканах", а в 1928 г. перевод мемуаров Д.Благоева о его революционной деятельности в России и в Болгарии. В журналах "Историк-марксист", "Пролетарская революция", "Коммунистический интернационал" и др. печатались статьи Х.Кабакчиева, Г.Бакалова, Б.Бошковица. В книге Б.Бошковица приводились сведения о довоенной истории Балкан, государственно-территориальных изменениях в Юго-Восточной Европе в результате I мировой войны, обострения борьбы западных держав в послевоенное время за господство на Балканах. Особое место уделялось вопросам экспансии Германии и Италии на Балканы, значению Малой Антанты на международной арене. Балканы рассматривались автором книги как

арена соперничества и объект завоевательной политики держав. В 1928 г. вышла книга С.Тимова по аграрным отношениям и проблемам рабоче-крестьянского союза в Румынии. Из книг, пролежавших долгие годы в спецхранах СССР, а сейчас открытых для исследователей и читателей, хотелось бы отметить совместную работу Л.Б. Троцкого и Х.Раковского "История политической Румынии" (М., 1922) (в которую вошли статьи Л.Б.Троцкого, написанные им в 1913 г. во время пребывания в Румынии и анализирующие процессы социально-экономического развития страны II половины XIX и начала XX века, характер и последствия балканских войн, а также разделы о послевоенной политической жизни Румынии, принадлежащие перу Х.Раковского. Однако весьма одностороннее и медленное развитие балканистики в СССР в 20-30-е гг. не дает оснований выделить ее в специальную отрасль исторической науки. Балканистика развивалась в основном в рамках ^{изучения} международного рабочего движения, международных отношений и внешней политики СССР и в рамках славяноведения по славяно-балканским странам, в известной степени.

Немалое место занимали вопросы экспансионистской политики великих держав на Балканах, истории Балкан в годы I мировой войны. При этом написание первых исторических работ шло рука об руку с изданием документальных источников. В 20-х годах НКВД СССР, а позднее комиссия при ЦК КПСС проводили при участии крупных советских историков Е.Тарле, М.Покровского, Е.Адамова, Ф.Ротштейна, Э.Гримма и др., большую публикаторскую работу, целью которой было разоблачение внешней политики империалистических держав. Одним из первых результатов этой деятельности был сборник "Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны", представляющий и поныне большой научный интерес. Греческий историк Косметатос, ознакомившийся с этим изданием в Париже отмечал, что "документы содержат остро-интересные открытия, касающиеся дипломатических интриг и заговоров, центром которых в то время был Париж", и сокрушался, что "будучи издана только на русском языке, публикация не привлекла достаточного внимания". Сборнику предшествовала статья-эссе, написанная начальником Архива внешней политики России при Наркомате иностранных дел, Е.А.Адамовым, известным историком, в которой автор сделал попытку наметить основные линии дипломатических отношений великих держав и Греция в 1914-1919 гг., дав исторический очерк об истоках английской и французской политики в Греческом коро-

левстве. Важными для изучения политики Англии, Франции, России в отношении балканских стран были сборники "Константинополь и проливы" (со вступительной статьей проф. Э.Гримма), "Раздел Азиатской Турции", где были показаны намерения великих держав в отношении Константинополя и проливов в 1915–1917 гг., вопросы межсоюзнических отношений. Большая публикаторская деятельность проводилась в журнале "Красный архив", где печатались подборки документов, касавшихся, в частности, истории балканских стран.

В ряде исследований, написанных советскими военными историками, бывшими кадровыми офицерами русской армии, перешедшими на службу в Красную Армию, А.М.Зайончковским, Н.Валентиновым, А.К.Коленковским, а также Н.Г.Корсуном, разбирались сложные и разнообразные операции на Балканском полуострове в 1914–1918 гг., осуществившиеся австро-германскими и болгарскими армиями, с одной стороны, и силами союзников – Англии, Франции, России, Италии, Сербии и Греции – с другой.

Большое внимание в балканистике 30-х гг. уделялось вопросам межбалканских отношений. Событием в исторической науке того времени стал выход многотомного издания документов "Международные отношения в эпоху империализма", где значительное место отводилось Балканам. Однако начавшиеся в это же время процессы догматизации в науке и репрессии против части ведущих ученых не позволили творчески осмыслить предоставленный в руки историков документальный материал. Политические события 30–50-х гг., связанные с культом личности Сталина, наложили прямой отпечаток на работы тех лет. Например, изучение истории Греции заключалось в написании научно-популярных брошюр, где давались краткие исторические очерки. Такого же рода научно-популярные брошюры явно конъюнктурного характера появлялись и по другим странам. Работы по проблемам истории отдельных балканских стран и общевалканским вопросам страдали слабостью источниковой базы, фактологичностью, догматизмом. Пожалуй можно отметить лишь несколько работ, и среди них вышедшую после войны монографию Ф.И.Нотовича, где впервые были использованы документы из серии "Международных отношений". В работе анализировалась политическая обстановка в Юго-Восточной Европе накануне I мировой войны, отношения Италии, Турции, Румынии, Болгарии, Сербии и Греции к центральным державам и Антанте в 1914–1915 гг.; впер-

вые в советской историографии были выявлены специфические отношения балканских государств между собой и с обеими воюющими группировками. Также были проанализированы проблемы борьбы великих держав за балканские государства, освещена дипломатическая борьба за втягивание их в I мировую войну. Значительное место было уделено Румынией переговорам великих держав с Болгарией, Сербией и Грецией в 1915 г. о переходе их на сторону Четверного согласия, что должно было радикально изменить ход мировой войны.

В области национально-освободительного движения, социально-экономической истории балканских стран продолжает работать академик Н.С.Державин. Его четырехтомная "История Болгарии", изданная в 1945-1948 гг., являлась первым обобщающим трудом по Болгарии в нашей стране.

После II мировой войны в конце 50-60 гг. произошли существенные сдвиги в развитии балканистики в СССР. Совместная борьба наших народов против фашизма, коренные изменения политических сил на международной арене, выступление народов ряда стран балканского региона на путь социалистического строительства, расширяющееся политическое, экономическое и научное сотрудничество между СССР и народами этих стран способствовали не только повышению интереса советской общественности к вопросам истории Балкан, но и развитию балканистики как науки, ее организационному оформлению. Написанные в 50-60-е гг. монографии и статьи профессоров В.М.Хвостова, А.Е.Ерусалимского, А.Ф.Миллера, А.Л.Нарочницкого давали марксистское освещение политики европейских держав на Балканах, показывали общие тенденции балканской политики великих держав в системе международных отношений конца XIX - начала XX вв.

Все большее внимание советских исследователей в конце 50-х гг. начинают привлекать вопросы национально-освободительного движения (например, в Греции и на Крите), которые до этого были практически не изучены. Большой вклад в изучение этих проблем внесли исследовательские труды И.С.Галкина. В монографии и многочисленных статьях автор поднимал разнообразные вопросы политики европейских держав в отношении освободительных движений в Албании и Крите, Македонии (в 1905-1912 гг.). Большой вклад в изучение проблем национально-освободительных движений на Балканах внесли исследовательские труды также Г.Л.Арша,

Н.Д.Смирновой, О.Б.Шпаро, И.Г.Сенкевич, А.М.Станиславской, А.В.Фадеевой, Е.И.Дружининой и многих других. Эти историки поставили перед собой задачу изучения таких малоизученных тем как греческое общество и Россия, национально-освободительное движение в Греции и Албании. В статьях и монографии И.Г.Сенкевич было показано, что под влиянием русской революции албанское национально-освободительное движение приобрело ярко-выраженный антиимпериалистический характер. Албанский народ, поднявшийся на борьбу за освобождение от турецкого ига, одновременно выступил против империалистических государств, стремившихся политически и экономически закабалить Албанию. Большим вкладом в советскую балканистику стала последняя книга Сенкевич, посвященная истории борьбы албанского народа за освобождение в период Восточного кризиса. Изучение истории Албании было продолжено Г.Л.Аршем, значительно расширившим круг изучаемых проблем. В Институте истории АН СССР — Г.Л.Аршем, И.Г.Сенкевич, Н.Д.Смирновой была подготовлена "Краткая история Албании", охватывавшая период с XIV века — до 1939 г. Данный коллективный труд явился первым в советской балканистической науке опытом создания обобщающего труда по истории албанского народа. В 1954—55 гг. вышли в свет также двухтомная "История Болгарии", а в 1963 г. два тома "Истории Югославии". К концу 60-х гг. в советской исторической науке были сделаны значительные успехи в изучении балканской проблематики, процесс изучения истории этого региона шел постоянно по нарастающей линии, ставя все новые и новые проблемы перед советскими учеными, такие как, например, национально-освободительная борьба в Греции в XIX веке, антифашистская борьба греческого народа в годы II мировой войны, общественные и культурные связи народов СССР и народов Балкан и многие другие. В 60-х гг. вышла в свет работа Л.Г.Арша, посвященная тайной революционной организации "Филики Этерия", созданной в Одессе в нач. XIX в. греками-патриотами для освобождения своей родины. В книге было показано, что освобождение Греции стало одной из замечательных страниц не только греческой, но и всемирной истории. В монографии А.М.Станиславской объектом серьезного изучения становится политика России на Балканах, в частности, в Восточном Средиземноморье.

В области истории Болгарии плодотворно работают ученые — Л.Б.Валев, М.А.Бирман, В.Д.Конобеев, А.А.Улуян, Н.В.Зуева,

Е.М.Шатохина, И.В.Козьменко. Исследуются вопросы революционного движения и его связи с Россией, национально-освободительное движение и др. Проблемами развития первобытного и феодального строя занимались Л.В.Горича, Б.Т.Горяинов, П.О.Карышковский, С.А.Никитин и другие исследователи. Значительный вклад в разработку ^{проблем} этногенеза болгарского народа внес Г.Г.Литаврин. Важное место заняли исследования по истории русско-болгарских революционных связей, рабочего и социалистического движений. Разработкой истории Болгарии в годы второй мировой войны много лет занимался Л.Б.Валев. В области изучения новейшей истории Болгарии проявили себя Р.П.Гришина, Г.И.Чернявский, В.Д.Вознесенский, П.С.Сохань, И.В.Ганевич, Д.Б.Мельцер, и более молодые — Т.Ф.Маковецкая, Е.Л.Валева, Т.Ф.Волокитина.

Начиная с 60-х гг. разворачивается публикация документов: под ред. С.А.Никитина — трехтомник об освобождении Болгарии от Турецкого ига (М., 1961—1967), "Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы" (т. I—III, М., 1976—1988). С середины 50-х гг. начинается систематическое изучение истории Румынии. Совместными усилиями советских и румынских историков началась публикация многотомного издания документов об исторических связях народов СССР и Румынии в XV — нач. XVIII вв. Кишиневские исследователи Я.С.Гросул, Д.М.Драгнев, П.В.Советов обращаются к исследованию проблем средневековой истории Дунайских княжеств. Ряд работ о русско-румынских связях опубликовала Л.Е.Семенова. Значительный вклад в разработку истории Румынии нового времени внес В.Н.Виноградов, в монографических работах которого исследованы узловые вопросы истории Румынии этого периода: крестьянское восстание 1907 г., Россия и объединение княжеств в 1859 г., Румыния в годы I мировой войны, развитие общественно-политической мысли в Румынии, Румыния в системе международных отношений и многие другие. Работы М.М.Залышкина и Е. Чертана посвящены истории Румынии в период завоевания страной национальной независимости и русско-румынским политическим связям. Анализу реформ в Дунайских княжествах в 20—30-х гг. XIX в., широкому аспекту русско-румынских революционных связей, проблемам русской эмиграции на Балканах посвящены труды В.Я.Гросула. Вопросы рабочего и социалистического движений исследуют в своих работах А.К.Мощану, Е.И.Спивковский, А.Э.Новак и другие. В области изучения проблем новейшей истории Румынии следует назвать А.А.Язькову, Н.К.Лебедева,

Б.С.Попова, И.Э.Левита, И.Н.Чемпанова, А.А.Шевякова, М.Г.Сазину, М.А.Мунтяна, Т.А.Покивайлову, М.Д.Ерещенко и др. Итогом изучения истории Румынии стала вышедшая в свет в 1971 г. двухтомная "История Румынии".

Осложнение отношений с Югославией в 1948 г. безусловно сказалось в определенной степени на исследованиях по истории этой страны конца 40 – нач. 50-х гг. Со второй половины 50-х гг. изучение истории Югославии в СССР значительно активизировалось. Большой вклад в изучение вопросов становления феодализма в Словакии внесли труды Ю.В.Бромлея, Е.П.Наумова. Важное место заняло изучение борьбы югославянских народов против турецкого ига, национально-освободительное движение югославянских народов (С.А.Никитин, В.М.Хевролина, Н.И.Хитрова, В.П.Грачев, В.И.Фрейдзон и др.) развитие общественно-политической мысли, общественных и культурных связей (В.Г.Карасев, И.И.Лещиловская, Д.Ф.Поплыко, И.С.Достян, И.В.Чуркина и др.). Значительный вклад в изучение истории этой страны внесли труды Ю.А.Писарева, разработавшего также темы: Сербия и Черногория в годы первой мировой войны, образование Югославянского государства, а также более общих вопросов международных отношений на Балканах накануне и в годы первой мировой войны. Проблемы новейшей истории Югославии исследованы в работах В.К.Волкова, Л.Я.Гиббянского, В.В.Зеленина, Г.М.Славина, М.М.Сумароковой. Большая работа была проведена и ведется по публикации документальных источников, в частности, по Сербскому восстанию, по зарубежным славянам и России (из архива М.Ф.Раевского. 40–80 гг. XIX в.), участию югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР и другим.

Большой вклад в балканистику в эти годы внесли работы советских историков В.А.Емеца, А.В.Игнатьева, К.Б.Виноградова, изучивших наиболее важные аспекты международной политики Антанты и держав центральной коалиции на Балканах накануне и в годы I мировой войны, раскры^{ли} стратегические планы союзников в войне, чем способствовали более глубокому пониманию общих тенденций балканской политики великих держав на Балканах.

Организационные мероприятия в 70-х гг. привели к более систематическому и углубленному изучению проблем балканской истории. Наряду со страноведческими исследованиями и последующим написанием обобщающих работ по истории Болгарии, Албании,

Румынии и Югославии. Институт славяноведения и балканистики поставил в центр своих исследований комплексную и сравнительно-историческую проблематику. Результаты подтвердили правильность выбора главного направления исследований, поскольку лишь приложение различных наук могло обеспечить успешное проникновение в суть крупномасштабных явлений истории и культуры народов Юго-Восточной Европы, облегчить их всестороннее познание. Сравнительно-исторический метод анализа на материале обширного балканского региона позволил более отчетливо рассмотреть с учетом выводов исторической науки балканских стран, достижения и нерешенные вопросы внешней и внутренней политики на Балканах, а также более полно представить роль нашей Родины в европейской истории — от времен Византии до эпохи социалистического строительства.

В свою очередь история Балкан, с нашей точки зрения, может быть правильно понята только в связи с историей народов СССР. Примерами таких исследований являются серия трудов о переходе балканских стран от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму, труды по государственности и международным отношениям на Балканах, сериал "Балканские исследования".

К началу 80-х годов были сделаны попытки провести историографический анализ работ советских историков по проблемам балканистики. Один из выпусков "Балканских исследований" (№5, 1979) был специально посвящен подведению итогов развития балканистики в СССР. В сборнике были широко представлены историографические статьи по узловым проблемам балканистики, балканского средневековья, новой и новейшей истории Балкан, балканской тюркологии, этнографии, лингвистической балканистики, проблем развития балканской культуры, исследование литератур балканских стран и т.д. Основные направления балканских исследований в СССР были раскрыты также в докладах В.Н.Виноградова о развитии проблем истории и культуры балканских стран в СССР и Э.С.Хромова об изучении проблем истории ЦЮВЕ в Институте истории СССР, сделанных на международной конференции по балканистике в Белграде в сентябре 1982 г. К настоящему времени имеется ряд историографических очерков по отдельным проблемам балканистики (Л.Б.Валев, А.С.Бейлис, Ю.А.Писарев, С.И.Бочкарева, Е.К.Вяземская). Периодически публикуются полные библиографии работ по истории Балкан в "Балканских исследованиях" (выпуски № 2,3,4,6,7,8,9).

В настоящее время историками-балканистами подготовлен целый ряд крупных коллективных и обобщающих и индивидуальных работ и определились основные направления исследований. В области древней и средневековой истории Балкан исследуются проблемы: Византия и балканские народы, этногенез и этнические истории народов Юго-Восточной Европы, раннефеодальные государства на Балканах, балканские страны в эпоху феодализма, Исследуются также проблемы этногенеза славян. В области новой истории усилия историков обращены на изучение теоретических и историографических проблем перехода от феодализма к капитализму,

социальных структур и политических движений на Балканах, проблем национально-освободительного движения, формирования наций, развития национального самосознания и создания национальных государств в Юго-Восточной Европе, связей балканских народов с Россией.

Приоритетное значение придается изучению международных отношений на Балканах, истории общественной мысли.

В области новейшей истории важное место занимает изучение проблем рабочего и социалистического движения, влияния Великой Октябрьской социалистической революции на балканские страны, становления и развития революционных, общественно-политических и культурных связей Советского Союза и народов стран Юго-Восточной Европы, участия трудящихся Балкан в борьбе за власть Советов в России и проблемам интернационального сотрудничества. Большое внимание в последние годы уделяется исследованиям по социальным и политическим структурам в межвоенный период, антифашистской борьбе и народно-демократическим революциям на Балканах, истории балканских стран накануне и в годы II мировой войны, развитию народно-демократических революций и строительству социализма в странах Юго-Восточной Европы.

Безусловно, не все эти направления развиваются равномерно. Все еще слабо разработаны проблемы социально-экономической истории стран Юго-Восточной Европы в период феодализма и в последующие эпохи, ощущается острая потребность изучения тесной взаимосвязи внутренних и внешних факторов социально-экономического и политического развития балканских стран. Слабая изученность целого ряда вопросов, существование "белых пятен" связано в значительной степени со все еще сохраняющимся недостат-

ком документальных источников, доступным исследователям. Наблюдается неравномерность в кадровом обеспечении изучаемых проблем.

Основная задача, которая в данное время выдвигается перед советской балканистикой, в том числе и перед исследователями Института славяноведения и балканистики АН СССР – подъем балканистики на уровень, соответствующий переживаемой эпохе, теоретическое углубление и расширение тем исследований, их актуализация в высоком научном и политическом значении этого понятия. В настоящее время наметилось известное отставание в страноведческих исследованиях, что может привести, если не принять своевременных мер, к размытию той базы, на которой стоят комплексные и сравнительно-исторические разработки. Дальнейшее изучение балканистических проблем возможно на основе сочетания монографических, страноведческих и общевосточных трудов и последующего написания обобщающих работ. Институт переходит сейчас от изучения преимущественно межгосударственных связей к ^{изучению} русско-балканским контактам, общественным и культурным. Здесь открывается плодотворное поле для создания междисциплинарных трудов. ^{исследования} По истории нашей страны, к которой сейчас так возрос интерес в обществе, могут быть значительно обогащены, если мы представим ее не только "изнутри", но и извне, в сочетании с историческими процессами в связанном историческими узами с Россией балканском регионе. Интересные перспективы открываются при более органичном объединении сил историков, литературоведов и лингвистов. Начато сотрудничество специалистов разных наук в изучении проблем этнической истории, переходного от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму периодов. Важная задача – значительная активизация изучения истории и культуры Балкан новейшего времени и прежде всего периода социализма. По мнению ведущих ученых-балканистов, путь лежит в дальнейшем уточнении функций различных научно-исследовательских центров, в том числе ИСБ АН СССР, в системе изучения сложных проблем социалистического строительства, в разделении труда между научными учреждениями, академическими и внеакадемическими, изучающими экономику и политику соцстран региона. Участок, который выделяет для себя ИСБ, – изучение духовной жизни, влияния духовной зрелости общества

на ход и темпы социалистических преобразований, исследование, обобщение и распространение опыта европейских соцстран, анализ величайшего разнообразия путей развития социализма, показ становления и развития социалистического содружества. Сегодня сложились чрезвычайно благоприятные условия для того, чтобы на новом уровне сомкнуть ряды не только разных ученых, различных научных направлений, но также приступить к освоению плодотворного опыта сотрудничества историков разных стран в написании совместных трудов, и, прежде всего, по темам, которые служат сближению и укреплению взаимопонимания между нашими народами.

ВОЛОХИ В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

Первые попытки решения вопроса об этногенезе волохов (влахов) были предприняты византийскими летописцами и историками. В X в. Константин Багрянородный писал о римском происхождении жителей далматинских городов, а, возможно, и части соседнего автономного сельского (романизованного) населения¹; о римском происхождении влахов было высказано предположение в конце XII в. Иоанном Киннамом²; Кекавмен (в XI в.) и Никита Хониат (на рубеже XII—XIII вв.) видели во влехах (волохах) потомков фракийцев (бессов и мисян)³. Представление о том, что волохи являлись прямыми потомками римских колонистов, господствовало на протяжении многих столетий. Идея о фракийском происхождении волохов, будучи высказанной в XI—XII вв., затем была надолго предана забвению. Историки вернулись к ней только в XVIII в.

Таким образом, уже первые шаги в определении этногенеза волохов характеризовались противоречивыми позициями. Вопрос о происхождении волохов традиционно связан с более широкой проблемой — этногенезом восточнороманских народов. На протяжении многих лет в решение этих вопросов были привнесены ошибочные представления, затруднявшие дальнейшее объективное изучение. Проблема происхождения волохов и румын вызвала длительную дискуссию, которая, начавшись в XVIII в., не завершилась по некоторым спорным аспектам и в настоящее время. Главные вопросы, находившиеся в центре внимания исследователей, касались этнической характеристики волохов, места и времени их формирования.

Как показывают современные исследования, формирование волохов на севере Балкан и в Карпато-Дунайских землях в первом тысячелетии н.э. явилось результатом крупных изменений в социальной и этнической структуре населения и проходило в условиях смены одного общественного строя другим. В их этническом развитии главную роль сыграли процессы романизации фрако-иллирийского насе-

ния и последующий симбиоз романизированного населения со славянами. Недостаточная изученность археологических, лингвистических, этнографических аспектов проблемы не дают возможности полно осветить все вопросы ранней этнической истории волохов. В связи с этим рассмотрим только общее направление этого процесса.

Великое переселение народов III-VII вв. существенно изменило этническую ситуацию в Юго-Восточной Европе. После ухода римлян в северном Подунавье господствовали различные племенные союзы: готов (271-375), гуннов (375-453), гепидов (V-VI вв.), славян и аваров (530-е - 620-е годы). Происходила массовая смена населения. Преобладающая часть населения была, как мы полагаем, по-прежнему представлена фракийскими племенами.

Костобоки и карпы в III в. были покорены германскими племенами бастарнов, готов, тифалов, а также проникшими с Востока сарматами. Карпы были упомянуты последний раз в 381 г. греческим историком Зосимой под именем "карподаков"⁴. После V века в источниках более не упоминаются геты, а после VII в. - даки. Хотя наименования местных народов менялись, что свидетельствовало о процессах этнической трансформации, их культура полностью не исчезла, передаваясь вновь пришедшим народам.

Судьбы романизированного населения в различных частях Карпатского региона были неодинаковыми. Население придунайских областей в результате многочисленных войн и нашествий было частично истреблено или вытеснено к северу, северо-западу в горные районы Карпат и к югу от Дуная. В Подунавье нашествия германских и тюркских племен смели следы римской культуры. Иной была ситуация в Олтении, Банате, Паннонии, Трансильвании, Молдавии и северных горных районах, отстоявших далеко от путей продвижения мигрировавших народов, где существовали условия для сохранения романизированного фракийского населения.

В целом после III в. н.э. в Карпатском ареале численность романизированного населения была небольшой. Тенденция его этнического развития вела в первой половине I тысячелетия н.э., по выражению В.Ф.Шипмарева, к "постепенному угасанию"⁵. Отсутствие исторических свидетельств об этой группе волохов способствовали утверждению в XVIII-XIX вв. в европейской историографии (Ф.Зульцер, Р.Рёкслер, И.Энгель и др.) мнения об исчезновении в Карпатах, начиная с III в., романизированного населения и позднем появлении волохов в результате миграции с Балкан. Исследованиями

лингвистов, археологов, этнографов, проводившиеся с начала XX в., и более тщательный анализ ранних письменных источников показали необоснованность этой точки зрения.

Совокупность различных источников свидетельствует о том, что горные районы Бната и Трансильвании, а также Паннония и предгорные районы Молдавии, огражденные от путей продвижения мигрировавших на Балканы народов, являлись зоной, где постоянно продолжало существовать автохтонное романизованное население. Можно предположить, что туда же передвинулась часть романизованного населения с нижнего Дуная, будучи вытесненной сначала германскими племенами, а затем гуннами.

Эти факты в свое время отмечались средневековой литературой. Авторы IV-VII вв. (Паулин, Еня, Паскаль и др.), описывая карпатские земли, называли в числе их населения даков, гетов⁶. Материальная культура романизованного населения на территории Трансильвании и Олтении, относящаяся к VI-VII вв. и содержащая римско-византийские элементы, известна под названием культуры Ипотешть-Кындешть⁷. Начиная с конца VII в., она приобретает черты славянской материальной культуры, о чем свидетельствуют археологические раскопки у с. Сарата-Монтеору⁸.

Продвигаясь в VI-VII вв. к Дунаю и на Балканы, славяне застали там остатки местного романизованного населения, пережившего нашествие гуннов и известного по памятникам так называемой черняховской культуры. По мнению большинства исследователей, эта культура была создана населением разного этнического происхождения, в состав которого входили анты, сарматы, фракийцы, германцы и др.⁹

Лингвисты, изучавшие проблему романо-германских связей, относили начало языковых контактов романизованного населения со славянами к разным периодам: О.Денсушану — к IX в., И. Бэрбулеску — X-XI в., Т.Капидан — к XII в. Современные исследователи (В.Ф.Шишмарев, Н.Г.Корляту) датируют первый этап романо-славянских связей VII-XIII вв.¹⁰

Как показали современные исследования болгарского лингвиста И.Дуриданова, в период VII-VIII вв. в балканороманском языке происходит изменение славянского безударного *o* в *a*, *ǫ* на славянской основе (например: могила — *mǫgura*, коледа — *calendae* и др.)¹¹. Верхней хронологической границей вхождения древнеславянских элементов в язык романизованного населения Балкан является IX в.¹²

Эти контакты составили первый этап в истории длительных и многообразных романо-славянских связей. По образному выражению болгарского историка П. Мутафчиева, романизованное население могло превратиться в новую этническую общность только после того, как в него было "влито значительное количество славянской крови"¹³. Этот этап был общим для всего романизованного населения Балкан и Карпат. Результатом фрако-романо-славянского симбиоза явилось образование в IX в. новой этнической общности волохов (влахов, валахов).

Согласно наиболее распространенной точке зрения термин "волох-влах" произошел от древневерхнегерманского *walch* и средневерхнегерманского *walh* со значением "чужеземец; кельт, представитель романских народов", которые, в свою очередь, произошли от кельтского этнонима *Volcae*, представлявшего имя наиболее крупного и известного кельтского племени¹⁴. В III-II вв. до нашей эры кельты расселялись на Балканах, в нижнем Подунавье и в юго-восточном Прикарпатье, на землях будущей Молдавии. Славяне непосредственно с кельтами не соприкасались. Поэтому имя волохов дошло до славян через германское *walch*. От древнеславянского волох (староболгарского влах, русское волох, польское влох, словенское лах) этот этноним перешел в другие языки - в греческий (блакос, влакос), латинский (блаци, волачи), венгерский (олах, улах, олаш), турецкий (ифлак).

Волохи (влахи) - это собирательный этнический термин. У каждой из групп волохов наряду с этим имелись и областные этнонимы. Содержание термина "волох-влах" не было всегда однозначным. В области польских, словацких, украинских Карпат, где этнические волохи оказались в окружении преобладающего славянского населения, происходили процессы ассимиляции волохов в XV-XVI вв., имела место трансформация этнического содержания термина влах-волох, в ходе которой он приобрел социальное и конфессиональное значение¹⁵.

Волохи представляли собой не единую народность, а ряд дисперсных этнических групп, живших на обширной территории Балкан и Карпат.

В самом начале своего появления на исторической арене в IX-X вв. волохи уже разделялись на две большие группы - северную, расселившуюся в Карпатах, и южную, жившую на Балканском полуострове. В среде волохов этноразъединительные процессы преобладали над объединительными, что привело в дальнейшем к выделению в ка-

ждой из двух больших групп отдельных этнических образований, а позднее — и народностей. Отдельные группы волохов различались между собой как по антропологическому типу, так и по культуре, сложившейся под влиянием местных географических и хозяйственных условий. Различными были и этнические субстраты, на основе которых они формировались.

Если в складывании балканских владов наряду с фракийцами участвовали иллирийцы, то в области Карпат субстрат формировавшихся волохов был представлен только фракийскими племенами. Фракийские племена, на основе которых сложились карпатские волохи, — даки, геты, карпы, костобоки — принадлежали к группе северных фракийцев, имевших некоторые отличия в культуре от южных. Эти факторы, так же как и особенности исторических условий развития, обусловили различия этнического и культурного характера между карпатскими и балканскими волохами.

Наличие определенной лингвистической общности у волохов Балкан и Карпат не дает основания рассматривать их как народ, имевших общий язык. Как отметил болгарский лингвист Б. Симеонов, латинский язык романизованного населения южнодунайских областей имел много существенных различий по сравнению с романским языком населения северодунайских областей. Например, в языке романцев к северу от Дуная сохранился дифтонг au (aur, Aurel), в то время как в языке балканских владов дифтонг au перешел в отдельные гласные a и o (arar, Agosta)¹⁶.

Сложившееся к IX в. на Балканах и в Карпатах новое этническое образование можно охарактеризовать как метаэтническую общность, расселенную на большой территории, отдельные группы которой рой значительно отличались между собой. Имея ряд общих черт, среди которых прежде всего — романский строй языка, характерные занятия (горное животноводство), волохи, тем не менее, не имели общего этнонима как и единого этнического самосознания.

Вопрос об этнониме "волох-влах" относится к числу дискуссионных. Ряд исследователей считает, что самоназванием волохов был термин "романь", а "волох-влах" — это наименование, данное восточным романцам соседними народами¹⁷. Не касаясь Балканского полуострова, где бытовали оба этнонима — "романь" и "влах", отметим, что для волошского населения к северу от Дуная этноним "романь", "ромьнь" не был известен до XVII в., когда он впервые появился в трудах валашских и молдавских летописцев. Начиная с XIX в. в связи с

ростом румынского самосознания широкое распространение в Трансильвании и Валахии получил этноним "ромынь", а этноним "влах" приобрел негативное значение и перестал употребляться. Хотя численность волохов в карпатских землях была меньшей, чем на Балканах, политические и социально-экономические условия, в которых они жили, оказались более благоприятными для дальнейшего их развития, чем у волохов к югу от Дуная. Эти обстоятельства так же, как и характер этнодемографических процессов, в ходе которых славянское население в Карпатах уменьшилось, концентрируясь в границах соседних государств — Болгарии, Галицко-Волянского княжества, а волошское возрастало за счет миграций из-за Дуная, привели в более поздний период к ассимиляции волохами славян. Это, казалось бы, противоречивое явление стало возможным в условиях двух одновременно действующих процессов — сокращения численности славян и возрастания числа волохов.

Прямое указание на переселение романизованного населения из областей южнее Дуная содержится в валашской летописи Кантакузина, составленной в конце XVII—начале XVIII в. В ней сказано, что предки румын отделились от римлян и, перейдя за Дунай, расселились в Северинском Банате, в Марамуреше, а также по рекам Олт, Муреш, Тисса, Дунай. Исследователи летописи пришли к выводу, что ее древнейшая часть была написана в начале XVI в. на основе бытовавшей устной традиции народного происхождения. К подобному выводу пришел советский историк В.П. Шушарин, отметивший, что летопись свидетельствует "...о сохранении у жителей Валашского княжества до начала XVI в. народного предания о приходе их предков из областей южнее Дуная"¹⁸.

Признание того факта, что народное предание отразило реально существовавшие в прошлом переселения с юга на север от Дуная не дает тем не менее оснований разделять миграционную территорию, согласно которой все романизованное (а в другом варианте — все волошское) население, сформировавшись на Балканах, затем перешло в Карпаты. Признавая сохранение в валашской летописи памяти о реальных событиях переселения, следует соотносить их и с другими признанными фактами — существованием на протяжении ряда веков в Карпатах романизованного, а затем и волошского населения. Таким образом, валашская летопись отразила факты переселения не всего народа, а лишь каких-то его групп.

В начале IX века болгарский хан Крум занял Банат, Трансильванию и Паннонию, присоединив к Первому Болгарскому царству северодунайские земли до реки Тиссы.¹⁹ В результате связь этих земель с Балканами усилилась, что создало возможности для миграционных потоков с юга на север. Переселения волохов с Балкан в Карпаты не обратили на себя внимания историков в силу того, что они не были одновременными и массовыми.

Можно предположить, что одной из первых областей, заселенных влахами-переселенцами, была область Влашка ("страна влахов") в центральной части Мунтении, прилегающей к Дунаю. Будучи пограничным районом, непосредственно общавшимся через Дунай с северобалканскими землями Византии, а затем Болгарии, Влашка больше других прикарпатских регионов испытала позднероманские влияния. Видимо, сюда в первую очередь прибывали романоязычные переселенцы с Балкан, что обусловило их концентрацию. На территории этого уезда археологами найдены памятники восточнороманской культуры Буков (IX-X вв.)²⁰. Этнический характер населения этой области отразился в ее историческом наименовании, данном славянами, - Влашка, Влэсия. Известно, что этнопонимы, возникая в этнически смешанной среде, служат для выделения одной из этнических групп, живущей в окружении другой. В данном названии отразился этнический характер волохов, живших среди славян. В этом же уезде существуют села с древними топонимами Влашка и Влэшкуча. Подобно этому на Балканах и в Карпатах области с преобладающим славянским населением, жившим в иноэтническом окружении, получили наименование "Славиния".

Предположительное время появления этнопонима "Влэсия" - X-XI вв. К этому времени численность волохов здесь возросла. Этим же именем "Влэсия", "Кодрул Влэсией" назывался славянами лес в центральных областях Мунтении.

Можно предположить, что из районов Влашки романизованное население и волохи передвигались на протяжении ряда веков на север - в среду местного обитания романизованного населения, способствуя возрастанию волошского населения в горной части Карпат. В дальнейшем термин "Влэсия" приобрел нарицательное значение; им называли любую волошскую область, находившуюся в иноэтничном окружении. "Влэсия" периода XI-XIII вв. - это не только этнические изоляты в иноэтничной среде, подобно "Славиниям", являвшимся социально-политическим организациям славян, они представляли со-

бой автономные раннеклассовые образования под руководством князей и воевод. Такой характер носили Власии в Фагэраше (Трансильвания), Вранче (Молдавия) и другие.

Другой очаг восточнороманской культуры, связанный с Балканами, находился на Нижнем Дунае. После падения Первого Болгарского царства в начале XI в. Византия захватила Добруджу и вышла к устью Дуная. Были возведены и восстановлены византийские крепости Диногетия, Новиодум и другие. Археологические раскопки в Гарване (Диногетия) позволяют говорить о существовании там в X–XII вв. влахо-славянских (или влахо-болгарских) общин²¹.

В расширении ареала расселения волохов в Карпатах важную роль сыграло изменение политической ситуации в XI в. после распада аварского каганата и изгнания аваров к востоку от реки Тиссы войсками франков Каролингской империи. Уход аваров вызвал структурные изменения в социально-экономической жизни населения прикарпатских земель, способствуя росту численности волохского населения и освоению новых земель.

Наиболее раннее историческое событие, к которому приурочено первое известие о волохах в Карпатской области, названо в русской летописи. В "Повести временных лет" волохи в области между Карпатами и Дунаем упоминаются дважды. Впервые о карпато-дунайских волохах летописец упоминает при описании расселения славян: "Волохом бо нашедшем на словени на дунайские, и седшем в них и населяшем им..."²². Во второй раз этноним волохи встречается под 898 г. в связи с описанием венгерского завоевания Паннонии: "Пришедше от востока и устреминася черес горы великая, яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяку бо ту прежде словени, и волохове прияша землю словеньску"²³. С начала XIX в. предпринимались неоднократные попытки объяснения этих мест летописи.

В 1814 г. Академия наук России и Московский университет учредили премию за сочинение на тему: "Кто такие волохи, упомянутые в летописи Нестора, и каково их происхождение?". Она была присуждена историку И. Шлицеру, сыну известного исследователя летописей А. Шлицера, пришедшему к выводу, что волохи, упоминаемые Нестором, являлись болгарами²⁴. Другие исследователи XIX – XX вв. видели в волохах Нестора римлян, франков, гетов, готов.²⁵ Эта противоречивость в оценках этнического содержания понятия "волох" связана со слабым знанием в тот период вопросов ранней этнической истории волохов.

Наиболее убедительное объяснение текста русской летописи дал, на наш взгляд, советский историк В.Д.Королюк, который отметил общность фактов, описываемых летописью и хроникой "Анонима" — нотариуса венгерского короля Белы III. Согласно выводу Королюка, поддержанному советской историографией, волохи русской летописи — это местное романизованное население Паннонии²⁶. "Аноним" оставил в работе "Деяния венгров" этническую характеристику населения Паннонии времен прихода туда венгров, т.е. конца IX в. Текст "Анонима" был написан на рубеже XII—XIII вв. На этом основании венгерские исследователи (П.Гунфалви, и др.) оспаривали подлинность этого сообщения, считая, что автор перенес известные ему этнические понятия XIII в. на эпоху IX—X вв. Однако сравнения данных "Анонима" с известиями русской летописи и сведениями другого венгерского хрониста — Шимона Кезаи — показывает, что они во многом совпадают, что свидетельствует об их достоверности. Из хроники Анонима мы узнаем, что при своем продвижении из области Этелькузе (междуречье Днестра—Прута—Сирета) в Паннонию венгры застали в конце IX в. на территории будущих областей Трансильвании, Кришаны, Марамуреша и Баната смешанное славяно-волошское население в составе четырех воеводатов²⁷. Впоследствии эти славяно-волошские социально-политические организации продолжали существовать в виде этнически однородных "земель" ("царь"), в которых волохи ассимилировали славян.

Картина этнического развития романизованного населения в Паннонии дана в работе другого венгерского хрониста XIII в. — клирика венгерского короля Ласло IV Шимона Кезаи. В работе "Деяния венгров" он отметил, что во времена завоевания Паннонии гуннами (первая половина V в.) там жило романизованное население, продолжавшее оставаться также и в период появления венгров (898 г.)²⁸. Следует отметить, что в тексте Ш.Кезаи перенесен на романизованное население V в. этноним "волохи", возникший не ранее IX в. К такому необоснованному смешению самостоятельных этнических понятий "романизованное население" и "волохи" впоследствии стали прибегать многие из авторов. Учитывая, что хроника Кезаи, написанная в XIII в., сохранилась в копиях XVIII в., трудно сказать, как было названо романизованное население гунской эпохи.

Под давлением венгров часть волохов Паннонии, уступавших им в численности и военной организации, была вытеснена в районы Трансильвании и Баната.

Более детальные и полные известия о волохах в Карпатах появляются начиная с первой половины XIII в. Основные сведения, характеризующие волохов, сосредоточены в грамотах венгерских королей, дарственных и других актах венгерских воевод, буллах римских пап и документах канцелярии Ватикана, русских летописях и других источниках.

- 1 См.: Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. ed. G.Y Moravesik, R.J.H.Jenkins. Washington, 1967, cap. 29-31
- 2 Советы и рассказы Кекавмена. Изд. Г.Г.Литаврин. М., 1972, с. 268-270; см. также: Литаврин Г.Г. Влахи византийских источников X-XIII вв. - Юго-Восточная Европа в средние века, Кишинев, 1972, с. 101
- 3 Fontes Historiae Daco-Romane. Buc., 1975, V.III, P. 254
- 4 Bichir G. Carpii. // magasin istoric. Buc., 1976. N 2. P.34
- 5 Шипмарев В.Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. - Вопросы языкознания. 1952. № I. С. 82
- 6 Fontes Historiae Daco-Romane. Buc., 1970. V.II.P.XLI, XLIII, LXIX, LXX.
- 7 Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 298
- 8 Там же, с. 300
- 9 Рикман Э.А. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев, 1975. С. 12
- 10 Шипмарев В.Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. - Вопросы языкознания, 1952. № I. С. 91; Кордэтяну Н.Г. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинев, 1973. П. 140
- 11 IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссий. Языкознание. Киев, 1986. С. 27-28
- 12 Там же. С. 28
- 13 Mutařiev P. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens. Sofia, 1932. P. 293.
- 14 См.: Machek Vaclav. Etimologicky slovník jazyka českeno. Praga, 1968. С. 675; Štika Jaroslav. Vyznam slova "valach" v západních Karpatěh // Slovenský národopis, 1962, N 3, С. 47
Грацианская Н.Н., Корольков В.Д. Проблемы этногенеза моравско-влахов в современной чехословацкой историографии. - Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 256-257.
- 15 IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Языкознание. Киев, 1986. С. 25
- 16 Candrea I.A., Adamescu Gh. Dictionarul enciclopedic ilustrat. Buc., 1931. P. 1925

- 17 Constantinescu N.A. Dicționarul onomastic românesc. Buc., 1963. P. 363.
- 18 История Венгрии. Т. I. Под ред. В. П. Шушарина и др., М., 1971. С. 146
- 19 История Болгарии. Под ред. Третьякова П. Н. Т. I. М., 1954. С. 68
- 20 Istoria Romîniei. Buc., 1961. V. II. P. 49
- 21 Там же. С. 50
- 22 Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950. С. II
- 23 Там же. С. 2I
- 24 Vucanovič T.P. Les Valagues, habites autochtones des pays Balkaniques. // L'Ethnografie. Paris, 1962. P. 11
- 25 Обзор мнений об этнической интерпретации понятий "волок" в "Повести временных лет" приведен в статье М. Gyoni "les Voloches des Annales primitives de Kiev." // Etudes Slaves et Roumaines. v. 2, f. 2. Budapest, 1949
- 26 Королюк В. Д. Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 184
- 27 Scriptores Rerum Hungaricarum. V. I. Budapestini, 1937. P. 45
- 28 Popa-Lisseanu G. Izvoarele pentru istoriei românilor. Cronica ungarilor. V. IV, Buc., 1935. P. 32

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА
 ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ (по результатам картографиро-
 вания народного жилища)

Создание историко-этнографического атласа народного жилища Молдавии, (равно как и других регионов страны), является частью той огромной работы, которая рассматривается как этап в составлении в будущем региональных атласов, с последующим участием в разработке общеевропейского атласа по данной тематике.¹

Одной из целей этой ответственной работы является стремление как можно точнее воссоздать на конкретном (предметном) материале историю формирования во времени и пространстве основных этнических традиций, с одной стороны отражающих ареал распространения специфических черт бытовой культуры отдельных этносов внутри тех или иных историко-этнографических регионов, с другой – выявляющих те общие черты культурно-бытовых особенностей групп этносов, которые связаны общностью их исторических судеб, длительным соседством в условиях, сходных по основным признакам хозяйственно-культурных типов.²

Подобного рода исследования в конечном итоге позволяют изучить все многообразие географически и исторически обусловленных межэтнических культурных контактов на той или иной территории, помогая при этом раскрывать сам механизм взаимодействия различных этнических традиций, без чего трудно себе представить формирование и эволюционную связь культуры отдельных этносов с феноменом региональной, а через нее и общечеловеческой культуры. С этой точки зрения ареальные исследования традиционно-бытовой культуры (в частности народного жилища) на территории Молдавии представляет особый интерес. Этот интерес предопределен тем, что в силу своего географического положения на границе Карпато-дунайского (балканского) ареала (с юга и запада) и Восточно европейской лесостепной и степной полосы (с севера и востока), территория Молдавии, находится на стыке не только различных природно-ландшафтных и климатических условий, но и в значительной мере специфических хозяйственных традиций, представляющих собой вариативное сочетание пашенного земледелия со скотоводством. Вариантность в

данном случае определяется преобладанием одного из видов хозяйственной деятельности в тот или иной период у различных групп населения. Специфическим признаком служит и вид скотоводства: стационарное, стационарное с элементами отгонного и наоборот. Указанные хозяйственные традиции находят аналогии в пределах всех вышеуказанных соседних с Молдавией территорий³.

В пределах самой Молдавии пространственное размещение соответствующих традиций бытовой и хозяйственной культуры связано непосредственно с природно-климатическими особенностями края, заключающимися в том, что лесостепная зона с беспокойным рельефом центральных и северных районов Молдавии значительно отличается от степного юга, постепенно переходящего в причерноморскую равнину.

Особый отпечаток на развитие традиций бытовой культуры в крае накладывали и его исторические судьбы. Так, если в северных и центральных областях Молдавии в течение нескольких предшествующих столетий преемственность традиций бытовой культуры не нарушалась в связи со сравнительно стабильным этническим составом населения (молдаване и украинцы), то в Южном Междуречье Прута и Днестра она прерывалась неоднократно в связи с частой сменой населения.

Очередным историческим рубежом, кардинально изменившим этнокультурные традиции у жителей Днестровско-прутского междуречья явился 1812 год – год избавления от турецкого господства в результате очередной русско-турецкой войны и присоединения Бессарабии к России. Связанный непосредственно с этими событиями уход из края ногайского населения в конце XVII–нач.XIX вв. и последовавшая за этим народная колонизация Южной Бессарабии разноэтничными группами выходцев из центральных областей России и Украины, а также из-за рубежа, обусловили специфические условия для развития бытовой культуры края весь последующий период.

Наиболее многочисленную группу иммигрантов в Южную Бессарабию составили переселенцы из-за Дуная (преимущественно из Северо-Восточной Болгарии, Дунайской равнины и Запрутской Молдовы): болгары, гагаузы и молдаване – носители новых для края, т.н. балканских, традиций. Носителями местных традиций явилось старожильское молдавское, ногайское, отчасти украинское и русское население, прибывшее в край в различное время.

Активные процессы этнокультурного взаимодействия множественности этнических традиций в конкретных условиях Южной Бессарабии в XIX в. обусловили формирование южно-бессарабских регио-

нальных черт бытовой культуры, отличных от таковых у населения Северных и Центральных районов Молдавии. Способствовали формированию зональных различий и социально-экономические факторы и прежде всего социальное положение переселенцев из-за Дуная, объединенных в 1819 г. единым колониетским статусом в рамках т.н. болгарских колоний Буджака.⁴

Все вышеупомянутое и определило в конечном счете формирование в течение всего XIX века тех зональных особенностей традиционной бытовой культуры, в частности жилища, на территории нынешней Молдавии, которые сохраняют свое дифференцирующее значение в типологии даже современных явлений бытовой культуры и особенно жилища. Наиболее ярко эти процессы выявлены в процессе картографирования отдельных элементов а также типов традиционного жилища в ходе подготовки историко-этнографического атласа Молдавии по данной тематике.

Картографирование позволило выделить на территории современной Молдавии 3 этнокультурные зоны (за основу брались карты XIX - начала XX вв. - период, когда традиции сельского жилища в регионе окончательно сложились):

- а) северная с тяготеещими к ней центральными областями;
- б) южная, разграничиваемая от северной по линии Леово-Бендеры;
- в) юго-восточная, охватывающая южное Поднестровье и отчасти районы Левобережной Молдавии.

Границы между северной и южной зоной с небольшими колебаниями с юга на север и юго-восток простираются по линии Леово-Чимишлия-Каушаны-Слободзея. Территории соответственно одноименных районов по характеру бытования тех или иных явлений представляют переходную зону.

На картах середины XIX века территория Южного Поднестровья входит в северный ареал, так как, частично обнаруживая черты переходной зоны, все же сохраняет преобладание этнографических черт, свойственных северной зоне. Во втором периоде эта территория образует ярко выраженную смешанную зону, продвинувшую к этому времени в левобережной части региона свои границы значительно севернее и охватившую Григориопольский и отчасти Дубоссарский районы.

Наиболее показательными признаками народного жилища, повлиявшими на формирование зональных типов являются отопительная система и связанная с ней внутренняя планировка помещений, их функ -

циональная связь между собой и соотношении с планировкой крестьянской усадьбы.

Первоначальным ядром, функциональным центром жилища северных и центральных областей Молдавии является жилая комната (молд. "камара", "каса", укр. "хата"), обогреваемая духовой глинобитной сферической конструкции печью (молд. "куптьор", "соба сарбэ", укр. "пич"), топившейся в серед. XIX в. иногда по черному. Располагалась эта печь вправо или влево от входной двери в углу у тыльной стены и ориентировалась устьем к фасадной стене (на окна), что обнаруживает наибольшее сходство с так называемым белорусско-украинским типом жилища, представляющим один из вариантов восточно-европейского жилища. По способу вывода дыма эта печь была преимущественно полукурной, т.е. над устьем устраивали раструб дымоулавливателя (молд. "хорн", укр. "комин") и через коленчатый дымоход выводили дым через отверстие ("кахла", "кагла") в смежной стене в сени. Дополнением к печи, как правило, служила теплая лежанка. Задний угол комнаты между лежанкой и торцевой стеной занимали спальным возвышением из глины или досок (молд. "пат", укр. "під", "лавка"). Вдоль остальных стен стояли узкие неподвижные или неподвижные лавки (молд. "лаицэ", укр. "лавки"). В углу под образами около лавок ставили стол. В углу между входной дверью и фасадной стеной вешали деревянную полку для посуды и мелкой утвари (молд. "блидар", укр. "мисник"). Основное убранство комнаты составляли домотканые изделия: ковер, настенные дорожки, накладки, декоративные полотенца. Над лавкой вешали жердь или натягивали веревочку (молд. "кулме", укр. "жердка") для подвешивания одежды. Постель на день складывали в углу на спальном возвышении. В зазоры, образованные балками и поддерживающей их матицей (молд. "коарда", укр. "сволок") закладывали пучки душистых трав, цветы, или даже веточки с плодами, что составляло одновременно и своеобразный декор интерьера крестьянского дома.

Для этого типа дома характерны холодные сени с входной дверью с фасада. Дом находится посреди усадьбы, неправильных очертаний и беспорядочной застройки, чаще всего без связи с хозяйственными постройками. Основными носителями этой традиции в крае являлось коренное молдавское и украинское население, расселенное в центральных и северных областях Молдавии. В середине XIX в. встречается этот тип жилища и в южных пределах края, главным образом у старожильческих групп населения преимущественно у молда-

ван и украинцев Южного Поднепровья, а также у местного молдавского и мигрировавшего в край украинского населения Южного Подпрутья и Буджака.

Традиции этого типа жилища бытуют в качестве основных на территории северных областей соседней Румынии, а также в пределах расселения восточных (Украина, Белорусския) и западных (поляки) славян⁵.

Жилище южной Молдавии развивалось под знаком интеграции традиций разных историко-этнографических областей и этносов при преобладании балканской. В результате здесь сформировалось жилище с внутренней планировкой иного типа, чем на севере и в центре.

Центром дома в южном регионе является помещение с очагом, располагающимся на основании прямого пирамидального дымохода у смежной стены. Сюда же выходит устье духовой печи, выложенной из камней, кубический корпус которой находится в смежной жилой комнате. Помещение с очагом служит по отношению к жилой комнате прихожей, но в отличие от сеней жилища северных районов, считается теплым и соответственно жилым.

По балканской традиции в домах наиболее старинного образца (начала XIX в.) это помещение имеет, кроме двери с фасада, и дверь в заднюю часть двора. Такая связь дома с двором известна в литературе как явление балканского происхождения. А сама планировка в соответствии с существующей в литературе классификацией жилища относится к одним из вариантов южно-европейского жилища⁶. Данный тип жилища, называемый нами условно в масштабах молдавского региона балканским, представляет собой жилище, черты внешнего облика, внутренней планировки и убранства которого были возрождены в южной Бессарабии по привычным образцам, мигрантами из Болгарии (болгарами и гагаузами) и молдаванами из Запрутской южной Молдовы. В первой половине XIX в. этот тип жилища бытовал в массовом порядке в колониетских селах наравне с другим, довольно простым набором разновидностей жилища только что освоенного разнотничным населением края. Позже, повлияв значительно на формирование региональных, адаптированных к местным условиям типов, балканский дом в чистом своем виде стал встречаться реже.

Невзирая на сравнительную однотипность жилища балканского происхождения, анализ отдельных локальных и этнических признаков вскрывает наличие ряда вариантов. Это было связано прежде

всего с неоднородным социальным и этническим составом задунайских и запрутских переселенцев в момент их переселения.

Наиболее типичным для быта задунайских переселенцев был равнинный дунайско-причерноморский вариант этого дома, который при общем для региона Северо-восточной Болгарии типе планировки, характере отопительной системы и функциональной характеристике помещений является разновидностью типа жилища придунайских районов Болгарии и Румынии и отличается при этом несложной одноэтажной конструкцией и отсутствием украшений во внешнем облике. Именно в нем, стремясь сохранить традиционные габариты старого дома и в то же время, испытывая дефицит в крупном, достаточно прочном строевом лесе, матицу часто подпирали столбом. Ширина плетневого или чамурного дома в поперечном сечении, немногим уступает длине его (по фасаду). Четырехскатная камышовая (изредка драочная и черепичная) крыша со сравнительно пологими скатами и длинным коньком, придавали ему характерную приземистость. Для крепления тяжелого черепичного покрытия стропила часто опирали на полусоски по коньку или середине стропильных пар. Вдоль наружного основания стен тянется глинобитная завалинка иногда с 1, 2 или 3-х сторон (фасад и торцевые). Местами она переходила в галерею. Деревянный декор вдоль карнизов крыши, на столбах и парапетах галереи или отсутствует вовсе или предельно скромно. Побелка и окраска стен в старых вариантах вовсе отсутствует. Только иногда белили верхнюю часть фасадной стены, обводя край побелки узенькой темной полосой (перваз).

Состоял он из двух смежно расположенных и связанных внутренней дверью теплых помещений: жилая комната (гаг. "соба", "ичер", болг. "кышта", молд. "каса"), где располагался корпус кубической духовой печи, выложенной из мелких камней, и помещение, куда вел вход со двора и где находился очаг (гаг. "хяат", болг. "фаят", молд. "тиндэ"). Очаг расположен на основании большого пирамидообразного прямого дымохода (гаг. "бажалык", болг. "кумина", молд. "хожяг", "бэжак"), стоящего у стены смежной и жилой комнаты. Сюда же в дымоход ориентировано устье печи (молд. "куп-тьор", гаг. "фырын", "соба", "джамал", болг. "соба"), обогревающей жилую комнату. В отличие от молдавско-украинского дома с холодными сенями, дом, построенный в балканских традициях, условно называть "дом с хяатом". Хяат в таком виде часто имел 2 сквозные двери: с фасада и со стороны двора и, являясь по

балканской традиции, ядром жилища в размерах превышал жилую комнату. Здесь в дальнем углу часто находились ясли для скота, здесь же находилась утварь, а в ларях и бочках запасы продовольствия, здесь варили еду на очаге, работали, ели, спали, прямо на полу или на нарах в летнее время. При наличии навеса сзади дома пространство под навесом являлось дополнением к жилищу в летнее время. Хаят не имел окон. По традиции достаточным считалось освещение через постоянно открытую в теплое время года дверь. В ненастье, внутренность хаята освещалось пламенем открытого очага или светом сальных или маслянных плашек или свечей.

Стены хаят никогда не белились. Глиняную обмазку окрашивали раствором желтой или красноватой глины. Для хранения утвари и продовольственных запасов поблизости от очага устраивали на стенах деревянные полки и подвесные шкафчики, заменяющие еще более архаичные ниши.

Над хаятом потолок часто отсутствовал. Стремление возводить потолочное перекрытие иногда выражалось в наличии балочной обрешетки, которую оставляли без потолочного настила. Внутренняя часть крыши, а также балочная обрешетка составляли характерную черту интерьера хаята старинных домов. К балкам крыши и потолка по традиции привешивали узлы с шерстью и пряжей, пучки лечебных трав, конскую сбрую, различную утварь. Здесь же устраивали разный сельскохозяйственный инвентарь (косы, грабли, вилы и т.д.).

В хаяте располагалась вся утварь и несложная мебель: маленький круглый столик (гаг. "софра", болг. "суфра", молд. "мэсуца"), маленькие скамеечки для сидения. У дверей устраивали приспособления для ведер с водой (гаг. "бакырлык", болг. "водник").

Жилая комната, использовалась как спальное помещение, для чего здесь вдоль задней и частью торцевой стены устраивали широкое спальное возвышение, глинобитное или дощатое (гаг. "долма", "пат", молд. "пат", болг. "опор", "пат"). Постельные принадлежности на день укладывали горкой в углу "пата"; иногда на сундук. По старой балканской традиции обычными были и полки для спальных вещей в одном из задних углов комнаты. Пат покрывали камышовыми циновками. Ими же часто покрывали глиняный пол в комнате. Циновки стелили на пол в хаяте, когда там устраивались ко сну. Обычными в убранстве жилой комнаты были настенные дорожки, налавники. Угол по диагонали от печи занимали образа.

В целом же убранство и функциональные нагрузки жилой комнаты в каждом жилище сложились в Бессарабии на основе местных молдавских традиций.⁷ Двор чаще всего делился, расположенным: поперек усадьбы, фасадом к улице домом, на 2 половины: передняя и задняя части. В переднем дворе располагался летний очаг, часто плетневой амбар, иногда хлев. Ток сескирдами соломы и топлива составляли задний двор. Изредка он обращен был торцом, а то и задней стеной на улицу.

Вариантом балканского дома можно считать встречавшиеся в гагаузских и болгарских селах и главным образом в среде зажиточной части населения Комрата, Болграда, Чадыр-Лунги, дома, имевшие аналогии с одним из типичных вариантов добруджанского дома на высоком цоколе с галереей, а также с жилыми постройками старых болгарских городов.

Одним из признаков, подчеркивающим эти аналогии являлось обычное для таких домов покрытие привозной из Болгарии, круглой черепицей. Сходство с архитектурой староболгарских городов подчеркивалось также тем, что эти дома, повторяя традиционный балканский внутренний план, строили часто на высоком цоколе с подвалом или даже на двух уровнях. С фасада, а иногда и с торца эти дома окружала двухэтажная галерея со столбами. Галереи обносились дощатым парапетом. Парапет и столбы, как и подзоры кровли декорировали несложной резьбой. В цокольном этаже располагали подсобные жилые и хозяйственные помещения (кухня, подвал). В семьях ремесленников здесь располагали мастерскую. Наиболее предприимчивые хозяева превращали помещение, расположенное со стороны улицы в лавку.

Мы намеренно картину взаимодействия типов жилища упростили за счет того, что ограничились сравнительно подробным описанием 2-х основных этнических традиций, представленных в крае 2-мя типами жилища: молдавско-украинского и т.н. балканского, завезенного в свое время в край задунайскими переселенцами. И это не случайно. Именно устойчивость этих двух исходных типов в дальнейшем обозначили основные тенденции развития жилищных традиций в крае в XIX в. В этой связи небезинтересно отметить, что зональные различия, определяемые этими двумя традициями с самого начала, проявляли себя и в характере интеграции разноэтнических традиций в ходе миграционных процессов, имевших место в течение всего XIX в. как на юге, так и на севере. Так, в северных и центральных районах Молдавии жилищные традиции пришлого (преимущественно украинского и русского) и старожильческого (молдавского)

и отчасти украинского) населения постепенно и плавно сливались, будучи близкими между собой, т.к. изначально все они являлись подтипами восточно-европейского жилища, включая сюда в первую очередь восточно-славянские его разновидности. Это несомненно исключало сколько-нибудь длительное сосуществование кардинально отличающихся друг от друга типов жилища.

Жилище южной зоны отличалось обьльшим типологическим разнообразием по линии разных таксонов как этнического так и технологического характера (землянка, степные мазанки с глиняным покрытием, дома немецких колонистов, дома гагаузов и болгар т.н. балканский дом, южно-молдавский дом, представляющий собой южную модификацию молдавско-украинского дома, дома русских переселенцев). Все это сосуществовало, сохраняя на первых порах черты этнической принадлежности. В дальнейшем же, неизбежно взаимно влияя друг на друга, эволюционировали по законам адаптации в местных экологических и социально-экономических условиях. Одни - выдерживали, соответственно модифицируясь (балканский, южно-молдавский, мазанка с земляным покрытием, немецкий), другие - исчезали (землянки, дома русских и украинских переселенцев). И если эволюция на севере шла от единого (молдавско-украинского) типа к появлению внутризональных региональных и даже локальных вариантов. На юге наоборот - от пестрого множества первоначальных типов к регионализации (укрупнению, идентификации) вариантов со сравнительно слабо сохранными этническими и локальными признаками исходных типов. В региональных типах типологическими признаками остава-лись наиболее устойчивые, адаптивные. Таковыми в региональном южном жилище в т.н. колонистском доме явились: отопительная система и связанная с ней внутренняя планировка и связь помещений, свойственная с самого начала жилищу балканских традиций, общий горизонтальный трехраздельный план и внешний облик южно-молдавского дома, суженные поперечные и вытянувшиеся продольные параметры, двускатная крыша, ориентация торцом к улице немецкого дома и т.д.

В третьей зоне произошло смешение признаков жилища двух вышеуказанных зон. Здесь глинобитная печь северного образца, дополненная грубой, ориентируется в прихожую, выполняющую функции кухни и сеней одновременно. С этой точки зрения южно-днестровский тип дома представляет собой классический образец синтеза двух вышеописанных этнических традиций, которые, взаимодополнив

друг друга, сами не изменились и создали новый, адаптированный к природным и демографическим условиям региона тип дома с теплыми сенями.

Таким образом:

Вышеупомянутое этнографическое районирование территории Молдавии – результат плодотворного взаимодействия здесь двух крупных этнических традиций в народном жилище; восточно-европейской и южно-европейской в соответствующих вариантах.

Указанные выше этнокультурные ареалы имеют естественное продолжение за границами Молдавии, соответственно в сопредельных Социалистической Республике Румынии – с Запада и СССР – с Востока, а также в Придунайских районах Северо-восточной Болгарии.

Традиции народной архитектуры южных районов Молдавии имеют аналогии в жилище более южных районов Пруто-днестровья, входящих в Одесскую обл. СССР. Их Объединяет как ландшафт (степь, прорезанная балками), так и общность исторических судеб и сходство этнического состава населения.

---

¹ Бромлей Ю.В. Проблемы советской этнографии. – М., 1981, с. 125.

² Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л., 1983, с. 5.

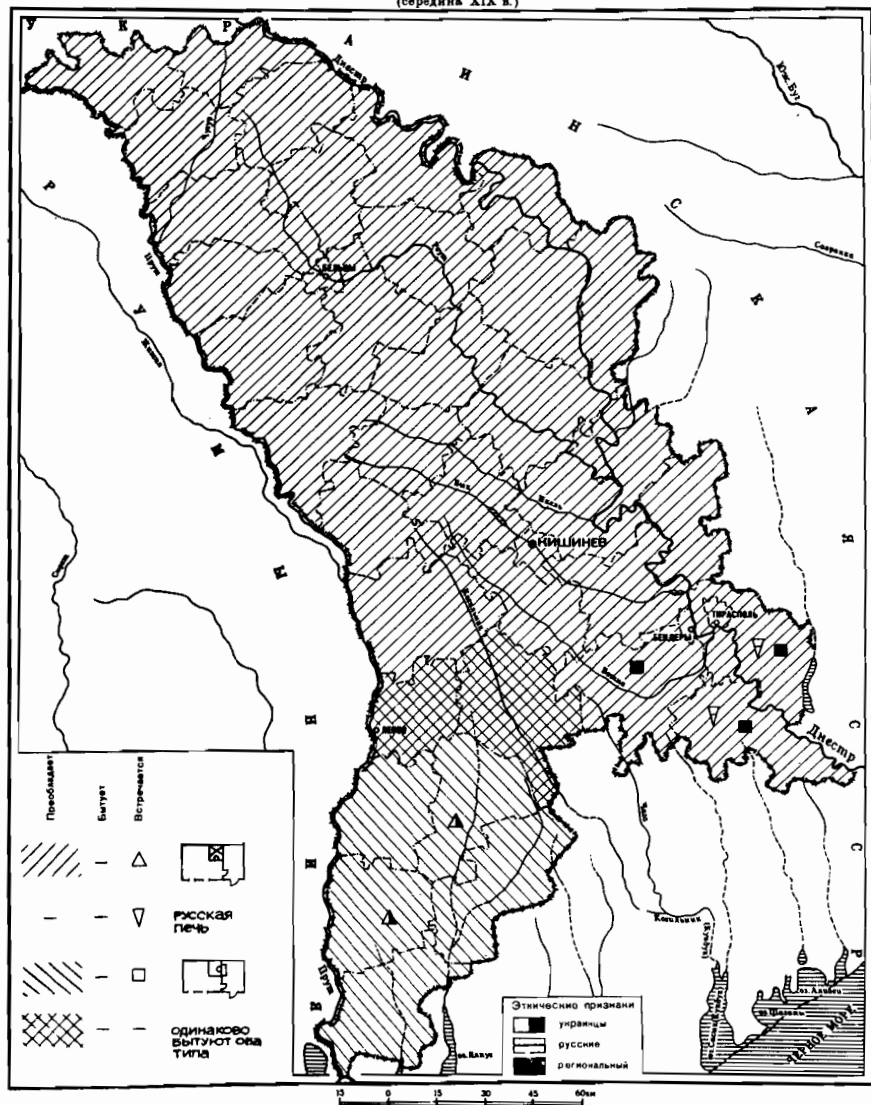
³ Фуртуна А.Т. К вопросу о типологизации и ведения овцеводческого хозяйства у молдаван в XIX – нач. XX вв. // Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1985, № 1, с. 64–68.

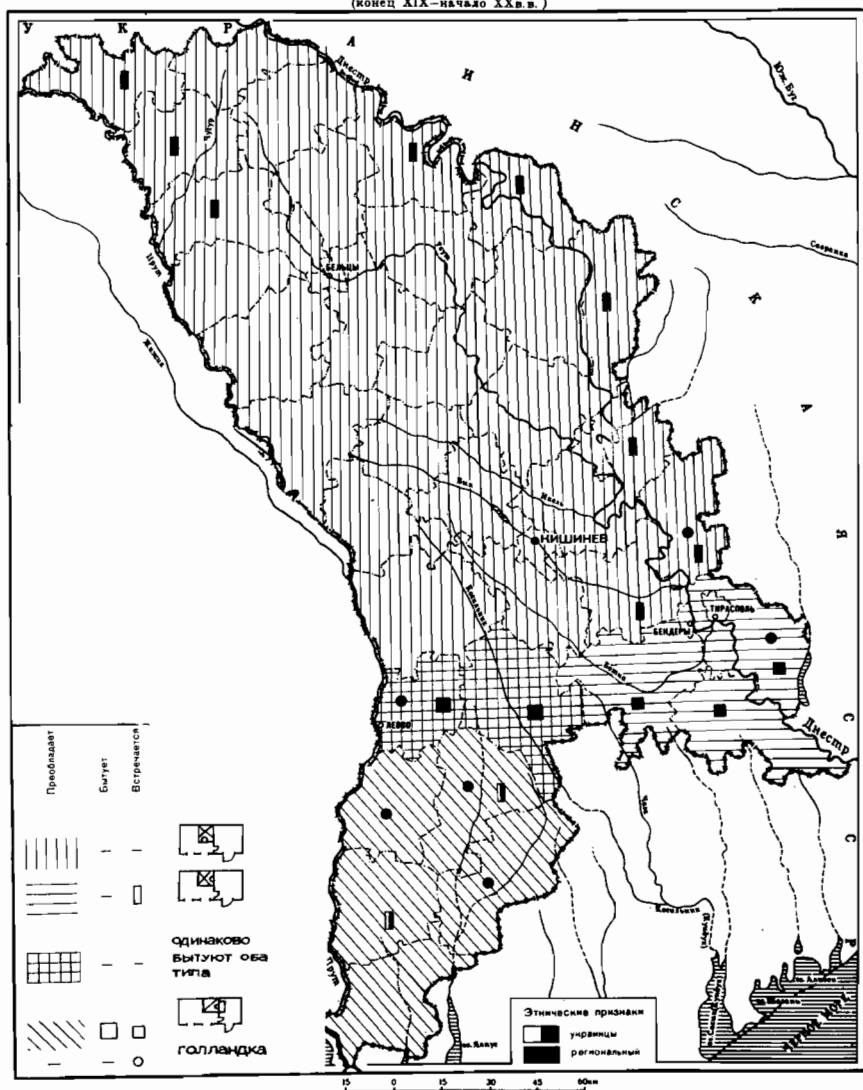
⁴ Мешеряк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856 гг.). Кишинев, 1971.

⁵ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов. – Восточнославянский сборник. ПИЭ, т. XXXI, 1956; Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX вв. – В кн.: Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 154.

⁶ Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968, с. 362.

⁷ Маруневич М.В. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980, с. 136–137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ

<u>Литаврин Г.Г.</u> - Социальные и политические институты Византийской империи и Болгарии в VIII- начале XI вв. - 3	- 3
<u>Бычков М.В.</u> - Из истории культурных связей Византии и славян /Изборник Симеона - Изборник Святослава и его греческие прототипы/	- 18
<u>Фрейденоберг М.М.</u> - Дубровницкий купец на Балканах: стиль поведения	- 28
<u>Лещиловская И.И.</u> - Культура сербского Провещения и Россия	- 37
<u>Шеремет В.И.</u> - Типологические черты формирования зависимого развития стран Юго-Восточной Европы. Балканские территории Османской империи в переходный период от феодализма к капитализму	- 49
<u>Арш Г.Л.</u> - О воздействии Великой французской революции на Балканы (по материалам Архива внешней политики России)	- 55
<u>Шеремет (Зеленина) Л.В.</u> - Восточный вопрос в эпоху наполеоновских войн	- 65
<u>Виноградов В.Н.</u> - Юго-Восточная Европа в международных отношениях (конец XVIII-XIX вв.)	- 72
<u>Чуркина И.В.</u> - Венгры и южные славяне в 1848 г.	- 80
<u>Аксенова Е.П.</u> - Балканская политика европейских держав в оценке русской демократической печати 70-х годов XIX в.	- 89
<u>Гросул В.И.</u> - Балканские монархии XIX века	- 101
<u>Павлюченко О.В.</u> - Участие югославян в революционно-освободительной борьбе на Украине против самодержавия во второй половине XIX - начале XX вв.	- 111
<u>Решетникова О.Н.</u> - Албания в межбалканской политике в первой половине 30-х годов XX в.	- 121
<u>Удунян Ар.А.</u> - Греки СССР в межвоенный период	- 130
<u>Смирнова И.Д.</u> - Внутренние и внешние факторы антифашистской освободительной борьбы: их влияние на формы послевоенного государственного устройства балканских стран	- 139

- Язькова А.А. - Общеввропейские и региональные проблемы в современной политике балканских государств (вторая половина 80-х годов) - 145
- Марьина В.В., Валева Е.Л. - Антифашистская освободительная борьба в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. Некоторые вопросы методологии и историографии - 153
- Покивайлова Т.А., Соколовская О.В. - Становление балканистики в СССР (изучение истории балканских стран) - 163

ЭТНОГРАФИЯ

- Зеленчук В.С. - Волохи в Карпато-Дунайских землях. Проблемы ранней этнической истории. - 174
- Маруневич М.В. - О взаимодействии этнических традиций на территории Молдавии (по результатам картографирования народного жилища). - 185

Подписано к печати 03.03.89. А-09841
Усл. п.л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,63
Уч.-изд.л. 11,51. Печать офсетная
Тираж 500 экз. Зак. 74. Цена 1 р. 20к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 20 к.